

Евгений Маурин

Шах королеве

Евгений Иванович Маурин

Шах королеве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6600659

Аннотация

«Заходящее солнце еще золотило вершины старых деревьев, но внизу, на дорожках векового парка, уже расправлял свои бархатные крылья ясный, теплый весенний вечер. И в этой прозрачной влажной полутьме все – и звуки, и формы – смягчалось, представляясь окутанным грезовой поэтической дымкой. Таинственно темнели недра аллеи, словно уходя в безвестную бесконечность, мохнатые дуплистые стволы деревьев казались добродушными чудищами, замороженными на день и теперь оживающими, а раздражающий шум бойкой городской жизни, врезываясь в насыщенную запахом травы и влажной листвы атмосферу парка, смягчался и казался ласковым шумом прибоя далекого моря...»

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	22
III	46
IV	51
V	67
VI	84
VII	96
VIII	109
Часть вторая	123
I	123
II	129
III	136
IV	141
V	150
VI	156
VII	165
VIII	171
IX	176
X	185
XI	190
XII	199
XIII	208

Евгений Маурин

Шах королеве

Часть первая

I

Заходящее солнце еще золотило вершины старых деревьев, но внизу, на дорожках векового парка, уже расправлял свои бархатные крылья ясный, теплый весенний вечер. И в этой прозрачной влажной полутьме все – и звуки, и формы – смягчалось, представляясь окутанным грезовой поэтической дымкой. Таинственно темнели недра аллеи, словно уходя в безвестную бесконечность, мохнатые дуплистые стволы деревьев казались добродушными чудищами, замороженными на день и теперь оживающими, а раздражающий шум бойкой городской жизни, врезываясь в насыщенную запахом травы и влажной листвы атмосферу парка, смягчался и казался ласковым шумом прибоя далекого моря.

Невдалеке от массивной кованой решетки парка, где было еще почти совсем светло, на широкой скамье расположилась живописная группа молодых нарядных девушек, состоявших при ее высочестве герцогине Орлеанской Генриетте.

Эти девушки со слегка насмешливым любопытством окружили «новенькую» – умеренно высокую, стройную, гибкую провинциалочку с чудными космами золотисто-белочурых волос и громадными голубыми глазами, с наивным любопытством глядевшими на новый для нее мир.

Луиза де Лавальер, как звали «новенькую», всего только две недели, как прибыла ко двору герцогини из родной Турени.

Нерадостно встретил Париж юную провинциалку. Сама герцогиня почему-то сразу не полюбила застенчивую Луизу и без обиняков дала ей понять, что не отсылает ее домой лишь ради услуг, оказанных отчимом Луизы, маркизом де Сэн-При, Орлеанскому дому. Холодность герцогини повлияла и на отношение к новенькой ее подруг. Никто не делал попыток помочь неопытной провинциалке освоиться с чуждой для нее жизнью, и только веселая, добрая д'Артиньи приняла некоторое участие в Луизе. Однако и эта добрая душа вскоре сообщила товаркам, что новенькая – или лицемерка, или бесконечная дурочка, не понимающая самых простых вещей. В скором времени все фрейлины Генриетты Английской со смехом передавали друг другу рассказы о новой смешной выходке или нелепой мысли, высказанной «неотесанной пастушкой из Турени». И вот теперь, воспользовавшись случайно выпавшим на их долю вечером полной свободы, жадные до проказ и насмешек девицы окружили Луизу де Лавальер, с насмешливым любопытством прислу-

шиваясь к тому, что в ответ на их беглые вопросы рассказывала «пастушка из Турени» своим на удивление звучным, мелодичным голосом.

Когда Лавальер снова ударилась в сентиментальное описание идиллических красот родного замка, ее перебила полная, рослая красавица де Пон, первая скрипка в оркестре насмешниц двора герцогини Орлеанской:

– Итак, ты говоришь, что соседей у вас там было немного? Значит, тебе было довольно скучно там, у себя?

– О! Скучно в Лавальере? – почти с негодованием воскликнула молоденькая провинциалка. – Видно, что все вы ни разу не бывали на моей милой родине! Конечно, в зимние месяцы приходилось по большей части сидеть в комнатах, но ведь зима недолга у нас, в Турени! А весной, летом и осенью разве может явиться мысль о скуке?

– Значит, вы давали приемы и вечера исключительно в теплое время года? – спросила де Шимероль.

– Вечера? Приемы? – с очаровательной улыбкой повторила Луиза. – О, нет, этого у нас не бывало! Конечно, раза два в год у нас собирались ближайшие друзья и родственники, но назвать эти съезды приемами... Нет, милая Тереза, для приемов мы были слишком бедны! Я ведь – не одна, у меня еще есть взрослая сестра и брат-офицер.

Девушки насмешливо переглянулись при этом признании, а д'Артиньи с дружеской досадливостью передернула плечами: ведь бедность уже сама по себе была несчастьем,

граничащим с пороком, а открыто и без нужды признаваться в нищете – нет, это было или самым непростительным цинизмом, или непроходимой глупостью! Ведь и все эти юные насмешницы тоже не могли похвастать достатком, на придворную службу их тоже толкнуло желание найти в Париже ту подходящую рамку для своей юности и красоты, которую не могли им доставить в провинции обедневшие родители. Но все они предпочли бы любой позор, чем открыто признаться в этом! Наоборот, в часы досуга они наперебой хвастали друг пред другом роскошью, весельем и разнообразием жизни в родных замках, заменяя горделивым вымыслом убогую действительность!

Тем временем Луиза, на мгновение унесшаяся в мечтах к своим близким, продолжала:

– А сверх того разве истинное удовольствие и истинная радость в таких нарядных роскошных празднествах, которыми так богата здешняя жизнь? Полно вам! Посмотрите, как после сбора винограда танцуют наши крестьяне кипучую гальярду, каким искренним весельем сверкают их глаза, как развеваются в веселом круженье волосы женщин и как задорно прищелкивают о землю деревянные подошвы их сабо!¹ О, посмотрите только на гальярду, и вам сразу станет бесконечно скучно при одном только взгляде на чинный и мертвый менюэт, которым теперь так увлекаетесь вы все! Но

---

¹ Деревянные башмаки, или грубые кожаные на деревянной подошве. (Здесь и далее сноски печатаются в авторской редакции. – *Изд.*)

разве в одних танцах там дело? Ах, как хорошо бывало выбежать под вечер за ворота замка и углубиться в далекое поле, навстречу возвращающимся стадам! Еще издали слышишь заунывно-ласковый напев пастушеской свирели и бодрое пощелкивание бича. Вот все ближе и ближе придвигается облако клубящейся пыли, из которой мало-помалу вырисовывается сначала мелкий скот, затем более крупный, рогатый. Где найдешь, где увидишь все это в вашем душном, чинном, замороженном Париже?

– Ну, милая моя, – заметила де Пон, – чего-чего, а уж рогатого скота в Париже, особенно при дворе, сколько угодно!

Луиза с наивным удивлением посмотрела на подруг, ответившим взрывом дружного смеха на это замечание, и, к их величайшему удовольствию, отозвалась:

– Неужели? Как жаль, что мне вовсе не пришлось видеть это!

– Ну, да! Ведь самый матерый представитель этого вида почти все время находится в отъезде! – кинула сквозь зубы смуглая брюнетка де Воклюз, у которой были свои счеты с тем, кого она имела в виду под этим непочтительным эпитетом.

– Впрочем, – продолжала Лавальер, – по правде сказать, я не очень-то долюбливала коров и быков. Зато барашки и овцы были моей слабостью! Я иногда даже сама пасла их! Ах, как хорошо было надеть широкополую соломенную шляпу, вооружиться крючковатым посохом и усесться с томиком

Ронсара² на зеленом холмике среди кротких и послушных барашков! Вот этого удовольствия вы не знаете, этих тихих радостей я совершенно лишена здесь!

– О, да! – сентиментально закатывая глаза, сказала Мари де Руазель, чистокровная парижанка, никогда даже издали не выдавшая настоящей деревни. – В сельской жизни столько красоты и поэзии!

– Напрасно ты заранее отчаиваешься, дочь моя! – покровительственно произнесла де Пон. – Ты достаточно миловидна, не лишена некоторой грации, обладаешь вкрадчивым голосом и томным взглядом. И стоит тебе только поумнеть да отбросить излишний провинциализм, как при нашем дворе недостатка в покладистых барашках не будет! Все они с восторгом лягут у твоих ног, и тебе нетрудно будет управлять ими не только без посоха, а просто одним движением своих длинных ресниц!

– Да, но для этого надо поумнеть, – отозвалась Воклюз, презрительно прищуривая недобрые глаза в сторону Луизы, – а для этого мало одного доброго желания!

Луиза хотела что-то сказать, но в этот момент внимание всех привлек шум копыт быстро скачущей лошади. Девушки кинулись к самой решетке и увидели, как мимо них быстро промчался какой-то всадник. Они успели заметить только, что всадник был еще молод и одет в скромный дорожный

---

² Пьер де Ронсар (1524–1583) – глава школы французского ложноклассицизма и отец французской пасторали.

костюм; он быстро-быстро промелькнул перед их глазами, и вскоре стук копыт его лошади сразу оборвался за углом.

– Это к нам! – воскликнула Шимероль. – Кто бы это мог быть?

– Ну, мало ли кто! – лениво отозвалась Руазель, возвращаясь на старое место. – К ее высочеству то и дело прибывали курьеры от брата, английского короля! Итак, Луиза, – обратилась она снова к Лавальер, – ты сама пасла стада у себя на родине? Значит, ты пережила на самом деле все то что так красиво и заманчиво описывают поэты? Счастливая!

– Ну, «все» она едва ли пережила! – насмешливо отозвалась Воклюз и прибавила сквозь зубы: – Для этого наша «пастушка» – слишком глупенькая гусыня!

– Что ты подразумеваешь под этим «все», Мари? – звучным грудным голосом спросила Лавальер.

– Но... ведь... – несколько замялась Руазель. – Вспомни Жана де Мэрэ, Шаплэна, Лодэна.³ При пастушке в пасторали всегда состоит молодой, красивый пастушок, который оберегает ее, ухаживает за ней, ловит на лету все ее желания, говорит с ней о любви и возвышенных мыслях. Ну... и... вообще... пастушок ублажает пастушку всем, чем может.

– Нет, моя добрая Мари, тут уже я должна разочаровать тебя! – с чарующей улыбкой ответила Луиза. – Пастушка при мне никакого не состояло, о любви и возвышенных чувствах мне говорил лишь мой старый, испытанный друг – томик

---

³ Поэты школы Ронсара.

Ронсара. Что же касается охраны и разных услуг, которые обязан оказывать даме приятный кавалер, то их мне по мере сил и возможности оказывал Нарцисс, мой верный, преданный пес!

– И... с успехом? – с притворным любопытством осведомилась де Воклюз.

Луиза с искренним изумлением посмотрела на подруг, которые пришли в неистовое веселье от вопроса Воклюз и особенно от тона, которым он был сделан.

Но она не успела осведомиться о причине непонятного ей смеха, как сзади, из-за решетки, послышался звучный мужской голос.

– Приветствую вас, прекрасные девицы, и искренне сожалею, что должен прервать на мгновение ваше веселье смиреннейшей просьбой!

Девушки обернулись. У решетки, держа на поводу лошадь, стоял всадник, незадолго перед тем пронесшийся мимо них.

Теперь быстрые девичьи глазки сразу разглядели, что незнакомец был еще моложе и одет еще беднее, чем им показалось с первого мимолетного взгляда. Действительно, на большой, порыжелой от времени и непогод широкополой шляпе не было ни пышного пера, ни пряжки; кожаный камзол носил следы неоднократной чинки, а ноги были обуты в неуклюжие ботфорты деревенской работы. Эту бедность костюма незнакомца еще ярче оттеняла выглядывавшая из-за

пояса рукоятка шпаги старинной чеканной работы с тремя небольшими лилиями, края которых были оттенены мелкими бриллиантами.

Зато лицо юноши могло заставить забыть о костюме. Худощавое, с тонкими чертами, с тем особенным оливковым загаром, по которому сразу узнаешь гасконца, с веселыми, умными глазами, оно было полно энергии и силы. И волнистые иссиня-черные волосы, прихотливым руном ниспадавшие из-под шляпы, казались лучшей рамкой для нежного и мужественного лица незнакомца.

Некоторое время девушки молча разглядывали приезжего, затем де Пон, стараясь говорить как можно надменнее, обратилась к нему с вопросом:

– Чем можем мы служить вам? Изложите вашу просьбу!

– Да, это легко сказать – «изложите», – смеясь отозвался юноша. – Поручение, данное мне, не из тех, о которых кричат на улице! Но как быть? Я не вижу нигде поблизости ни калитки, ни ворот, а между тем время не терпит! Впрочем, это препятствие еще не так велико! – и, быстро привязав лошадь поводьями к колонке решетки, незнакомец одним движением перемахнул через ограду, перекинувшись в парк, словно акробат на трапеции.

Девушки невольно вскрикнули от испуга, а де Пон, объятая священным негодованием, возмущенно крикнула:

– Эй, вы! Что это за выходка? Да знаете ли вы, где вы находитесь?

– Знаю, знаю, моя красавица, – не смущаясь, ответил юноша. – Я нахожусь во дворце его высочества герцога Орлеанского перед благородными девицами, имеющими счастье служить ее высочеству герцогине и не уступающими в красоте, благородстве и изяществе древним грациям, с той только разницей, что граций было всего три, вас же, к чести и славе Франции, несравненно больше. Разрешите представиться вам, прекрасные девицы! Я – Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк, к вашим услугам! – и юноша, сняв шляпу, отвесил посмеивавшимся фрейлинам самый изысканный поклон, какой сделал бы честь любому придворному щеголю.

– Герцог д'Арк? – подхватила язвительная де Воклюз, выходя вперед и делая Бретвиллю жеманный реверанс. – Скажите, ваша светлость, не потомок ли вы высокочтимой Жанны д'Арк?

Ренэ строго, укоризненно посмотрел на девушку и сдержанно ответил:

– Извиняюсь, высокородная девица, если я, вопреки обязанностям кавалера, не подхватываю на лету вашей шутки, которую вы кинули мне с необдуманностью, весьма понятной для вашего возраста. Но я слишком чтю высокую и прелестную память этой девственницы, – юноша выразительно подчеркнул последнее слово, – чтобы легкомысленно шутить со слишком дорогим сердцу всякого истинного француза именем! Сан герцога д'Арк получил мой дед от блаженной памяти короля Генриха Четвертого в 1589 году, на поле сраже-

ния при Арк-Батайле, и с тех пор старший из представителей рода маркизов де Тарб прибавляет к своему имени еще и этот почетный титул! Однако, – продолжал он, обращаясь к де Поль, в то время как смущенная Воклюз юркнула за спину подруги, – позвольте мне изложить вам, как первой приветствовавшей меня здесь, свою просьбу. Проездом через Рамбулье я встретил одно высокопоставленное лицо – назвать его имя я не уполномочен: оно дало мне важное и спешное поручение к ее высочеству герцогине. Это лицо предупредило меня, что поручение должно быть передано до заката солнца сегодняшнего дня и что всякое промедление в исполнении его может вызвать бесконечно неприятные последствия для некоторых высоких особ. Побеждая многие непредвиденные препятствия, я с радостью въезжал в Париж, сознавая, что срок, данный мне, еще не истек. Однако самое главное препятствие оказалось впереди: меня не пропустили к ее высочеству и отказались даже доложить обо мне. На мои настойчивые просьбы мне было отвечено, что никто не решится побеспокоить в этот момент ее высочество, и что доложить о ком бы то ни было рискнет разве кто-либо из состоящих при ее высочестве фрейлин. Поэтому я и явился сюда, чтобы успеть до захода солнца исполнить свое поручение с вашей любезной помощью!

– К сожалению, мы ничем не можем помочь вам, – с прежней холодной надменностью ответила де Пон. – Ее высочество играет в шахматы!

– В шахматы? – воскликнул Ренэ. – Клянусь Марсом и Кипридой, это весьма почтенная и разумная забава, но ведь в конце концов – только забава, которая не может помешать ее высочеству принять курьера с важным поручением, так что вы, конечно, все-таки не откажетесь доложить обо мне!

– Ее высочество играет в шахматы! – ответила де Пон, небрежно пожимая плечами.

– Но повторяю вам, что поручение дано мне очень высокопоставленным лицом! – воскликнул юноша.

– Может быть, но ее высочество играет в шахматы! – было непоколебимым ответом.

– И это поручение крайне важно!

– Возможно, но ее высочество играет в шахматы!

– Неисполнение его грозит тягчайшими последствиями!

– Весьма вероятно, но ее высочество играет в шахматы!

Ренэ Бретвиль развел руками и замолчал, не зная, что сказать далее. Де Пон иронически смотрела на него.

– Ну, хорошо, – заговорил снова юноша, стараясь придать тону своего голоса как можно более вкрадчивой ласки, – может быть, вы будете добрее, если узнаете, что мне в награду за исполнение поручения обещано покровительство важного лица. Ведь я одинок на свете, у меня нет ничего, кроме юности, отваги, честного имени да вот этой шпаги. Пропустить такой случай, который может никогда не представиться, да еще пропустить только из-за случайного каприза прекрасной девицы – нет, согласитесь, что это было бы слишком

обидной насмешкой судьбы!

– Соглашаюсь, но... ее высочество играет в шахматы! – невозмутимо ответила де Пон.

Вся кровь хлынула в голову юному герцогу, его глаза сверкнули, рука невольно ухватилась за эфес шпаги.

– Хорошо же! – крикнул он. – Раз вам не угодно принять во внимание доводы разума, я обойдусь без вас и – будь, что будет! – сам найду дорогу к ее высочеству!

Юноша сделал движение, намереваясь броситься к дому, но де Пон остановила его повелительным движением руки и сказала:

– Ни шага далее! Одно движение, и я крикну стражу! Начинать с Бастилии – плохая примета для всей дальнейшей карьеры, а в Бастилию вы попадете непременно, потому что... потому что ее высочество... играет в шахматы!

– Что же мне делать? – с взрывом непритворного отчаянья воскликнул Ренэ.

– Перелезть обратно через решетку и... ехать своей дорогой! – последовал бесстрастный ответ.

Но тут уже терявший всякую надежду Бретвиль вдруг получил неожиданное подкрепление из самого стана врагов.

Луиза да Лавальер с самого начала прониклась симпатией к смелому и ловкому гасконцу, и, по мере того как его попытки переубедить де Пон все безнадежнее разбивались о ее ироническое спокойствие, «туренскую пастушку» все более подмывало прийти к нему на помощь. Луиза только не

решалась, робела, но теперь отчаяние, отразившееся на лице Ренэ, победило ее робость, и девушка воскликнула:

– В самом деле, Генриетта, я совершенно не понимаю, почему ты отказываешься доложить о молодом человеке? Правда, ее высочество приказала ни в каком случае не беспокоить ее, но ведь никто не может предвидеть разные случайности, и приказ ее высочества не может обнять все случаи без исключения!

– Ее высочество играет в шахматы! – снова повторила де Пон.

– Ах, милая Генриетта, – с досадой ответила Лавальер, начиная сердиться. – Всякая шутка хороша в меру! Я сама играю в шахматы, очень люблю эту игру, даже увлекаюсь ею, но никогда не находила, чтобы эта забава должна мешать серьезному!

– Слышите! – раздался голос де Воклюз, очевидно, уже оправившейся от урока, преподанного ей Бретвилем. – Наша пастушка тоже «увлекается шахматами»! А разве ты играешь, милочка, так же, как ее высочество?

– Да разве ее высочество играет как-нибудь особенно? – удивилась Луиза.

– Да, дорогая моя пастушка, совсем особенно! – со злобной язвительностью ответила Воклюз. – У ее высочества такая игра, что при всяком ходе получается шах королеве!

– Воклюз! – с негодующей укоризной окликнула ее де Пон, но этот окрик потонул во взрыве общего девичьего сме-

ха.

Этот смех окончательно рассердил Луизу, ее бледное лицо даже покрылось пятнами раздражения.

– Я не знаю, что вы хотите сказать своими злыми намеками и смехом, – почти со слезами крикнула девушка, – но если вы все так злы, то я сама пойду и доложу ее высочеству!

– О, как вы добры и... как прекрасны! – воскликнул Ренэ, лицо которого снова просветлело.

Затем, повинувшись мгновенному движению чувства, экспансивный гасконец в один прыжок очутился около Луизы, быстрым, изящным движением преклонил колени и приник к руке своей заступницы страстно-почтительным поцелуем.

Какой-то горячий, сухой ток пробежал по руке Луизы от этого прикосновения, жгучей волной обжег ее сердце и отхлынул к голове, колющими искрами впиваясь в мозг. На мгновение в глазах девушки потемнело, нервная дрожь пронизала ее стройное тело. Но сейчас же, густо покраснев, Луиза отдернула руку и поспешно пустилась по дорожке к дому. Однако, сделав несколько шагов, она остановилась и, очаровательно розовея в смущении, сказала:

– Но я даже не спросила, как доложить о вас?

– О, будьте любезны сказать, что ее высочество хочет видеть «посланный из ле Мана»! – ответил юноша.

При последнем слове уде Пон, насмешливо смотревшей вслед Луизе, лицо внезапно вытянулось, и она с некоторым замешательством спросила:

– Из ле Мана, говорите вы? Но... ведь вы упомянули вначале про... Рамбулье? Почему же вы сразу не сказали, что прибыли из ле Мана?

– Не знаю, вероятно потому, что... «ее высочество играет в шахматы»! – ответил юноша, передразнивал надменно-ледяной тон де Пон. – Во всяком случае из обстоятельств дела не видно, чтобы этот город помог мне у вас больше, чем все мои остальные убеждения и доказательства. Как видите, ваша подруга и без этого исполнила мою просьбу! Да, она добрее вас!

– Не добрее, а глупее! – вмешалась д'Артиньи. – Поверьте, для нас самих было бы слишком опасно не допустить к ее высочеству посланного к ней курьера. А раз мы все-таки делаем это, то, значит, получили определенный, не допускающий толкований, приказ! Поверьте также, что мы вовсе не злы, во всяком случае не злее Луизы де Лавальер. Но между нами та разница, что мы-то понимаем, что означает на самом деле данный приказ, а эта дурочка в своей провинциальной душевной простоте – нет.

Тем временем Луиза легким, почти неслышным шагом подходила к «желтой гостиной», где, как она знала, герцогиня собиралась играть с кем-то в шахматы. В тот момент, когда девушка остановилась у неплотно прикрытой двери, из глубины комнаты послышался звонкий, радостный голос герцогини, восклицавшей:

– Шах королеве! Шах королеве! Шах королеве!

Поддаваясь безотчетному любопытству, Луиза осторожно раздвинула складки тяжелой портьеры и заглянула в комнату. При свете последних лучей заходившего солнца, широким отлогим снопом врывавшихся через открытое окно, она увидела, что герцогиня сидит на коленях у нарядно одетого красивого юноши и целует его, приговаривая с каждым поцелуем свое «шах королеве». Хотя Луиза видела этого юношу в первый раз, но она сразу узнала его по портретам, которыми уже не раз любовалась в герцогском дворце. Это был ни много ни мало, как его величество король Людовик Четырнадцатый!

У Луизы подогнулись колени и рука быстро опустила портьеру. Ни жива ни мертва, не сознавая, что она делает и подчиняясь лишь инстинкту, девушка осторожно, стараясь не стукнуть, притворила дверь и затем, затаивая дыхание, на цыпочках отошла в конец коридора, где скорее повалилась, чем села, на подоконник.

Все крутилось и голове несчастной «пастушки». Ее пронизывал ужас пред этими преступными ласками, которыми обменивался король с женой родного брата, вспоминались шуточки де Воклюз, упорство де Пон в нежелании доложить о «посланном из ле Мана».

Да, помешать теперь ее высочеству в игре, «где каждый ход сопровождается шахом королеве», было совершенно невозможно! Бедный юноша! Ему так и не придется воспользоваться счастливым случаем, выпавшим на его долю!

Но тут, вспомнив о Ренэ, Луиза вдруг снова почувствовала на своей руке его поцелуй, и снова горячая волна обожгла ее сердце. Нет, будь что будет, а она доведет до конца взятую на себя миссию! И, собрав всю свою решимость, Луиза встала, не скрадывая шума шагов, подошла к двери и с храбростью отчаяния троекратно постучала в нее.

II

Генриетта Английская, герцогиня Орлеанская, пытливо и с некоторой тоской всматривалась в шахматную доску. Она не могла понять, зачем Людовик поставил коня под удар ее слона, чувствовала здесь какую-то западню, которую не могла разгадать, и заранее раздражалась при мысли, что ее партнер по обыкновению заманит ее в ловушку, чтобы потом поддразнивать женской неспособностью к шахматам.

Нет, этого торжества она не хотела, не могла ему доставить! Ее партия развивалась так хорошо до сих пор! И, усилием воли заставив себя отбросить всякие посторонние мысли и сосредоточиться на одной только игре, Генриетта сказала себе:

«Будем мыслить логически. Если он жертвует конем, значит, ему надо свести моего слона с той линии, на которой он стоит. Для чего же именно надо ему это?».

Герцогиня мысленно сняла своего слона и постаралась представить себе, что произойдет тогда из этого для взаимоположения фигур. И вдруг внутри ее все возликовало: Боже, как это было просто и как дерзко спекулировал Людовик на ее необдуманной, порывистой игре!

Делая вид, будто она ничего не замечает, Генриетта осторожно освободила ладью, вывела своего коня и по третьему ходу, движением второго слона сразу угрожая всем главным

силам противника, с ликованием воскликнула:

– Шах королеве! Ну, теперь она от меня не отвертится!

– Шах королеве, шах королеве! – рассеянно повторил Людовик, досадуя, что сам попал в ту яму, которую коварно рыл своей партнерше. – На этот раз я еще как-нибудь отверчусь, но вообще...

– Но вообще признайся, что мой «шах королеве» был подстроен очень тонко и ловко! – с торжеством воскликнула Генриетта.

Людовик оторвал взор от фигур и с тонкой улыбкой посмотрел на порозовевшую от радости герцогиню.

– Да, но тут, в сущности, нечему удивляться, – лукаво заметил он. – Ведь это – твоя специальность: направлять все свои удары на... королеву! Куда ни обернись, все ей, бедной, шах да шах! Не далее как третьего дня...

При этих словах Генриетте живо и отчетливо вспомнилась сцена, разыгравшаяся несколько дней тому назад в Фонтенбле, на маленьком интимном вечере у королевы. Мария Терезия, ревновавшая короля к его невестке и кузине,⁴ умышленно уколола чем-то герцогиню, а та не осталась в долгу и тут же, хитро подстроив в разговоре западню недалекой королеве, заставила ее выставить себя в смешном, непростительно глупом виде.

– «Шах да шах!» – хмуро повторила Генриетта. – О, с

---

⁴ Мать Генриетты Английской, Генриетта Французская была родной сестрой отца Людовика XIV, Людовика XIII.

каким восторгом я устроила бы ей полный, бесповоротный мат! Ах! – в приливе острой ревнивой тоски воскликнула она вдруг. – Зачем, зачем женился ты на этой толстой испанской корове!⁵ Почему ты не захотел рассмотреть ту страстную, всеобъемлющую, глубокую любовь, которой билось к тебе еще издавна мое сердце? Чем эта надутая испанка лучше меня? Я близка Франции по крови, я – сестра могущественного, дружественного монарха, я достаточно красива, раз сумела все-таки заронить и в твое сердце искру любви. Да, сумела, но... теперь, не тогда. О, почему, Луи, почему?

– Милая Генриетта, – мягко ответил король, притягивая к себе тонкую, выхоленную руку герцогини и нежно целуя ее, – ты не только «достаточно» красива!.. Ты бесконечно красива, бесконечно очаровательна... теперь! Да, из тебя вышла дивная, искристая, радужная бабочка, но та куколка, из которой вышла эта бабочка...

– Была отвратительна?

– Нет, но не могла заронить искру любви ни в ком! Теперь это – уже дело прошлое, Генриетта, теперь мы можем говорить об этом спокойно. Вспомни сама себя! В тринадцать-четырнадцать лет другие девушки уже приобретают женственную округлость линий, нежную прелесть форм, мягкую грацию движений. А ты... ты была каким-то мальчишкой в юбке! Как сейчас помню тебя! Худая, бесформенная, углова-

---

⁵ «Испанская корова» наряду с позднейшим «русская свинья» – очень распространенные ругательства в устах дружественной нам нации.

тая, ты не знала, куда девать слишком длинные руки и ноги. Твое бледное, черновато-серое лицо скрашивали только большие жгучие глаза, да и те горели слишком жутким огнем, а в минуты волнения скашивались. Да и все твои порывистые движения, твоя лихорадочная речь, вечные подергивания!

– У меня было слишком тяжелое детство, Луи, а, это не красит, – тихо ответила Генриетта, потупив глаза. – Вспомни, как мне приходилось тяжело! Ведь даже в родственной Франции нас только-только терпели, ненавистный Мазарини окружал нас с матерью чуть ли не тюремным надзором, а тут еще вечная тревога за брата.

– Ну да, моя бедная, ну да! – подхватил Людовик, снова целуя руку герцогини. – Но взвесь теперь также и это! Ты говоришь: «Я – сестра могущественного, дружественного монарха». А тогда? Конечно, если бы я мог только предполагать, что из угловатой девчонки-заморыша выйдет такая пышная красавица, а из принцессы в изгнании – сестра английского короля, то нашел бы в себе достаточно силы и энергии, чтобы дать отпор брачным проектам Мазарини и явить чуть ли не единственный пример монарха, которому выпало на долю редкое счастье сочетать влечение сердца с благом короны. Но возможно ли было тогда даже мечтать об этом? Впрочем, что тут и говорить? Ты сама по себе знаешь, Генриетта, что мы, члены венценосных семей, не вольны в брачном венце. Разве ты не вышла за Филиппа, принося свое

отвращение к моему брату в жертву политическим соображениям Англии?

– Никогда! – крикнула Генриетта, порывисто вскакивая с кресла. – Неужели ты думаешь, что брат Карл мог бы принудить меня к браку, если бы я не захотела этого союза? Неужели ты думаешь, что я позволила бы превратить себя в жертву политических соображений Англии? Если Англия действительно так могущественна, то она могла бы обойтись в своих политических целях без того, чтобы вконец разбивать и без того надтреснувшее сердце сестры короля! Нет, Луи, я добровольно дала свое согласие, потому что Филипп – твой брат, потому что, выйдя за него, я могла провести всю свою жизнь во Франции, в непосредственной близости к тебе!

– Ну, я все-таки предпочел бы, чтобы Филипп не был мне так близок по крови! – буркнул Людовик, лицо которого омрачилось. – Однако будем продолжать игру! – и он сделал ход.

Несколько минут прошло в сосредоточенном молчании. Наконец Генриетта сказала, рассеянно двигая пешкой:

– По-моему, он все-таки затевает что-то. Ну, подумай сам! Когда он вернулся из Лувра, то заявил, что намерен воздержаться на ближайшее время от твоих поручений, так как хочет пожить в Париже в свое удовольствие. Третьего дня он еще утром ничего не говорил мне, а вечером вдруг сообщил, что барон Лионнеф пригласил его поохотиться в своих лесах близ ле Мана. Я не могу не сопоставить этого внезапного

отъезда с перешептыванием Филиппа с этой противной графиней де Суассон, которая вечно подглядывает за нами.

– Да, очаровательная Олимпия все еще не может простить мне прошлое, – ответил король. – Но почему отъезд Филиппа кажется тебе подозрительным? Брат действительно любит охоту, у Лионнефа действительно имеется чудная охота близ Лемана. Но в том, что Филипп все-таки ревнует, я несколько не сомневаюсь, и мне кажется, что нам надо придумать что-нибудь!

– Да, наши свидания не могут долго оставаться тайной, – согласилась Генриетта. – Самое лучшее будет, если ты начнешь ухаживать за кем-нибудь из моих фрейлин. У меня ведь много красавиц. Легкомыслие его величества, христианнейшего короля Франции, достаточно известно, и твоему мнимому увлечению сразу поверят. Филипп успокоится, а твоя мамаша вместе со всеми прихлебательницами, стремящимися водворить сердце короля на законном месте возле толстой и глупой Марии Терезии, кинутся по фальшивому следу. Чего же лучше? Но смотри! – прикрикнула она вдруг, сразу загораясь ревностью к тем улыбочкам и рукопожатиям, которыми Людовику придется наделить мнимую соперницу королевы, – чтобы это и в самом деле было только для вида!

– Как ты несносна со своей вечной ревностью! – досадливо пробурчал Людовик.

– Это потому, что я уж очень люблю тебя, мой прекрасный тиран! – ответила Генриетта, грациозным движением опу-

каясь на ковер у ног короля. – Я ревную тебя ко всем и ко всему – к коню, которого ты треплешь по шее, к собаке, которую ты ласково гладишь, к старому Лапорту,⁶ одевающему и раздевающему тебя, даже к ветерку, имеющему дерзость трепать твои дивные кудри, словом, ко всему ко всему! – и, словно послушная собачка, Генриетта покорно положила свою капризную головку на колени короля.

– Милая Генриетта! – с чувством произнес Людовик, ласково потрепав герцогиню по щеке. – Однако займемся снова шахматами. За игру, ваше высочество, за игру!

– За игру? – повторила Генриетта и, подняв голову, вдруг одним прыжком очутилась на коленях у Людовика. – Ну, так за игру, ваше величество! – И она принялась бурно целовать Людовика, шаловливо приговаривая при каждом поцелуе: – Шах королеве! Шах королеве!

– Генриетта, да бог с тобой, ведь окно открыто! – воскликнул Людовик, тщетно стараясь урезонить расшалившуюся женщину. Наконец он поднял ее и усадил, смеющуюся и задыхающуюся от борьбы, обратно в кресло. – Ну, – сказал он затем, – как видно, сегодня нам не играть! Можно смешать фигуры? – и с этими словами он занес руку над доской.

– Не смей! – капризно крикнула Генриетта. – Мое положение гораздо лучше твоего, и тебе сегодня не увернуться от мата, уж нет!

В этот момент в дверь постучали.

---

⁶ Личный камердинер Людовика XIV, состоявший при нем еще с детства.

– Войдите! – удивленно крикнула Генриетта.

Дверь открылась, а на пороге показалась смущенная, трепещущая Лавальер.

– Лавальер! – с негодованием крикнула Генриетта. – Что это значит? Вы осмелились? Как, вопреки моему строгому приказанию, вы решаетесь вламываться ко мне? Нет, я вижу, что совершила большую ошибку, не поддавшись первому впечатлению и не отправив вас обратно! Но это не поздно сделать и теперь...

– Герцогиня! – мягко сказал Людовик, которого тронуло выражение искреннего, беспомощного отчаяния, ярко отразившееся на всей фигуре грациозной девушки. – Не думаю, чтобы мадемуазель решилась нарушить приказание вашего высочества без достаточных к тому оснований. Поэтому не лучше ли сначала спросить ее, чем вызвано ее появление?

– Ну? – повелительно кинула Генриетта, обращаясь к Луизе.

– Ваше высочество, – чуть не плача, начала девушка. – Только что прибыл всадник, настойчиво требовавший, чтобы о нем доложили вашему высочеству. Во дворце его отказались пропустить, и тогда он обратился к нам, фрейлинам, гулявшим в парке, объяснив, что поручение к вашему высочеству дано ему каким-то высокопоставленным лицом, что это поручение должно быть передано вам до захода солнца сегодняшнего дня и что неисполнение этого поручения грозит тягчайшими последствиями. Ссылаясь на данный фор-

мальный приказ, дежурная при особе вашего высочества отказалась доложить о прибывшем, но я предпочла подвергнуться гневу вашего высочества, чем допустить, чтобы и в самом деле для вашего высочества произошли какие-нибудь неприятности.

– Но кто этот всадник?

– Он просил доложить о себе, как о «посланном из ле Мана»!

– Из ле Мана? Но в таком случае его послал герцог Филипп!

– Не думаю, ваше высочество, – ответила Луиза, покачав белокурой пышной головой. – Если бы это было так, то он прямо сказал бы. Кроме того, он назвал себя «посланным из ле Мана», а между тем сам сказал, что поручение дано ему в Рамбулье!

При этих словах Луизы Генриетта и Людовик переглянулись: одна и та же, близкая к истине, мысль мелькнула у обоих.

Затем Генриетта сказала:

– Вы хорошо поступили, дитя мое! Вы доказали, что вы – надежный и верный человек! Ну, так приведите сюда этого господина, а сами оставайтесь неподалеку: вы можете еще понадобиться! И помните: никаких лишних разговоров!

Обрадованная Луиза выпорхнула из комнаты и, вскоре введя в желтую гостиную Ренэ, сейчас же скромно удалилась вон.

Ренэ отвесил герцогине почтительный, изящный поклон, по всем правилам коснувшись пола жалким подобием пера на своей шляпе, а «придворному щеголю», сидевшему тут же, в комнате, только сдержанно и не без надменности поклонился. Затем он остановился в почтительной позе, ожидая вопросов.

– Вы прибыли из ле Мана? – спросила Генриетта.

– И да, и нет, ваше высочество, – почтительно ответил Ренэ. – «Да» – потому что я все-таки проезжал через этот город, «нет» – потому что я приехал из несравненно более далекого места, да и поручение дано мне не в ле Мане, а около Рамбулье!

– Прежде всего, кто вы такой? – резко опросил из своего угла «придворный щеголь».

Ренэ надменно поднял голову и с достоинством произнес:

– Прежде всего, с кем имею честь?

– Ну я, скажем, – мсье Луи, – ответил «щеголь», усмехаясь задору этого провинциального петушка. – А вы?

– Мсье Луи? – радостно воскликнул юноша, не отвечая на вопрос. – Боже мой, неужели я сразу встречаю того самого человека, к которому предполагал обратиться по личному делу? Ведь вы – гардеробмейстер его величества короля?

– Нет, только однофамилец! – с улыбкой ответил король и тут же добавил. – Однофамилец и прямой начальник!

– А, значит, вы – один из маршалов двора! – догадался юноша. – Я так и подумал, потому что едва ли мсье Луи осме-

лился бы сидеть в присутствии ее высочества!

– А гардеробмейстер Луи, наверное, – ваш родственник? – продолжал спрашивать король, забавляясь все больше.

– Луи? Мне? – с негодованием воскликнул Ренэ. – Простите, я не имею чести знать вашу генеалогию, да вы и сами сказали, что вы – лишь однофамилец гардеробмейстеру, но тому Луи не может быть родственником Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк!

– Ого! – с одобрением сказал Людовик, – это имя звучит гордо и громко! Но вы напрасно обижаете моего доброго Луи, ведь он – дворянин!

– Фа! – презрительно фыркнул Ренэ. – Дворянин со вчерашнего дня! А один из Бретвилей был женат на незаконной дочери короля Филиппа Красивого.⁷ Вот еще в какие времена наш род уже был отмечен в истории славными делами! Нет, дело в том, что мне пришлось оказать пустячную услугу одному из родственников мсье Луи, и вот этот родственник дал мне письмо к последнему, так как я – совершенно один, без друзей и покровителей. Однако мое поручение, мое поручение! Ведь я обещал передать его до захода со лица! Бога ради, ваше высочество, простите мне мою неуместную болтливость и разрешите изложить то, что мне поручено!

Герцогиня дала это разрешение. Тогда Ренэ сказал:

– В нескольких лье от Рамбулье я встретил человека, назвавшегося графом де Гишем; он попросил меня немедленно

---

⁷ 1268–1314 гг.

поскакать в Париж, постараться до захода солнца увидеть ее высочество герцогиню Орлеанскую и передать ей, что «он» не поехал в ле Ман, что никакой охоты не будет и что сегодня к наступлению темноты «он» будет в Париже, причем постарается попасть домой незаметно, чтобы застать кое-кого врасплох!

– Какая низость! – воскликнула Генриетта, гневно сверкая глазами. – Я сейчас же прикажу закладывать экипаж и уеду в Блуа!

Герцогиня вскочила, намереваясь сейчас же исполнить свое решение, но «мсье Луи» остановил ее, сказав:

– И этим вы несомненно выдадите только графа де Гиша! Нет, ваше высочество, позвольте мне дать вам хороший совет и помочь разыграть веселую комедию. Но это потом, у нас еще имеется в распоряжении добрых три часа. А пока не разрешите ли расспросить молодого человека, как именно встретился он с Гишем и при каких обстоятельствах было дано ему это поручение?

– Что же, может быть, вы и правы, мсье Луи, – ответила Генриетта, – но в таком случае... Не будем забывать, что молодой человек ради этого поручения скакал от самого Рамбулье и, наверное, еле держится на ногах от усталости! Поэтому разрешаю ему присесть!

Следуя приглашению герцогини, Ренэ, рассыпаясь в тысяче благодарностей, деликатно уселся на кончик одного из стульев. При этом он попал в полосу солнечного света, от

которого рукоятка его шпаги заискрилась и засверкала.

– Ба! Что это у вас такое? – воскликнул «мсье Луи», заметив бриллиантовые лилии на эфесе.

– Эту шпагу вместе с титулом герцога д'Арк пожаловал моему деду его величество король Генрих Четвертый! – с гордостью сказал Ренэ, обнажив шпагу и положив ее на стол перед Людовиком.

– Мой дед! – воскликнула Генриетта, с любопытством наклоняясь к шпаге. – Однако! – сказала она затем. – Ведь это – очень дорогая вещь!

– Еще бы! – с гордостью подхватил Ренэ. – Ведь это – подарок самого Генриха!

– Да, но помимо символической ценности – ценности королевского подарка – эта шпага имеет еще значительную денежную ценность, и меня в самом деле удивляет, как это... вы... – король несколько замялся, стараясь выбрать выражения как чтобы не задеть самолюбия щепетильного гасконца. – Ну, словом, вам, наверное, не раз предлагали продать это оружие за хорошие деньги, и меня удивляет... ведь, судя по всему, вы... небогаты...

– Эх, мсье Луи, мсье Луи! – тоном совершенно непередаваемой скорбной снисходительности заметили Ренэ. – Вот сразу и видно, что ваша родословная будет не из длинных! Иначе вы поняли бы, что не все меняется на деньги и что такая реликвия – выше оценки ростовщиков и менял! А, кроме того, с моей стороны было бы крайне неразумно упустить из

рук такое оружие, которого мне самому уж никогда не приобрести! Помилуйте, ведь эта тоненькая, гибкая сталь легко пробивает монету!

– А ну! – сказал Людовик, бросая на стол золотую монету. – Это интересно!

Ренэ взял монету и сейчас же положил ее обратно, сказав: – Эта не годится. Нет ли у вас иностранной? Изображения французского короля французское оружие не пробьет!

– Нет, да он – просто прелесть, наш милый, юный герцог! – воскликнул Людовик, искренне тронутый причудливым сочетанием юной деревенской наивности и яркой рыцарственности в этом «гасконском петушке». – Ну, опыт с пробиванием монеты мы произведем потом, а теперь время идет, и мы жаждем услышать от вас рассказ о том, как вы встретили графа де Гиша!

– Извольте! – согласился Ренэ. – Надо вам сказать, что тля истребила в этом году все мои виноградники, и я остался в полном смысле слова «на бобах», потому что, кроме бобов, мне нечего было есть. Вот я и решил махнуть рукою на старый, полуразвалившийся Бретвиль и попытать счастья в Париже. Сколотив кое как небольшую сумму денег, я добрался до Байонны, где сел на испанское судно, шедшее в Нант. Это был очень дешевый способ передвижения, но, как это часто бывает, дешевое оказалось дорогим: капитан обыграл меня в кости на значительную часть моего денежного запаса! Сойдя в Нанте с судна, я, по правде сказать, порядком

приздумался. Ведь мне предстояло сделать до Парижа около ста лье,⁸ а денег у меня не было и на три дня пути! К тому же «мой верный Марс плохо перенес морское путешествие, явно недомогал, а денег на приобретение другой лошади у меня не было.

В таких стесненных обстоятельствах я выехал из Нанта. Я решил ехать ночами, а днем отдыхать где-нибудь – в любом номере «гостиницы Господа Бога», то есть под открытым небом. Лесные заросли, пещеры, островки на реках давали мне надежный и безопасный приют, а хлеб с сыром да вино, закупаемые в придорожных селениях, заменяли завтрак, обед и ужин. Но, уверяю вас, я чувствовал себя прекрасно и был бы совершенно доволен, если бы только не недомогание Марса, чувствовавшего себя с каждым днем все хуже и хуже. И с каждым днем переезды были все короче, отдых – все чаще и продолжительнее. А ведь время шло, деньги текли.

Третьего дня утром я прибыл на границу леса Рамбулье, недалеко от города того же имени. Разыскав в лесу какую-то полуразвалившуюся хижину, я с комфортом выспался там на ложе из сухих листьев. Теперь мне оставалось до Парижа всего десять-двенадцать лье. Будь мой Марс вполне здоров, я мог бы к утру уже добраться до столицы, но с лошастью делалось совсем неладное: Марс хрипел, вздрагивал всем телом и то и дело спотыкался. А ведь у меня оставалось всего

---

⁸ Около четырехсот верст.

лишь несколько су!⁹

Я видел, что Марсу надо дать более продолжительный отдых, что дело могло кончиться плохо, но иссякновение денежного запаса не оставило мне выбора, и под вечер я тронулся в путь. Сначала Марс еще бежал кое как, но в двух-трех лье от Рамбулье он вдруг затрясся всем телом и тяжело рухнул на землю как раз перед крыльцом деревенской харчевни, на котором стоял в позе глубочайшей задумчивости молодой, нарядный и очень красивый дворянин.

Должно быть, у меня был очень комичный вид, когда я, в немом отчаянии всплеснув руками, застыл над конвульсивно вздрагивающим телом отдавшего свою лошадиную душу Марса. По крайней мере с лица молодого дворянина сбегало выражение озабоченной задумчивости, и он весело расхохотался.

– Сударь! – сердито крикнул я, чувствуя желание сорвать на ком-либо свое отчаяние. – Судя по костюму, вы – дворянин, но, видно, ваше дворянство не идет далее платья, потому что иначе вы поняли бы, насколько неблагородно смеяться над несчастьем человека, попавшего в безвыходное положение!

Я ждал резкого ответа и уже со сладострастием схватился за эфес шпаги. Но дворянин, пропуская мимо ушей оскорбительность моего восклицания, вдруг положил палец на губы, как бы приказывая мне молчать, и повелительно пома-

---

⁹ Мелкая французская монета, около двух копеек.

нил за угол дома, где под большим старым платаном виднелась скамья. Растерянный, недоумевающий, я машинально подчинился этому безмолвному приказанию.

– Вы едете в Париж? – спросил меня молодой дворянин.

– Еду? – с горечью повторил я. – Нет, я ехал, а теперь... иду!

Юноша пытливо осмотрел меня с ног до головы и потом сказал:

– Согласитесь по прибытии в Париж исполнить маленькое поручение, и я подарю вам лошадь и дам денег!

– Сударь! – с негодованием перебил его я. – Ренэ де Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк может оказать одолжение другому дворянину, но плату он принимает лишь от государя или от принца крови!

– Ах, ну пусть это будет не плата, а просто одолжение – за одолжение! – нетерпеливо ответил мне юноша.

– Я могу принять одолжение такого рода лишь от лица, равного мне по происхождению, – возразил я. – Поэтому будьте добры сказать, с кем я имею честь разговаривать?

В этот момент из дома послышался чей-то тягучий, капризный и очень противный голос...

– Ручаюсь, что это был голос его высочества, герцога Филиппа Орлеанского! – насмешливо вставила Генриетта, но, заметив, как покраснел и смутился Ренэ Бретвиль, поспешила прибавить. – Не смущайтесь, не смущайтесь, юноша! Вы сказали чистую правду! Ну-с, продолжайте!

– Этот голос, – продолжал Ренэ, – крикнул: «Гиш, да куда ты запропастился? Верно, опять обхаживаешь какую-нибудь смазливую девчонку? Мне скучно!»

– Оставайтесь здесь, я сейчас успокою его! – шепнул мне юноша и поспешно ушел, а я так и замер от неожиданности, подумав:

«Неужели со мной действительно говорил потомок “прекрасной Коризанды¹⁰”, известный своими успехами на полях брани и любви, граф де Гиш?».

– О, судя по предположению, высказанному его высочеством, это был несомненно граф Арман, который пошел в своего дядюшку Филиберта! – иронически заметил «мсье Луи». – Но что же произошло с вами дальше?

– Через некоторое время, – продолжай Ренэ, – юноша вернулся.

– Успокоил! – шепнул он мне, радостно потирая руки. – Я вкатил ему бутылку крепкого мускатного вина, и у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить на свободе. Кстати, – вдруг спохватился юноша, – не спрашивайте и не пытайтесь

---

¹⁰ Прозвище графини де Гиш, фаворитки короля Генриха Четвертого. В войне против Лиги Диана де Грамон-Гиш предоставила в распоряжение Генриха (в то время наваррского короля) все свое громадное состояние. Генрих хотел, разведясь с Маргаритой, жениться на Диане и даже выдал ей клятвенное обещание, написанное кровью. Но это обещание так и не было исполнено им. При дворе Людовика XIV пользовались известностью три потомка «прекрасной Коризанды»: герцог де Грамон (Антуан Третий), граф де Грамон (Филиберт, брат последнего, высланный Людовиком из Франции за бесконечные любовные похождения) и просто де Грамон (Арман, граф де Гиш, младший сын первого).

тесь ни теперь, ни когда бы то ни было догадываться, кто такой – этот *он*: существуют секреты, о которых лучше всего забыть, особенно если собираешься сделать карьеру при дворе, а я должен очень ошибаться, если только вы не за этим едете в Париж. Но не беспокойтесь, исполните только мое поручение, и я вам помогу. Впрочем, вы еще не дали мне своего согласия, вы еще не знаете, можете ли принять от меня помощь? Ну, так меня зовут Арман де Грамон, граф де Гиш! Достаточно ли оно звучно для вас?

– Оно не только слишком звучно, – ответил я, – но и обеспечивает мне, что от меня не потребуется ничего, нарушающего долг дворянина!»

– Ну, в этом отношении вы были вовсе не так правы, как думаете, – заметил «мсье Луи» с кислой улыбкой. – Имя «Гиш Грамон» далеко еще не обеспечивает порядочности!

– Прошу извинить, но я не считаю какого-то «мсье Луи» компетентным в вопросах чести, касающихся высшего дворянства! – надменно возразил Бретвиль.

– Продолжайте! Не обращайтесь на него внимания! – с улыбкой заметила Генриетта, подмигивая Людовику.

– О, – воскликнул в ответ граф, – продолжал Ренэ, – все дело идет о том, чтобы предупредить молодую и прекрасную женщину о грозящей ей опасности!

– В таком случае, – крикнул я, – я готов отправиться хоть сейчас, даже если бы мне пришлось бежать пешком вплоть до самого Парижа!

– Ну, в этом, слава богу, нет необходимости, – улыбаясь, возразил мне де Гиш. – Однако я пойду, посмотрю, крепко ли спит *он*, а затем мы с вами поужинаем и поговорим.

Граф снова на минуточку скрылся в дом и затем, выйдя ко мне, увел меня двором во внутренние комнаты харчевни. Кроме старухи-хозяйки, там не было никого: по всему было видно, что таинственный *он* обставил тщательным секретом свое пребывание в деревенском постоялом дворе и что туда больше не пускали никого из приезжих. Да их и не было: все предпочитали отдыхать в Рамбулье.

Угостив меня великолепным ужином, граф сказал:

– Теперь поговорим о нашем деле. Еще раз предупреждаю, что вы не должны стараться проникнуть в истинную подоплеку вещей. Позднее, когда вы обживетесь при дворе, вам станет многое ясно само собой, но и тогда не советую вам проявлять излишнюю любознательность!»

– От всей души присоединяюсь к этому совету! – заметил Людовик.

– После этого граф произнес: «Поэтому, не ломая головы над разгадкой того непонятного, что будет для вас в моих словах, постарайтесь только хорошенько усвоить и запомнить их для передачи кому следует! После нашего ужина вы ляжете спать и на рассвете тронетесь в путь. Вы поедете прямо в Париж, стараясь добраться туда как можно скорее. Если ваша лошадь притомится, бросайте ее и покупайте свежую. Во всяком случае, так или иначе, но до захода вы долж-

ны быть в «Пале-Рояле», добиться там лично аудиенции у ее высочества герцогини Орлеанской и передать ей то, что я вам сейчас скажу. *Он* задумал подстеречь *ее*. Об этом *он* сказал мне лишь тогда, когда мы доехали до Шартра. Дальше Шартра *он* даже не поехал, так как ровно никакой охоты не предполагалось, и в ле Ман *ему* ехать было незачем.

Я тогда же решил предупредить *ее* об ожидающей *ее* ловушке, но *он* не отпускал меня ни на шаг, да и мне некому было довериться. Никому из слуг я не мог поручить такое щекотливое дело. Я уже начинал отчаиваться, как неожиданно встретил вас и поручаю вам известить через посредство герцогини *ее* обо всем. Завтра утром мы двинемся в путь с таким расчетом, чтобы при наступлении темноты быть уже в Париже, где нас никто не ожидает». Так оказал мне граф де Гиш, – продолжал Ренэ, – а я сейчас же вызвался охотно сделать все, как нужно.

Я предложил даже во избежание излишних подозрений не брать лошади у графа, а воспользоваться первой попавшейся крестьянской, добраться до ближайшего селения, там переночевать и утром приобрести хорошую лошадь, на которой и добраться до Парижа. Граф одобрил мой план, вручил мне кошелек, наполненный в изобилии «презренным металлом», и мы простились, обещая свидеться в Париже через день.

Я рассчитывал, что успею добраться до Парижа задолго до условленного срока, однако у судьбы оказалось в запасе для меня несколько приключений, которые порядком задер-

жали меня. Никогда не подумал бы я, что в такой близости от столицы слоняются целые банды разбойников и что мне придется последовательно отбиваться от двух шаек. Затем случилось еще маленькое дело чести, которое пришлось решить тут же, на месте, в Севре. Однако я очень торопится и, как видите, все же успел попасть в Париж вовремя!

– Еще два слова, – сказал Людовик. – Что вы предполагали делать в Париже?

– Я рассчитывал навестить мсье Луи и вручить ему письмо гарбского родственника в надежде, что мне удастся пристроиться на королевскую службу!

– Ну и отлично! Пусть граф де Гиш приведет вас ко мне, и мы посмотрим, что можно будет сделать. Я ведь уже сказал вам, что я – прямой начальник мсье Луи, а потому могу быть вам полезнее, чем он! – улыбаясь, добавил король. – Ну-с, а теперь, – обратился он к Генриетте, – мне кажется, что молодой человек честно заслужил право на отдых, и вы, ваше высочество...

– О, конечно, конечно! – подхватила Генриетта и, сейчас же схватившись за палочку слоновой кости, закругленным концом ее три раза ударила по большой серебряной раковине, повисшей на кадучее¹¹ устремившегося в полет Мерку-

---

¹¹ Кадучей – атрибут Меркурия, сына Юпитера, посланника богов и бога красноречия, торговли и воров – состоял из палочки (жезла), перевитой двумя змеями и снабженной на конце парой орлиных крыльев. Змеи являлись тут символом осторожности и хитрости, орлиные крылья – символом деятельности, стремления, полета творческой фантазии.

рия.

На звонок явилась Лавальер.

– Милая Лавальер! – сказала ей герцогиня, – распорядитесь пожалуйста, чтобы этого молодого человека устроили как следует. Он совершил продолжительный и трудный переезд, ему нужен отдых. Кроме того, будьте любезны передать своим подругам и принять во внимание сами, что я требую полного молчания обо всем случившемся!

Низко присев в ответ, Луиза повела Ренэ к мажордому, чтобы распорядиться ужином и помещением для усталого гонца.

В коридоре она спросила Ренэ:

– Ну, как видно, все обстоит очень хорошо?

– О, благодарю вас, благодарю вас! – воскликнул юноша. – Именно вам я обязан теперь всем своим счастьем, всей своей дальнейшей судьбой! – и Ренэ сделал попытку схватить Луизу за руку, чтобы почтительно поцеловать кончики ее пальцев.

Снова от прикосновения юноши сухой, горячий ток побежал по всему телу девушки, и, резко вырвав свою руку, она попросила Ренэ оставить эту манеру.

– Простите, но я не хотел обидеть вас! – грустно и смущенно сказал Бретвиль.

Они молча сделали еще несколько шагов. Затем, снова отдавшись думам о своем будущем, Ренэ спросил Луизу:

– Скажите, мадемуазель, действительно ли мсье Луи име-

ет такое влияние при дворе и может сделать кое-что для меня?

– Мсье Луи? Гардеробмейстер короля? – удивленно спросила Луиза.

– Да нет, его однофамилец!

– Однофамилец?

– Ну, да! Словом – тот самый, который был сейчас у ее высочества!

– Ах, этот! – отозвалась Луиза, весело улыбаясь, и, плутовски посмотрев на своего спутника, с важным видом ответила. – Этот мсье Луи действительно имеет кое-какое влияние при дворе и может сделать кое-что для вашего будущего!

III

– Однако! – воскликнул Людовик, когда остался наедине с Генриеттой, – мой дражайший брат, по-видимому, совсем рехнулся!

– Я с ужасом думаю, что произошло бы, если бы Гиш не был так искренне предан тебе, несмотря на всю твою несправедливость, или если бы ему не удалось предупредить нас! – отозвалась Генриетта.

– Ну, – пренебрежительно возразил Людовик, – хуже всего пришлось бы самому Филиппу, потому что французский король не может простить тому, кто сознательно поставит его в смешное, унижительное положение! Удайся замысел Филиппа, так его высочеству пришлось бы познакомиться с Бастилией!

– Но... скандал...

– Да, скандал был бы все-таки не маленький, и потому нам надо, во-первых, отбить охоту у Филиппа на будущее время заниматься такими подвохами и, во-вторых, вообще отвлечь его подозрения. Что касается первого, то это устроить нетрудно, и я скажу тебе как. Что же касается второго... ну, тут я не вижу иного исхода, кроме того, который предложила ты сама, то есть начать ухаживать за одной из твоих дам!

– Гм... – произнесла Генриетта, задумываясь. – Ну так что же? – сказала она затем. – Давай решим, кого выбрать. Не

хочешь ли де Воклюз или де Пон?

– Ну, вот еще! – морщась, возразила король. – Воклюз черна, суха и зла, а де Пон со всей своей красотой все-таки больше похожа на породистую корову чем на девицу.

– Позволь, друг мой! – зло крикнула герцогиня. – Мы ведь выбираем не подходящую любовницу для тебя, а отвод глаз для Филиппа и королевы-матери! Между тем ты...

– Между тем я хочу, чтобы этот «отвод глаз» был правдоподобен и чтобы нашу игру не мог разгадать с первого шага любой ребенок, что неизбежно случится, если я выберу такую, которая не соответствует моим вкусам. А вот что ты думаешь относительно этой маленькой Лавальер?

– Никогда! – крикнула Генриетта в ответ. – Ты смотрел на нее слишком сочувственно, друг мой! Я уже вижу, куда ты клонишь! Скажи просто, что я тебе надоела... и... что... – и голос герцогини дрогнул, обещая близкие ревнивые слезы.

– Хорошо, – ледяными тоном сказал Людовик, вставая с кресла, – тогда мне остается еще один исход – самый лучший, пожалуй! Нам нужно порвать, Генриетта, и тогда все уладится само собой!

Герцогиня вскочила, но сейчас же, смертельно побледнев, пошатнулась и судорожно ухватила за ближайший стул.

– Ну да, Генриетта, – сказал король, смягченный видом этого безмолвного отчаяния, – подумай сама: я ведь должен вечно быть между двух огней. С одной стороны – меня допекает наставлениями мать, донимает слезами Мария Тере-

за, а с другой – то Филипп устраивает мне сцену ревности из-за того, что я слишком нежно посмотрел на тебя, то ты накидываешься на меня с упреками, почему я на тебя даже не посмотрел! Так жить нельзя, милая Генриетта! К чему мне даже из лучшего, высшего счастья делать для себя какой-то подвиг, превращать сладчайшие мгновенья жизни в минуты злейшей досады? Конечно, ни наставлений королевы-матери, ни слезливости королевы-супруги мне не избежать, но и на то, и на другое я обращаю мало внимания. Однако, когда мне представляется возможность избавиться от скандальной, досадливой ревности Филиппа, тогда ты находишь обильную пищу для собственных ревнивых подозрений!

Людовик замолчал и искоса посмотрел на герцогиню, ожидая ее ответа.

Прошло несколько секунд молчания, затем, глотая слезы, упорно накипавшие в груди, герцогиня оказала:

– Лавальер... не подходит... вообще... Она слишком наивна, мечтательна и... неиспорчена. Эта глупая гусыня попросту не поймет тонкого удовольствия игры в любовь...

– Да, это трогательное существо, пожалуй, и в самом деле не годится для подобной забавы! – пробормотал Людовик в прибавил. – Ну, если Лавальер не подходит, то это – другое дело, это – по крайней мере законный довод. Но кого же нам выбрать в таком случае и кто из твоих девиц не возбудит в тебе нового припадка острой ревности?

– Что ты скажешь о д'Артиньи? – спросила, подумав и почти успокоившись, Генриетта.

– Д'Артиньи? Ну что же! Она изящна, стройна и не глупа, и если твоя ревность допустит, чтобы я для вида занялся ею...

– Пожалуйста!.. Уж кто бы говорил про ревность, да не ты! – смеясь, воскликнула окончательно успокоившаяся Генриетта. – А Гиш? Разве ты не приревновал меня к нему без всяких оснований?

– Ну, чтобы это было без всяких оснований...

– Но конечно так! Подумай сам: если бы Гиш был действительно увлечен мной, то не стал бы мешать замыслам герцога Филиппа, а, наоборот, сделал бы все, чтобы они удались. Ведь тогда между тобой и мной возникла бы преграда в виде скандала, которую...

– Которую было бы вовсе не так трудно преодолеть, как тебе кажется! Зато, удайся замысел Филиппа и выяснишь, что Гиш не принял мер к предупреждению скандала, между тобой и им возникла бы более существенная преграда в виде тех сотен лье, которые стали бы отделять его от Парижа после изгнания из пределов Франции! Поверь, милая Генриетта, Гиш отлично учел это!

– Луи, Луи! – воскликнула Генриетта, качая головой. – Ты так молод и уже не веришь в людское бескорыстие!

– Нет, – ответил Людовик, – в людское бескорыстие вообще я пока еще верю, но в бескорыстие графа Де Гиша...

Впрочем, о чем тут говорить? Каковы бы ни были мотивы Гиша, он все же оказал мне большую услугу, а это я не должен и не стану забывать. Пожалуйста, Генриетта, ты, наверное, увидишься с Арманом, ну так скажи ему, чтобы завтра утром он зашел ко мне, захватив с собой также и этого гасконского чудака!

– Да, но Филипп, Филипп! – воскликнула Генриетта. – Ты ведь хотел дать мне совет, как лучше всего проучить моего муженька, чтобы надолго отбить у него охоту к подобным выходкам!

– О, мой план крайне прост: пусть Филипп попадет в ту самую яму, которую роет другим! Он хотел устроить скандал, который должен всей тяжестью лечь на нас с тобой, так пусть же устроенный им скандал обрушится на него самого. Он хотел, чтобы скандал помешал нам любить друг друга, а мы сделаем так, чтобы скандал помешал ему в будущем открыто ревновать!

– Да, но как это сделать?

– А вот послушай! – и король шепотом передал Генриетте свои соображения.

IV

Людовик был совершенно прав, объясняя поступок Армана Грамон, графа де Гиша не бескорыстной преданностью своему государю, а лишь одними утилитарными соображениями. Действительно у Гиша была тысяча мотивов желать, чтобы план Филиппа потерпел крушение, но не было ни одного мотива желать торжества этому плану.

Прежде всего Гиш отнюдь не был увлечен Генриеттой Английской, а следовательно, не мог связывать никаких личных планов с торжеством филипповой ловушки. Конечно, красавец Арман слегка приударял за герцогиней и не отказался бы довести это ухаживание до вожделенного конца, если бы к тому представился удобный случай. Но точно так же он стал бы добиваться благосклонности любой красивой женщины, так как, считаясь одним из опаснейших донжуанов своего времени, готов был непрестанно увеличивать длинный синодик своих любовных жертв. К тому же Генриетта была женой брата короля и возлюбленной последнего. Через нее можно было добиться многого, а ведь кодекс чести того времени не только не возбранял пользования услугами женщины, а даже возводил это в особую заслугу. Принимая услуги от мужчины, дворянин относился к этому с той преувеличенной чуткостью, которая чрезвычайно ярко выразилась в ответе Ренэ Бретвиля Гишу: «Дворянин принимает плату только от ко-

роля или от принца крови, принять же деньги в одолжение может лишь от лица, равного ему по происхождению». Действительно, взять деньги в вознаграждение за услугу, оказанную менее родовитому дворянину, было бы просто позорным. Зато взять займы у ростовщика-мещанина, зная заранее, что отдать будет нечем, было вполне естественно. А жить всецело на счет женщины, хотя бы немолодой, некрасивой и незнатной, было по понятиям того времени такой доблестью, что, хвастаясь своей связью, иной дворянин старался преувеличивать «субсидию», получаемую им от своей «милой». Конечно, в деньгах богатый Арман де Грамон не нуждался, но ведь капитализировать влияние жены королевского брата можно было не только в виде звонкой монеты!

Таким образом, не отказываясь от милостей Генриетты «в случае чего», Арман де Гиш тем не менее не питал в данный момент никаких особых намерений и планов на эти милости. Тем более ему было досадно, что из-за Генриетты король порвал сердечную дружбу, чуть ли не с детства связывавшую Людовика с Арманом. Предупредить планы Филиппа значило вернуть утерянную дружбу и увеличить расположение самой Генриетты. Правда, зато неминуемо охлаждение самого Филиппа. Но дружбой герцога Орлеанского Арман несколько не дорожил. Ведь Филипп приблизил его после постигшей его королевской немилости с явным расчетом приобрести союзника, раздосадованного королевской несправедливостью и готового интриговать против короля. Такая дружба

была слишком опасна и сожалеть о ее окончании было нечего!

Но помимо всего этого был еще один мотив, важность которого, быть может, не вполне сознавалась самим Гишем, но который один мог побудить его на предпринятый им шаг.

Уезжая из Парижа, Гиш не был посвящен в планы герцога Орлеанского. Только в Шартре, напившись «до положения риз», Филипп открыл своему новому другу, что охота — лишь ловушка, с помощью которой он рассчитывает застать на месте преступления неверную жену с ее дружкой, «кто бы он ни был». Гиш был очень неприятно изумлен этим открытием, но не мог ничего возразить в тот момент, так как хмель Филиппа перешел в истерическое неистовство. Герцог разразился рыданиями, жалобами, проклятьями; он стучал кулаками по столу и кричал, что ему надоело быть посмешищем всей Франции.

Гишу стоило немало труда успокоить герцога и уложить его в кровать, не прибегая к помощи слуг, для слуха которых отнюдь не предназначалась пьяная интимность его высочества. Кое-как ему удалось уложить Филиппа. Тогда Арман ушел к себе, обдумывая узнанное. Гму была очень неприятна мысль оказаться причастным к такой опасной интриге. Однако долго он над этим не раздумывал. Ведь Филипп часто менял решения и легко мог отступить в решительную минуту. А если даже герцог и выкажет упорство в совершении задуманного плана, то кто мешал ему, Гишу, заболеть на об-

ратном пути и таким образом оказаться в стороне от всего? Впрочем, Гиш немало надеялся на то, что вытрезвившись, герцог или сам откажется от своего решения, или склонится на разумные, осторожные доводы.

На следующее утро Гиша довольно рано позвали к Филиппу. Герцог Орлеанский сидел пред накрытым на два прибора столом и с мрачным видом тянул легкое кислое вино, казавшееся небесным нектаром с похмелья.

При входе Гиша Филипп сначала с сердитым смущением отвел глаза в сторону, а затем сказал с кривой усмешкой:

– Что, хорош я был, верно, вчера, Гиш, а?

– Ваше высочество, – ответил ловкий царедворец, умело придавая тону голоса глубокую сердечность, – истинное горе не думает о том, чтобы облекаться в изящные формы!

– Ты – славный малый, Гиш, – отозвался Филипп, а затем, помолчав немного, продолжал все с той же кривой усмешкой. – Только мне кажется, что истинное горе я испытываю как раз теперь, а не вчера! Что за подлое состояние! Внутри – полная пустота, выжженная огнем, а о пище я и подумать не могу. И голова трещит. Слава богу, хоть от этой кислой бурды полегчало. Фу, я напился вчера, словно ландскнехт! Гиш, я повешусь, если ты не поможешь мне справиться с этим ужасным состоянием!

Две-три рюмки простой крестьянской водки, выпитой герцогом по совету опытного Гиша, прогнали головную боль, рассеяли подавленное состояние и вызвали прилив аппети-

та.

Филипп снова повеселел и опять заговорил об интересовавшей его теме:

– Вот ты говоришь «истинное горе», дружище Гиш... Видишь ли, это не совсем так! Большого горя я от измен Генриетты не чувствую – ну ее совсем, эту развратницу! Конечно, сначала я ее очень полюбил; ты знаешь, что я на первых порах зажил честным семьянином и даже порвал со смуглянкой Воклюз, которая была очень забавна. К Воклюз я был даже привязан, но... Нет, брат, делиться я не мог! Только моя любовь к Генриетте прошла почти так же быстро, как вспыхнула. Сам знаешь, милый мой: когда наше чувство постоянно ударяется куда-то впустую, оно мало-помалу тает и улетучивается совсем.

Герцог Гиш лишь молча кивнул головой. Филипп налил стакан вина, выпил его залпом и продолжал:

– Да, сначала я чувствовал действительное горе от того, что не мог вызвать в сердце Генриетты такой же ответной любви, какой был полон к ней я сам. Но чувство страдания скоро стало сменяться злобой и раздражением. Ну, если Генриетта не может полюбить, что же делать! Но я ведь – ее супруг! Я – брат и сын королей! Между тем эта женщина обращалась со мной, словно с лакеем! За что, Гиш, за что? Разве она не добровольно стала моей женой? Ну так за что же, Гиш?

– Ваше высочество, – ответил Арман, – разве женщин

можно спрашивать «за что» и «почему»? Может быть, именно за то, что вы слишком любили ее! А может быть также, что, отнесись вы к ней теперь с ледяным равнодушием, оставь вы ее совершенно в покое, не делай вы ей упреков, – она первая стала бы добиваться возврата вашей любви и расположения!

– Верно, Гиш, верно! – подхватил Филипп. – Неужели ты думаешь, что я не знаю женщин настолько, чтобы не попытаться прибегнуть к этой уловке? И я поступил бы так, непременно поступил бы, если бы тут не вмешалось еще одно обстоятельство... вот то самое, ради которого я и поехал на мнимую охоту! Понимаешь, заведи себе Генриетта просто дружка, будь этот дружок обыкновенным дворянином, я пошел бы к ней, объяснился бы с ней начистоту и сказал бы ей: «Свобода для тебя, свобода – для меня, приличие и сохранение внешней благопристойности – для нас обоих!». Коротко и ясно! Но так... Нет, клянусь: потомок Людовика Святого, внук Генриха Четвертого и сын Людовика Тринадцатого слишком хорош, чтобы быть только мужем королевской любовницы.

– Ваше высочество! – с ужасом воскликнул Гиш. – Вас могут услышать!

– Э... это – секрет полишинеля!.. Да, милый мой Гиш, вот то, с чем я не могу примириться! Людовик не смел делать это. Жена брата должна была быть для него священной, так же, как и честь брата. Разве я могу долее сносить эти вечные

хихиканья, вечные перешептыванья на мой счет? Я читаю явную насмешку во взглядах всех дам, всех кавалеров, солдат, священников, иностранных дипломатов – всех!

– Ваше высочество, это – лишь воспаленное воображение!

– Может быть. Да ведь ты знаешь меня, я продолжал бы негодовать втайне и долго не решился бы на смелый шаг. Но тут случилось одно дело, о котором никто не знает, кроме короля и обеих королев. Тебе я могу рассказать. Видишь ли, как-то в конце лета в Фонтенебло было устроено одно из обычных празднеств. Ну... выпито было немало! Вот я и вздумал приволокнуться за одной из новых фрейлин королевы, девицей де ла Тур-де-Пен. Девчонка-то сама мне вовсе не нравилась, а так... баловство одно! Ну, а эта глупая гусыня обиделась за то, что я обнял ее в парке, и осмелилась оттолкнуть меня! Понимаешь – меня! Ну, тут я ей и дал слово, что она будет моей, да, не теряя времени даром, той же ночью влез к ней в комнату через окно. Дурёха подняла крик, выскочила в коридор в одной рубашке, и пришлось мне спастись бегством. На следующее утро – исповедь, разумеется! Сначала повели меня, раба Божьего, к королеве-матери, затем меня отчитала королева Мария Тереза. Ну, это все – честь честью. Мамаша должна была усовестить блудного сына, королева вступилась за свою фрейлину – ничего против не имею. Но можешь себе представить мое изумление и негодование, когда меня вдобавок вызвал к себе братец Людовик! И как ты думаешь, что он осмелился поставить мне в

упрек? Я, дескать, порочу его королевскую честь, устраивая бесчинства в королевском дворце, а затем я не считаюсь с супружеским долгом и не щаю чести моей примерной жены! Нет, как тебе это нравится, Гиш? это осмелился оказать мне Людовик, наставляющий мне рога в моем собственном доме, с моей собственной «примерной женой»! Я чуть не задохнулся тогда от злобы, судорога перехватила мне горло, и это спасло меня: иначе я наговорил бы королю-брату много лишнего! В тот же день Людовик услал меня с вымышленным поручением в Дувр. Но пред отъездом я устроился так, чтобы иметь верные сведения о поведении моей жены и короля. То, что я узнал при возвращении, окончательно взбесило меня! Да ведь эта милая парочка почти перестала стесняться! По крайней мере королева-мать уже несколько раз усовещевала Людовика, а королева-супруга открыто устроила скандал Генриетте, хотя в конце концов ей же, бедной, и попало, потому что с Генриеттой не дай бог связаться. Ну, вот теперь и посуди сам, Гиш, прав ли я или нет, если хочу разорвать это насильственное положение! Накрыв парочку на месте преступления, я сделаю свой дальнейший союз с Генриеттой невозможным, а у короля отобью охоту вмешиваться в мои дела!

– Ваше высочество, – ответил Гиш, напрягая весь свой ум и ловкость, чтобы, не вызывая в Филиппе духа противоречия, попытаться отклонить его от задуманного. – О том, что вы правы, не может быть никакого спора. Конечно, муж

всегда прав, когда отстаивает свое достоинство. Но нельзя увлекаться одной только жадой осуществления своих прав, нельзя отдаваться законной мести, не взвесив, да не обрушатся ли последствия мести на самого мстящего? К чему должны вы стремиться? Мне кажется – к тому, чтобы на вашу долю досталось торжество, на долю ваших оскорбителей – унижение. Боюсь, однако, что ваш план поведет лишь к совершенно обратному результату и что на вашу долю достанутся новые унижения, а на долю оскорбителей – новое торжество! В самом деле, примите во внимание как гордый, самолюбивый характер его величества, так и положение вашей супруги, сестры дружественного, союзного Франции монарха. Ну хорошо! Вы застанете любовников на месте преступления, насладитесь кратким торжеством. А дальше? Скандал огласки не получит, развода с ее высочеством не допустят, вас же либо подвергнут продолжительному изгнанию, либо сошлют, либо – от его величества можно ждать всего! – посадят в Бастилию. И тогда король будет совершенно открыто и без помехи навещать вашу супругу, которой уже не сможет грозить тогда вмешательство ревнивого мужа. Что же готовите вы себе таким образом? Новые страдания и никакой радости!

– Ты заблуждаешься самым коренным образом, милейший Гиш! – со злобной усмешкой возразил Филипп, снова начинавший хмелеть. – Не забудь про существование двух важных инстанций – моей матушки в Испании! Матушка не

допустит, чтобы я пострадал за чужую вину; она ведь в юности достаточно грешила против святости домашнего очага, чтобы теперь не проникнуться благоговением к этой святости. А с мнением и желаниями королевы-матери братец не может не считаться. Нет, в Бастилию меня не посадят, за это я тебе ручаюсь! Далее ты говоришь, что король станет свободно навещать мою супругу. Да ведь разрыв между мной и герцогиней будет открыт, какое мне дело тогда, с кем и как она путается? А главное – этого не будет! Испания не потерпит такого явного оскорбления своей инфанты!¹² Уж не думаешь ли ты, что Людовик решится из-за Генриетты на войну? И неужели ты думаешь, что английский король первый не вызовет сестры из Франции, раз ее имя с угрозой будет трепаться всем народом в качестве причины международных осложнений? Ну, так чем же я рискую? Небольшой прогулкой за границей или отъездом на юг? Плевать я хотел на такое наказание! Вот ты говоришь: «Новые страдания и никакой радости»! Да, да, брат, радость! Ты вот молот что-то про права да про сладость мести... Глупости все это! У меня совсем другая заковырка. Ты думаешь, я отправлюсь в изгнание или ссылку один? Как бы не так!

– Да что же именно задумано у вас, герцог? – спросил Гиш.

Филипп, хмелевший все больше и больше, залпом выпил еще стакан крепкого вина и продолжал заплетающимся язы-

---

¹² То есть королевы Марии Терезии.

КОМ:

– Я, брат, себе такую козявочку присмотрел, что просто отдай все, да и мало! Вот она, радость-то! Да, милый мой, всех в дураках оставлю. Видал, может, у Генриетты новую фрейлину? Этакая дикая козочка из Турени: Луиза де Лавальер! Это тебе будет не какая-нибудь де ла Тур. Та – из озорства, а стыдливости – ни на грош. Ну а Луизочка... Господи, что за голубок!.. Хэ-хэ-хэ... они меня в ссылку, а я – с Луизочкой... – Герцог Орлеанский сделал попытку налить себе еще вина, но рука повиновалась ему даже менее языка, и, залившись пьяным, с идиотским смешком, он пробормотал: – Помоги-ка мне, Гиш, добраться до постели! Опять меня разморило...

Гиш кое-как уложил герцога Филиппа и затем взволнованно кинулся в сад. Он сам не понимал, почему такой болью отозвались в его сердце слова герцога Филиппа, но остро сознавал, что не может допустить осуществления высказанных им поползновений на Луизу де Лавальер.

Луиза! Пугливая серна с кротким, ласковым взглядом глубоких глаз! Ландыш лесной, чарующий скромным нарядом невинности и безыскусственным ароматом лесов! И это чудное создание должно пасть жертвой недалекого, хмельного, грубого в душе и во вкусах герцога Орлеанского, который лишь сорвет покровы девичьей стыдливости, чтобы затем равнодушно, как негодную ветошь, бросить кроткую красавицу?

– Никогда! – вслух крикнул Гиш в ответ на свои мысли.

Однако, как ни был он искренне потрясен, он тут же сам улыбнулся своей горячности. Почему все это так взволновало его? Уж не полюбил ли он Лавальер? Уж не попался ли в сети бога Амура он, доселе с удивительным, беспечным искусством заманивавший в эти сети других?

Гиш глубоко задумался. Нет, он не мог сказать, что уже полюбил Луизу. Но во всяком случае что-то нежное, сердечное пробуждалось в его душе каждый раз, когда он встречался с девушкой. Ни одна женщина до сих пор не пробуждала в его сердце таких струн. Были красавицы, заставлявшие все его существо загораться необузданной страстью и жадной обладания; были кокетки, домогательство которых явилось для Гиша тонким и красивым поединком, где враг побивает его же оружием; были надменные, холодные, недоступные, которых крайне отрадно было смирить, принизить, заставить почувствовать власть и силу истинного мужчины; были, наконец, просто знатные, значительно превышавшие самого Гиша рангом и положением, казавшиеся ему завидным призом, достойным честолюбивых стремлений признанного донжуана. Но таких, которые, подобно де Лавальер, пробуждали бы в сердце Армана что-то похожее на детскую, невинную молитву, – нет, таких не встречал еще на своем пути холодный, избалованный красавец!

И сама Луиза, казалось, не оставалась равнодушной к Арману. При встречах с ним она мило розовела и ее взор вспы-

хивал искренним удовольствием: ведь простодушная провинциалочка не научилась еще выражать холодность там, где сердце загоралось радостью, как не умела вообще притворяться. И Гишу невольно вспомнилась при этом Олимпия Манчини, графиня де Суассон, некогда отвергнутая Людовиком Четырнадцатым племянница всесильного Мазарини, а ныне последняя жертва непобедимого графа де Гиша.

Но не в пользу Олимпии было это сопоставление, и Арман поспешил прогнать образ необузданной, мстительной, злобной, распущенной итальянки, чтобы снова задуматься о Луизе де Лавальер и грозящей ей опасности.

Теперь Гиш уже твердо решил, что ни в коем случае не допустит осуществления планов герцога Орлеанского. Наоборот, эти планы должны с треском провалиться. Тогда можно будет рассчитывать на возобновление дружбы короля, на усиление расположения Генриетты и... Ну добиться Луизы, которая добровольно, конечно, не кинется в объятия герцога, будет уже не так легко посрамленному Филиппу!

Но решить было мало, надо было осуществить это решение.

Между тем Филипп ни на минуту не отпускал от себя Гиша, а среди окружавших не было ни одного человека, на которого Арман мог бы положиться. В надежде на то, что счастливый случай непременно подвернется, Гиш под всякими предлогами затягивал обратный путь в Париж, однажды даже незаметно подрезал поджилки у лошадей и безбожно

спайвал герцога. Но, как медленно ни шло возвращенье, расстояние до Парижа сокращалось с каждым днем, а удобный случай предупредить Генриетту все не представлялся. Гиш уже начинал отчаиваться, как вдруг в нескольких лье от Рамбулье судьба столкнула его с Ренэ Бретвилем, маркизом де Тарб, герцогом д'Арк.

Настроение Гиша немедленно же поднялось. На каждой остановке в условленных местах он находил какой-нибудь знак, свидетельствовавший о том, что юный маркиз благополучно проследовал здесь. Но самое реальное, хотя далеко и не предусмотренное, доказательство благополучного следования Бретвиля было обнаружено Гишем в Севре, то есть на расстоянии какого-нибудь лье от парижских укреплений: здесь, в гостинице «Две короны», лежал раненый маркиз де Вард; он был послан Олимпией де Суассон навстречу герцогу Филиппу с целью предупредить его, дабы он не терял удобного случая застать этой ночью свою жену на месте преступления и не мешкал долее. Конечно, все это было изложено Олимпией письменно в виде условных знаков, но Вард был предупрежден о важности и ответственности своего поручения. На свою беду он вздумал подшутить над несуразным видом проезжего дворянина, костюм которого слишком мало отвечал требованиям моды. Тогда этот дворянин, сделав весьма грациозный поклон, отрекомендовался герцогом д'Арком и потребовал от маркиза, чтобы тот или извинился, или немедленно дал удовлетворение. Вард, отлично владев-

ший шпагой, был уверен, что на славу проучит гасконского петушка. Но не тут-то было! Его противник, извинившись в весьма изысканных выражениях, что недостаток времени не позволяет ему продлить эту забаву, через минуту-другую ловким финтом ранил Барда в правое предплечье и этим положил конец бою.

Выслушав этот рассказ, Гиш внутренне усмехнулся. Что за пылкий забияка был этот южанин Бретвиль! Каких-нибудь два десятка лье отделяли Рамбулье от Парижа, и на этом кратком пути неукротимый д'Арк оставил яркий след всяких происшествий, до поединка включительно! Нет, такому петушку нельзя давать ответственные поручения: ну, не повези ему в схватке с Бардом, и все пропало бы!

Но уроку, полученному Бардом от Бретвиля, Гиш был внутренне очень рад. Прежде всего для Армана не было тайной, что Вард делил с ним, Гишем, расположение графини де Суассон. Прекрасная Олимпия не вполне полагалась на Гиша, зная его дружбу с королем. В затеянных против последнего интригах мстительная итальянка пользовалась другим из своих многочисленных возлюбленных, и этим другим был маркиз де Вард. Конечно, Гиш был далек от ревности – разве таких, как Олимпия Манчини, ревнуют! Но недоброжелательство было, и потому Арман втайне радовался, что Вард получил такой хороший урок.

Зато герцог Филипп пришел в неистовство. Вард считался состоящим в его свите, и Филипп клялся всеми святыми,

что разыщет дерзкого обидчика и заставит его жестоко заплатить. Гиш с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться в лицо герцогу Орлеанскому при такой вопиющей нелогичности. Но и то сказать, от такого ли недоумка требовать еще логичности?

В Севре они пробыли до позднего вечера. Как ни нетерпеливо рвался Филипп последним решительным движением захлопнуть подстроенную им ловушку, все же для успеха плана было необходимо не появиться на поле действия слишком рано. И вот Филипп опять засел за вино, подвигивая себя хвастливыми угрозами. Только с наступлением ночи «карательная экспедиция» тронулась в путь. Уезжая, герцог Орлеанский еще раз поклялся Варду, неопасная рана которого была весьма мучительна, что обидчик понесет суровую кару, и строго-настрого приказал, чтобы на следующее утро ему прислали сказать, как провел раненый ночь и можно ли без ущерба перевезти его в Париж.

V

Скандал разыгрался полный, такой, какого вероятно, не помнили стены Пале-Рояля с самого своего возникновения. Много мрачных трагедий, поэтических романов, сентиментальных драм разыгрывалось порой в недрах семьи французских королей, однако, чтобы принц крови, королевский брат и муж королевской сестры, оказался героем самой пошлой, безвкусной ярмарочной арлекинады – нет, такого случая не знали стены не только молодого Пале-Рояля, но и старого Лувра!

Прежде всего герцог Филипп унизился до предварительного опроса прислуги и стражи. Словно сговорившись, все показали, что под вечер у ее высочества был какой-то неизвестный им дворянин, скрывший черты своего лица под маской. Однако о том, когда ушел гость, да и ушел ли он вообще, никто сказать не мог.

Тогда, взяв с собою Гиша, еще нескольких приближенных, которые не могли отклонить от себя опасную честь сопровождать герцогу Филиппу, нескольких солдат и лакеев, полупьяный ревнивец осторожно подкрался к дверям своей супруги Генриетты и прислушался. Да, Генриетта была не одна; Филипп ясно слышал ее тихий, воркующий смех... вот звякнул хрусталь бокалов, послышался заглушённый звук поцелуев. Не помня себя от ярости, Филипп бешено посту-

чал в дверь спальни жены.

В ответ послышался слабый, испуганный вскрик, а затем, после томительной паузы, голос Генриетты произнес:

– Кто там?

– Это я, Филипп, откройте! – грубо ответил герцог.

– Что за новости вламываться ко мне так поздно! – воскликнул возмущенный голос. – Вы пьяны, ваше высочество! Протрезвитесь сначала!

– Мне нужно сказать вам нечто важное...

– Для этого найдется время завтра утром!

– Я не могу ждать до утра!

– А я не могу впустить вас: я не одета!

– Гще раз говорю вам: откройте или вам будет плохо!

– А я еще раз говорю вам: идите спать и протрезвитесь или вам не сдобровать!

Филипп бешено заскрипел зубами и забарабанил в дверь кулаками с криком:

– Откройте, подлая распутница, или я прикажу взломать двери!

– Фу, что за пьяный идиот! – последовал категорический ответ.

Тогда, не видя ничего в своей ярости, не замечая, с каким возмущением переглядываются придворные, шокированные такой грубой руганью, как пересмеиваются солдаты и лакеи, Филипп приказал взломать дверь. Под сильными и четкими ударами алебард дверь подалась, и герцог, повелительно ско-

мандовав: «Все за мной!» – вломился в спальню.

При тусклом освещении масляной лампы он увидел стол, накрытый на два прибора. В одном из кресел в надменной, небрежной позе сидела Генриетта, одетая в легкий ночной капот. Компаньон, разделявший с герцогиней это позднее пиршество, при появлении герцога вскочил с другого кресла и с легким криком забился в складки оконной гардины. Филипп с злорадным хохотом кинулся к окну и грубо вытащил из-за гардины отбивавшегося соперника, но тут же отскочил назад и остолбенел в позе воплощенного изумления и недоумения: пред ним была... де Воклюз!

Девушка тоже была в ночном туалете, еще более откровенном, чем Генриетта. Но, конечно, не это так смутило Филиппа: когда-то он видал де Воклюз во всяких видах. Только он уж очень не ожидал встретить Генриетту в столь не компрометирующей обстановке. Мысль, что он непременно застанет жену в объятьях возлюбленного, превратилась у Филиппа в навязчивую идею. Что этим возлюбленным должен оказаться Людовик, в последние минуты уже не казалось Филиппу вполне несомненным. Наоборот, ему пришло в голову, что дружкой Генриетты окажется кто-нибудь другой, и эта мысль пришла ему особенно по вкусу. О, если бы это было так! Тогда в короле он нашел бы первейшего союзника, и гордая Генриетта была бы унижена до последней степени. Но, как это всегда бывает с навязчивыми идеями, Филиппу даже в голову не приходило, что возлюбленного может и не

быть совсем или может просто не оказаться в тот момент, когда он, герцог, явится на защиту своих супружеских прав. И вот это-то и повергло его в такое остоленение.

Однако Генриетта не дала неловкой, томительной паузе затянуться слишком долго.

– Вон все отсюда! – крикнула она, с бешенством топнув ногой, и затем, словно дикая кошка накинувшись на несчастного супруга, принялась осыпать его градом хлестких пощечин.

Филипп в своей растерянности даже не подумал защищаться; он только втягивал голову в плечи, стараясь как-нибудь увернуться от сильных и метких ударов взбешенной супруги. Тем не менее удары непрерывно попадали в цель. Спасение было только в бегстве, и вот ему-то и предался позорно герцог, во главе им же самим приготовленных свидетелей своего позора.

Последним вышел Гиш. Генриетта успела шепнуть, ему: «Через полчаса!», – а затем с силой хлопнула поврежденной, разломанной дверью.

Между тем герцог Орлеанский со всей своей растерянной, смущенной, пересмеивающейся свитой, не помня себя, вбежал в какую-то гостиную и тут без сил упал в кресло. В зависимости от ранга и положения разместились вокруг него свидетели его позора. Ближе стали двое высших чинов двора, затем – несколько придворных дворян, за ними – толстый мажордом, окруженный слугами; позади, опираясь на

алебарды, стали солдаты.

Прошло несколько секунд в неприятном молчании.

Наконец герцог заговорил:

– Ступайте, друзья мои, вы больше не нужны, но я твердо рассчитываю на то, что никто из вас, от большого до самого маленького, не проронит ни слова о том, чему вы сейчас были свидетелями. Мало ли что случается в семье. Женщины – всегда женщины, а мужья – всегда мужья! – и, разразившись этой «истиной ла Палисса»,¹³ Филипп еще раз повторил: – Ступайте, друзья мои! – а затем, откинувшись в кресле, закрыл лицо руками.

Все поспешно двинулись из гостиной.

Сзади всех шел Гиш. Однако его вдруг остановил скорбный возглас:

– Как, Гиш, и ты оставляешь меня?

– Но, ваше высочество, – ответил Арман, – вы сами отпустили всех нас!

– Да, но разве это может относиться к тебе?

– Уж не знаю, ваше высочество, относится ли ко мне это,

---

¹³ Жак де Шабан, синьор де ла Палисс, – знаменитый французский полководец, убитый в битве при Павии в 1525 г. В его честь солдаты сложили песенку, в которой имеются следующие строки: «За четверть часа до своей смерти он был еще жив». Они хотели выразить этим, что ла Палисс сражался до тех пор, пока окончательно не иссякли силы, что для храброго полководца «жить» отождествлялось с «сражаться». Однако с течением времени истинный смысл этих строк был забыт и их стали применять в качестве образца наивности, самой по себе понятной истины. Отсюда происходит французское выражение «истина ла Палисса».

но, что я нуждаюсь в отдыхе, это я знаю наверняка!

– Гиш, Гиш! Я переживаю такие тяжелые минуты, а ты заботаешься о своем отдыхе? Неблагодарный!

– Неблагодарный? А за что мне быть благодарным вашему высочеству? Уж не за то ли, что из-за вас я поставлен теперь в невыносимое, смешное, дьявольски скверное положение? А я ведь уговаривал вас, доказывал всю несостоятельность замышленного плана! Но вам угодно было из пустого княжеского каприза настоять на своем! Ну, так не за это ли мне быть благодарным вам? Нет, ваше высочество, благодарю и за дружбу, и за службу! Моя служба продолжалась только неделю, но... долее она не продлится ни дня! Граф де Гиш имеет слишком длинную родословную, чтобы по обязанностям службы вламываться в спальню беззащитных женщин! Честь имею кланяться вашему высочеству!

Арман церемонно поклонился и пошел к дверям. Но у порога его остановил робкий вопрос герцога:

– Скажи по крайней мере, как ты думаешь, пожалуется Генриетта королю или нет?

Гиш остановился, с нескрываемым презрением окинул герцога с ног до головы и небрежно ответил:

– Не думаю, ваше высочество! Ведь герцогиня доказала, что и сама отлично может заступаться за себя! Да и к чему ей искать заступничества у короля? Разве его величество может наказать вас сильнее, чем то сделала ее высочество? Помилуй бог! Отхлестать герцога Орлеанского по щекам в

присутствии друзей, придворных, слуг и солдат! Нет, такое наказание король все равно не мог бы придумать!

– Я и сам думаю, что Генриетта не стала жаловаться, – задумчиво отозвался Филипп. – Но... ах, знать бы это наверное! Господа, я в таком невыгодном положении! Я не знаю, чего держаться, как мне быть!

Гиш пожал плечами и хотел уйти не отвечая. Вдруг у него блеснула злобная мысль. Снова остановившись, он сказал с самым невинным видом:

– Так что же, ваше высочество, если вам нужно только приобрести уверенность... У вас имеется отличный предлог: завтра побывайте у короля и пожалуйте на дерзкого, осмелившегося ранить маркиза де Варда!

– А если король сам накинется на меня с упреками?

– Ну, так вы с полным достоинством ответите ему что это – ваше частное, семейное дело!

– Ты совершенно прав, милый мой Гиш! – воскликнул обрадованный герцог. – Вот так я ему и скажу непременно окажу! Спасибо тебе, милый Гиш, ты...

Но граф Арман, не слушая дальше, пустился в поспешное бегство, едва удерживаясь от смеха.

– Ну, что же вы это натворили, злодей вы этакий? – весело спросил Гиш, входя на следующее утро в комнату, отведенную Ренэ Бретвилю.

– А что? – испуганно спросил юноша. – Разве что-нибудь вышло не так? Прекрасная незнакомка осталась не преду-

прежденной?

– Нет, с этой стороны все обошлось прекрасно, но... Ах, друг мой, друг мой! Плохое начало придворной карьеры – наживать себе с первых шагов могущественных врагов. А ведь маркиз де Вард – далеко не последний дворянин при дворе!

– Дорогой граф, – надменно, медленно ответил Ренэ, – я предпочту покончить свои дни в Бастилии или опять вернуться в Бретвиль есть одни бобы с солью, чем допустить, чтобы на незапятнанное имя моих предков легла хоть малейшая тень неотомщенного оскорбления.

– Ну, так вам только и дела будет в Париже, как вечно ограждать свою честь! Парижане любят позубоскалить, и в таком случае меткий ответ, право же, действеннее шпаги. Но если вы не можете сдержаться, то попомните хоть на будущее время, черт возьми, что убить в тысячу раз безопаснее, чем только ранить!

– Ну, по отношению к маркизу де Варду я не мог бы приложить это мудрое правило! Беззащитных не убивают, им только дают хороший урок!

– Беззащитных? Да ведь у вас был честный бой, правильная дуэль?

– Ну, если вы это называете дуэлью! – тоном совершенно непередаваемого пренебрежения отозвался Бретвиль. – По моему, человек, не умеющий держать шпагу в руках, совершенно беззащитен против такого мастера, как я! Дуэль, по-

единок! Да ведь после этого можно говорить о сражении льва с цыпленком!

Гиш невольно расхохотался над этим смешением наивности, благородства и чисто гасконской хвастливости, ярко прорывавшимися в каждом слове юного герцога. Конечно, Ренэ не упустил случая вспыхнуть и высокомерно заметить, что если граф де Гиш сомневается в его искусстве, то он готов хоть сейчас...

– Полно, полно, мой задорный гасконский петушок! – ласково сказал Арман, похлопывая горячего юношу по плечу. – Для этого у нас еще найдется время; как-нибудь я с удовольствием пофехтую с вами.

– И я держу пари на один день¹⁴ против тысячи ливров,¹⁵ что не дам вам ни разу даже тронуть меня! – тут же отозвался Ренэ.

– Хорошо, там увидим! Но теперь не время – нас ведь ждет... – «король», чуть не сказал Арман, однако вовремя вспомнив предупреждение Генриетты, поспешно договорил: – Мсье Луи!

– Мсье Луи? – повторил Ренэ. – Гм... А как вы думаете,

---

¹⁴ Старая французская монета, составлявшая двенадцатую часть су, то есть одну двести сороковую франка. Обычно употреблялась, подобно русскому «грош – цена», в качестве презрительного обозначения чего-то по сумме крайне ничтожного.

¹⁵ Старинная монета, ценность которой подвергалась существенным колебаниям в зависимости от времени и места, так как по существу это было стоимостью фунта серебра. Приблизительно ливр можно приравнять к теперешнему франку.

милый граф, это – действительно полезная и не компрометирующая протекция?

– Как вам сказать? – ответил Гиш, – конечно, бывало не раз, что люди, очень полагавшиеся на мсье Луи, жестоко ошибались в своих расчетах, но думаю, что в настоящем положении для вас едва ли кто-нибудь сделает больше, чем он.

* * *

Оставив Ренэ в приемной, Гиш, следуя приглашению Лапорта, старого доверенного камердинера Людовика, вошел в кабинет короля и с волнением стал ожидать появления Людовика – ведь от их свидания зависело так много! Ничего того, что так дорого было хищной стае, роившейся вокруг трона, не нужно было графу Арману. Он был слишком знатен и слишком богат, чтобы королевская милость могла что-нибудь прибавить к его имени или состоянию. Но, придворный по рождению и привычкам, Гиш чувствовал себя вне придворной жизни, вне влияния и крупной роли при самом короле, как рыба, вытщенная на берег. И теперь свидание с Людовиком должно было показать ему, ошибся ли он или нет, рассчитывая изменой Филиппу вернуть утерянную дружбу короля.

Вскоре на пороге появился Людовик, и его вид сразу переполнил сердце Гиша радостной надеждой.

– Здравствуй, милый Гиш, – сказал король, ласково про-

тягивая руку Арману. – Рад видеть тебя!

– О, ваше величество! – с волнением проговорил Гиш, опускаясь на одно колено и принося к королевской руке.

Людовик, тронутый искренним волнением Гиша, попытался приподнять его, но граф, покрывая его руку бессчетными лобзаниями, продолжал:

– О, ваше величество! Как тяжело мне было это время от сознания, что милость моего короля отвернулась от меня!

– Встань, встань, милый Гиш! – настойчиво сказал король, приподнимая друга своего детства с пола. – Сядем вот здесь, – он подвел Армана к паре кресел, – и поговорим! Что было, то прошло! У каждого из нас бывают свои дурные минуты, настроения, даже капризы. Ну, да я уже сказал: что было, то прошло!

А теперь расскажи мне лучше, что натворил вчера вечером мой милейший братец?

Гиш рассказал королю все подробности вчерашнего «имбролио»,¹⁶ отнюдь не щадя герцога Филиппа и не скрывая того яркого оттенка глубокой безвкусицы, который получила скандальная история «уличения неверной жены».

– Нет! – вскрикнул Людовик, и глубокая морщина недовольства залегла между его бровей. – Филипп положительно компрометирует свое положение ближайшего члена коро-

---

¹⁶ Театральная пьеса с запутанной донельзя интригой, родоначальница нынешнего фарса. Когда-то имбролио было излюбленным жанром площадных (бродячих) актеров, которые импровизировали пьесу во время ее действия. Синоним грубого, плоского, низко-смешного происшествия с неожиданным результатом.

левской семьи! Что за черт в самом деле. Какой-нибудь мелкопоместный дворянин сумел бы с большей честью выйти из подобного положения, а этот недоумок добровольно рядится в лохмотья ярмарочного шута! – Он задумался, потом засмеялся и прибавил: – А все-таки хотел бы я видеть физиономию милейшего братца!

– Желание вашего величества легко исполнить! – ответил Гиш. – Его высочество собирается навестить сегодня ваше величество, чтобы требовать заступничества за маркиза де Вард! – и граф, давясь от душившего его хохота, рассказал то, что уже известно читателю по предыдущему.

– Гиш, да ты шутишь! – в полном изумлении воскликнул Людовик. – Неужели Филипп серьезно собирается основывать свою претензию на том, что дуэли запрещены? Да ведь в таком случае я должен первым делом посадить в Бастилию именно Варда, а не этого петушка! Пусть ранен Вард, но ведь, во-первых, он был зачинщиком ссоры, во-вторых, ему, парижанину и придворному, королевские указы должны быть знакомы лучше, чем провинциалу! Тем не менее это прекрасно складывается! Визит Филиппа даст мне возможность поговорить с ним на тему о вчерашнем скандале. – Людовик снова задумался и воскликнул затем: – Но этот гасконский герцог! Господи, что за забавный тип! Право, Гиш, во всей этой истории самое лучшее – то, что тебе удалось откопать такого занимательного чудака! Ты привел его с собой?

– Он ожидает в приемной, ваше величество! Однако осме-

люсь заметить, что герцог д'Арк последовал за мной сюда не без оговорок. Он хотел сначала получить уверенность, не скомпрометирует ли его протекция «мсье Луи»!

Король расхохотался и сказал:

– Ну, так приведи его сюда! Скажи ему, что мсье Луи оказался настолько влиятельной особой, что сразу устроил ему прием у самого короля!

* * *

– Ну, вот видите, как вам повезло! – оказал Гиш, входя в приемную, где ждал его Ренэ. – Каков мсье Луи! Он сразу устроил вам прием у самого короля, и сейчас вы будете иметь счастье предстать пред глаза его величества! Пойдем!

Не без волнения последовал Ренэ за графом в кабинет короля Людовика. В то же время он старался представить себе те слова, с которыми может обратиться к нему король, и мысленно повторял воображаемые ответы, составленные в виде искусных, цветистых фраз.

Однако весь заготовленный багаж сразу выскочил у него из головы при виде смеющегося лица того, кто накануне так предательски назвался «мсье Луи» и которого теперь граф де Гиш так почтительно титуловал «ваше величество»!

– А, здравствуйте, милый герцог! – приветливо встретил Ренэ мнимый мсье Луи. – Надеюсь, что сегодня я буду в состоянии дать вам успокоительные сведения относительно

своей генеалогии, и вы не откажетесь дружески побеседовать со мной!

Все смешалось, все закружилось при этих словах в голове Ренэ, которого охватили самые противоречивые чувства.

Он сразу понял, кого и о чем предупреждало таинственное поручение, взятое им на себя накануне. С одной стороны – он радовался, что немаловажная услуга, оказанная самому королю, облегчает ему ту карьеру, ради которой он прибыл в Париж, а с другой же – сознавал всю опасность быть посвященным в слишком интимные тайны королевского двора. Вместе с тем он вспоминал еще все свое смешное, заносчивое обращение с мнимым мсье Луи, а потому, потрясенный до глубины души, бросился на колени и, чуть не плача, крикнул:

– Боже мой!.. Ваше величество, ваше величество. Да как же я не сообразил, не догадался сам! Что я только наболтал вчера?! О, простите, простите, ваше величество!

– Встаньте и успокойтесь, милый герцог! – сказал Людовик, подходя к юноше и похлопывая его по плечу. – Вам не в чем извиняться и не в чем раскаиваться. Хотя ваш юный задор слишком отзывает провинциализмом, да еще гасконским, но вы ярко доказали вчера, как сильно развиты в вас чувство чести, преданность вашему королю и как дорожите вы чистотой и незапятнанностью своего имени. Это очень дорого теперь, когда рыцарские традиции гложут и вянут в нашей аристократии. Такие люди, как вы, нужны трону!

Так встаньте же! Однако я голоден, господа! Надеюсь, что вы тоже с удовольствием позавтракаете. Приглашаю вас обоих разделить мою трапезу! За едой да за кубком вина смущение и неловкость скорее рассеются! Милый Гиш, распорядись, чтобы нам накрыли... только не здесь, а лучше рядом, в маленькой гостиной!

Через несколько минут все трое уже сидели за столом. Людовик был так весел, прост и мил, так очарователен в роли любезного хозяина, угощающего друзей, что Ренэ Бретвиль быстро отделался от первоначального смущения и выказал себя приятным собеседником и застольным товарищем.

В промежутках между тем или иным кушаньем Ренэ, по просьбе Людовика, показал несколько фокусов, в которых зрители не знали, чему более дивиться: ловкости Ренэ или изумительной твердости стали его шпаги. Так, например, Ренэ подбрасывал монетку и пригвождал ее ударом шпаги к стене. Затем он пофехтовал немного с Гишем и доказал, что не напрасно хвастал своим мастерским умением владеть оружием: за две минуты он три раза выбил у графа оружие из рук, а Гиш ведь был признанным мастером шпаги! В заключение юноша разошелся до того, что даже рассказал несколько гасконских анекдотов, заставивших Людовика и Гиша от души посмеяться. Словом, к концу завтрака юноша окончательно расположил к себе влиятельных собутыльников.

Когда голод был окончательно утолен и место сытных блюд заняли фрукты и сласти, Людовик сказал, чокаясь с Ги-

шем и Бретвилем каким-то фантастическим ликером, изготовленным и преподнесенным ему монахами:

– Ну, а теперь поговорим о деле. Итак, милый герцог, вы прибыли в Париж искать счастья. Ну, что же! Вы имеете все права на это счастье! Вы умны, воспитанны, хорошо владеете оружием, отважны и происходите из... Кстати, повторите-ка мне свое звучное, длинное имя!

– Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк, к услугам вашего величества!

– Отличное имя, клянусь Богом! Однако... вот что меня удивляет: имя Бретвилей мне как будто знакомо, но о герцогах д'Арках я, хоть убей, ничего на могу вспомнить!

– Да... тут есть одно обстоятельство, ваше величество! Сан герцога д'Арка был действительно пожалован моему деду, только... официальных патентов дед вследствие своей неловкости так и не получил!..

– Как же это случилось?

– Уж не знаю, как и рассказать это вашему величеству! Дед отличался солдатской откровенностью и слишком резко высказался об особе, близкой по крови вашему величеству!

– Друг мой, да меня ведь тогда не было на свете! Если не ошибаюсь, вы упоминали что-то о сражении короля Генриха с герцогом Майеннским, а это было в тысяча пятьсот восемьдесят девятом году, тогда как я родился почти через полсотни лет после этого!

– Дело касалось августейшей бабки вашего величества...

– Королевы Марии Медичи? Друг мой, в таком случае я уже заранее начинаю уважать вашего деда, и вы можете смело повторить мне его слова! Королева Мария достаточно насолила и моему отцу, и Франции, чтобы ее имя не вызывало во мне особого благоговения... в тесном дружеском кругу хотя бы!

– В таком случае... если такова воля вашего величества! Надо вам сказать, что мой дед был большим другом вашего деда, короля Генриха Четвертого...

– Желаю того же и для внуков! – любезно произнес Людовик, приподнимая в знак тоста рюмочку с ликером.

VI

– Крепин Бретвиль, сын престарелого маркиза де Тарба, – начал свой рассказ Ренэ, – был в числе молодых гасконцев, сопровождавших юного Генриха Наваррского ко двору короля Карла Девятого, на сестре которого, прекрасной Маргарите, он должен был жениться. Генрих Наваррский очень любил Крепина и всегда советовался с ним в серьезных случаях. Но нередко бывало, что он сердился на Крепина и грозил отослать его обратно в Наварру. Это происходило в тех случаях, когда Генрих задумывал какое-нибудь забавное приключение или новую любовную интригу а мой дед категорически отказывался принять в этом участие и раздражался суровой проповедью...

– Что делало его ужасно неудобным, знаю по личному опыту! – со вздохом отозвался Людовик.

– Тем не менее, – продолжал Ренэ, – Крепин остался при короле и пережил с ним все тяжелые эпизоды – Варфоломеевскую ночь, бегство из Парижа (1576 г.); затем он сражался с королем бок обок при Кутра (1587 г.), осаждал вместе с ним Париж и в 1589 году был чуть ли не главным виновником победы при Арке. О последнем эпизоде дед всегда рассказывал очень кратко: он был скуп на похвалы себе. Но и из его краткого рассказа можно было вывести, что Крепин де Бретвиль, тогда уже маркиз де Тарб, совершил немалое

геройство: заметив обходное движение, предпринятое врагом против слабо защищенного крыла армии короля Генриха, мой дед с десятком всадников кинулся наперерез, и хотя пал, пронзенный десятком смертельных ран, но успел задержать врага и дал Генриху возможность принять нужные меры и выиграть сражение.

Деда замертво унесли в его палатку. Однако могучий организм взял свое, и герой Арка выжил. Перед тем как выяснилась возможность отправить моего деда на родину для окончательного излечения, Генрих Четвертый со слезами обнял его, опоясал своей шпагой – вот этой самой – и пожаловал саном герцога д'Арка. Тут их дороги на время разошлась: у короля Генриха было много хлопот с утверждением своего трона, а деду пришлось долго лечиться, надо было приводить в порядок имущественные дела, а затем он задумал жениться.

Прошло лет семь-восемь; у деда уже был двухлетний мальчишка, которому надлежало поддержать имя и честь рода Бретвилей, а дела шли все хуже. Несколько неурожаев прибавили немало бед, уже внесенных гражданскими неурядицами прошлых лет. Дед совсем решил было ехать к королю Генриху и напомнить о себе, как вдруг пришло известие, которое взволновало и даже ошеломило деда: воспользовавшись тем, что власть короля начинала окончательно устанавливаться, Генрих задумал развестись с королевой Маргаритой и стал присматривать себе другую невесту!

Дед всегда был страстным поклонником королевы Маргариты. Он говорил, что никогда не встречал более обаятельной, умной и сердечной женщины. Конечно, он не закрывал глаза на ее недостатки. О том, что королева Маргарита меняет друзей как перчатки, открыто говорила вся Франция. Но в этом деле вину исключительно короля Генриха. И в период сватовства, и даже в первые дни медового месяца, не говоря уже о дальнейших годах, король открыто изменял супружескому долгу. А между тем дед утверждал, что королева Маргарита на первых порах искренне любила красавца Генриха и, не оскорби он ее священнейших чувств, была бы верна ему. Виноват был король еще в том, что не только закрывал глаза на интрижки своей супруги, но даже поощрял их, пока... пока Маргарита была ему нужна. Затем, когда важная ступенька к трону французских королей была уже пройдена, король Генрих решил отбросить свою супругу как негодную ветошь! Прежде он вполне мирился с интимной жизнью жены, а теперь хотел построить развод именно на том, что сам поощрял! Может быть, это было очень тонко в политическом смысле, но Бретвили всегда были солдатами, а не политиками.

Дед помирился бы еще, если бы король Генрих задумал развестись с Маргаритой для того, чтобы жениться на прекрасной Коризанде. Ведь эта святая женщина бескорыстно любила короля и положила к его ногам все свое состояние, без которого Генриху Наваррскому никогда не сделаться

бы французским королем, Генрихом Четвертым. Этот брак имел бы полное оправдание, потому что король не только клялся сделать графиню де Гиш своей женой и королевой, но даже выдал ей клятвенную расписку, написанную собственной кровью. Однако нет! Утвердив свою власть, король Генрих забыл все прежнее. Две женщины помогли ему овладеть французской короной: одна – Маргарита Валуа – предоставила ему всю свою недюжинную государственную мудрость, весь свой вес и влияние в качестве дочери королей, последней представительницы угасшего рода Валуа, другая – Коризанда – пожертвовала для него всем состоянием. И обеих отбрасывал теперь король!

Дед остался в своем Бретвиле. Но у него нашлись друзья, которые напомнили королю о виновнике победы при Арке. И вот в тысяча шестисотом году дед получил собственноручное письмо короля, гласившее:

«Приезжай, мой старый боевой товарищ, в Париж, чтобы ты мог поздравить Нас со вступлением в брак и чтобы Мы могли формальным чествованием герцогского сана отметить заслуги перед тронem и отечеством победителя при Арке».

Прочитав это письмо, дед неодобрительно покачал головой. Правда, в письме еще чувствовалась прежняя непринужденность, но наряду с этим уже ярко сказывалось желание сразу проложить границу между собой и друзьями прежних тяжелых лет, – границу, которой и без того никто не забывал! И дед невольно вспомнил письмо, написанное

Генрихом после сражения при Арке Крильону и обошедшее в списках всех старых приверженцев наваррского короля. Письмо это было немногословно:

«Повесься, храбрый Крильон, мы победили при Арке, а тебя с нами не было».

Всего только одиннадцать лет тому назад было написано это письмо, а как разлилось оно по непринужденному тону с письмом, полученным тем самым, из-за храбрости которого должен был повеситься герой Крильон!

Тем не менее дед, разумеется, стал собираться в Париж: не последовать такому прямому приглашению было невозможно. Как осторожный человек, он приказал вделать письмо короля в рамку, так как в этом клочке бумажки заключалось признание за ним лично права на герцогский титул. Затем надо было приняться за сборы. Дед не хотел прибыть обрывышем на свадьбу своего короля, а потому ему пришлось кое-что продать и позаложить. Это задержало деда, и, как он ни гнал, на самое празднование свадьбы он опоздал.

Дед прибыл в Париж поздно вечером и остановился у одного из старых боевых товарищей. За стаканом вина бывшие соратники разговорились, и вот тут-то мой дед узнал много неприятного про новую королеву. Мария Медичи была не так уже молода (ей шел двадцать восьмой год). Она очевидно «засиделась», была зла, горда и... Ну, из песни слова не выкинешь! Не умна была она от рожденья, это в один голос твердили и дед, и отец!

Старые приверженцы короля Генриха были в былое время избалованы лаской и приветливостью королевы Маргариты. Тем оскорбительнее казалась им пренебрежительная надменность обращения королевы Марии, еще более оттеняемая явным покровительством итальянскому сброду, целой стаей налетевшему за ней из ее родной Флоренции. На короля в этом отношении надежда была плоха – он ведь всегда увлекался свежинкой и чувствовал себя искренне влюбленным в молодую жену. Конечно, это продолжалось недолго, но в то время это как раз было так.

На следующее утро дед явился к королю. Генрих принял его в официальной аудиенции и торжественно приветствовал его словами:

– Добро пожаловать, герцог д'Арк!

Это было сказано очень торжественно, официально и даже напыщенно.

Но тут же король вдруг отбросил всякую торжественность, подбежал к деду, хлопнул его по плечу и укоризненно сказал:

– Не мог ты, старая свинья, поспеть к моей свадьбе?

Дед откровенно рассказал королю, что его задержало; Генрих растрогался, обнял его, обещал ему поместья и ренты, соответствующую герцогскому достоинству, а потом повел представлять королеве. Мария Медичи обошлась с моим дедом более чем холодно и пренебрежительно. Вечером был бал, во время которого королева еще более оттенила свое

презрение к боевым товарищам мужа и французской аристократии. Дед готов был уехать сейчас же на родину, но вопрос о поместьях и ренте еще не получил категорического разрешения, а ведь на родине у деда были молодая жена, маленький сын и... разоренное имение! И он решил потерпеть и выждать.

Случилось так, что Генрих задумал порадовать старых товарищей холостой пирушкой. И вот, на беду король, уже немало выпивший, пристал к деду с тем, чтобы тот высказал ему свое мнение относительно молодой королевы. И на что это только ему нужно было, право!

Дед попытался увернуться от прямого ответа, отделялся ничего не значащими фразами, вроде того что, дескать, всякий истинный верноподданный с глубочайшим уважением преклонит колено перед женщиной, которой король вручил корону, но Генрих Четвертый, почему-то уверенный, что Мария Медичи должна всех приводить в восторг, потребовал, чтобы дед высказал свое мнение прямо и без всяких отговорок, как надлежит честному солдату. К тому же король еще подтрунил над тем, что с годами дед разучился прежней прямооте. У моего деда и без того накипело на сердце, да и выпито было немало, и он воскликнул:

– Ну, что же, ваше величество, раз вы этого требуете, так я должен высказать свое мнение начистоту! Только не взыщите, я – солдат, тонкостей языка не знаю!

– Говори, говори, не бойся, старый товарищ! – смеясь,

ободрил деда король Генрих.

– Ну, так я прямо скажу вашему величеству, что вы променяли одноглазую лошадь на слепую!¹⁷ Прежняя королева, какова она ни была, все же являлась дочерью исконных французских королей и отпрыском святого Людовика, благодетеля нашей страны. К тому же она была умна и, будучи француженкой, умела ценить верноподданных, составляющих опору трона! А новая королева держит себя так, будто она не замуж за французского короля вышла, а попросту завоевала вооруженной силой всю Францию! Француз от нее доброго слова не услышит, зато итальянец, будь он хоть последним прохвостом, станет ей любезным другом. Ну, и то сказать: недаром она – Медичи! Мать королевы Маргариты тоже была Медичи, и как только это не отбило у вас охоты связываться с этим родом! Мало вы, ваше величество, натерпелись от Екатерины Медичи? Разве не чудом спасались вы от кинжала и яда ее любимчика, Ренэ Флорентинца? Впрочем, и то сказать: королева Маргарита была вам верной опорой! Ради любимого мужа и короля она пошла против родной матери, а то не сдобровать бы вам, как не избегла добрая королева Жанна, ваша матушка, отравленных перчаток! Ой, не жду я добра для Франции от новой Медичи!

Конечно, речь деда пришлась по сердцу всем старым боевым товарищам короля. Но тем более испугались они за са-

---

¹⁷ Французская поговорка, соответствующая русской «променять кукушку на ястреба».

мого деда. Уже с первых его слов воцарилась мертвая тишина, а к концу даже мертвецки пьяные протрезвились от страха.

Король Генрих выслушал слова деда, не перебивал его. Несколько раз он менялся в лице, вспыхивал, судорожно хватался за рукоятку кинжала, но к концу успокоился и сидел не двигаясь, причем ироническая улыбка не сбегала с его лица.

Кончил дед. Гробовое молчание последовало за его речью. Сколько продолжалось это молчание, дед не знал, но ему тогда казалось, что прошли целые часы, пока король Генрих заговорил:

– Эх, Крепин, Крепин! Всегда я говорил, что поп, нарекая тебе во святом крещении имя, ошибся на одну букву!¹⁸ Ну, что же, насильно мил не будешь!

Жаль мне, что не понравилась тебе моя жена, но изменить тут я ничего из могу. Придется мне выбирать между вами двумя, но, так как жену-то я отослать домой не могу, то... – король Генрих не договорил, однако смысл его слов был и без того ясен.

Затем король продолжал как ни в чем не бывало шутить и угощать своих гостей, но веселье не клеилось, и вскоре пирушка кончилась.

---

¹⁸ Генрих хотел сказать, что Бретвиля следовало назвать не «Cреpin», а «Crètin» – кретин, идиот.

Было часов двенадцать ночи. Крильон,¹⁹ очень любивший деда и с обычной неустрашимостью сам всегда говоривший правду в глаза всем без исключения, увел деда к себе. Но не прошло и часа, как явился посланный короля и передал королевскую волю: маркиз де Тарб должен до восхода солнца покинуть Париж. Дед и Крильон оба подметили, что при встрече мой дед именовался «герцог д'Арк», а при проходах – «маркиз де Тарб». Но Крильон дал деду обещание, что найдет случай напомнить Генриху о подвиге маркиза де Тарба и о королевском слове, не подлежащем отмене. Он высказал твердую уверенность, что чувство справедливости восторжествует в его величестве над личным недовольством...

Однако он ошибся. Через год пришло от Крильона письмо, в котором этот истинный «рыцарь без страха и упрека» сообщал, что на попытку заговорить о герцоге д'Арке король Генрих холодно заметил, что ему «неизвестно о существовании во Франции дворян с таким именем». Сказано это было тоном, раз навсегда лишившим возможности снова заговорить об этом предмете. Однако герцог Крильон нашел способ заменить патент на сан герцога д'Арк иным путем. Он собрал у себя сподвижников сражения при Арке и предложил им составить протокол, в котором ими клятвенно подтверждаюсь, что король Генрих Четвертый после сражения при

---

¹⁹ Знаменитый французский полководец, товарищ по оружию короля Генриха Четвертого, который объявил его первым стратегом мира. Крильон был храбр не только на войне, но и в придворной жизни умел оставаться совершенно независимым и бесконечно прямым.

Арке возвел Крепина Бретвиля, маркиза де Тарб, в сан герцога д'Арка со всем его нисходящим потомством, с тем чтобы герцогский сан переходил лишь к старшему в роде. Протокол был составлен, подписан очевидцами и подлинность его засвидетельствована подписью и печатью герцога Крильона. Последнее было, конечно, очень важно, потому что сам Крильон не был участником аркского боя, а его имя значило больше любого патента. Однако перед подписью Крильон оговорил вдобавок, что при нем лично король Генрих, встречая маркиза де Тарба, титуловал его именно этим саном.

– Вот так и случилось, ваше величество, – закончил свой рассказ Ренэ, – что моему деду не удалось получить патента и что имя герцогов д'Арк не было внесено в геральдические книги. Тем не менее и дед, и отец, и я – мы всегда считали, что письмо короля Генриха и протокол, подписанный очевидцами, вполне удостоверяют наше право на этот титул. Королевская милость была оказана за прямые заслуги, при свидетелях и назад прямо взята не была. Пожаловано было, разжалования не было. Но из описанных мной обстоятельств становится ясно, почему ваше величество не знали о существовании герцогов д'Арков!

– Да-с, нечего сказать, ваш рассказ отлично иллюстрирует обычную королевскую неблагодарность! – задумчиво сказал Людовик. – Но как трудно королю быть всегда благодарным! Вот хотя бы взять историю вашего деда. Я всецело на

стороне этого храброго, честного воина. Я искренне считаю, что трону необходимы такие слуги, умеющие безбоязненно говорить правду в лицо. Но... будь я на месте своего деда, я поступил бы совершенно так же, если только не хуже! Ну, подумайте сами! Если бы король Генрих сдержал слово и на другой день пожаловал вашему деду обещанный патент, поместья и ренту, все остальные стали бы открыто поносить жену короля, которая – как-никак – была французской королевой!

Король хотел дальше развить свое оригинальное утверждение, но в этот момент ему доложили, что его высочество Филипп Орлеанский желает видеть его величество.

Людовик приказал впустить брата.

VII

– Здравствуй, милый Филипп, рад тебя видеть! – приветливо сказал король Людовик, выходя в кабинет, где его ожидал брат. – Ну, присаживайся! Как ты поохотился?

– Не могу похвастать удачей! – мрачно ответил Филипп.

– Что же так? Или ты, может быть, гонялся за слишком крупным зверем?

Филиппу показалось, что в тоне голоса короля слышится иронический, торжествующий намек. Он резко поднял голову. Но лицо короля оставалось спокойным, только где-то глубоко, в самых уголках умных глаз, еле заметно искрилась тень насмешки.

– Извиняюсь, ваше величество, – глухо сказал Филипп, снова опуская глаза. – Я с удовольствием поговорю с вами в следующий раз на охотничьи темы, а теперь... мне нездоровится. Кроме того, я явился к вам не за тем: я пришел просить справедливости!

– И ты ее получишь! – с жаром подхватил Людовик. – В чем дело, милый Филипп? Кто тебя обидел?

– Меня лично – никто, но один из дворян моей свиты лежит, тяжело раненный дерзким авантюристом. Я имею сведения, что последний прибыл в Париж с целью искать службы при королевском дворе. Поэтому его нетрудно найти, и я надеюсь, что ваше величество прикажете...

– По порядку, милый Филипп, по порядку! Сначала: кто – дворянин твоей свиты и кто – «дерзкий авантюрист»?

– Пострадавший – маркиз де Вард, обидчик – некто, именующий себя герцогом д'Арком.

– Так-с! Ну, а при каких обстоятельствах Вард был ранен Арком?

– Дерзкий проходимец напал на маркиза...

– Как? Так, попросту, напал и ранил? И ты был сам свидетелем этого?

– Нет, но маркиз де Вард...

– А! Ну, это – другое дело! Я уверен, что ты введен в заблуждение, милый брат! Но по счастливой случайности мы можем разобрать это дело тут же, на месте! – Людовик подошел к двери соседней комнаты и крикнул: – Герцог д'Арк, пожалуйста сюда! – и, искоса посмотрев на брата, со злорадством заметил, как вытянулось лицо Филиппа.

– Ваше величество! – испуганно и злобно заговорил последний, – мне кажется, что очная ставка между принцем крови и каким-то проходимцем совершенно недопустима уже принципиально...

– Но кто же говорит здесь об очной ставке, милый Филипп? Ты обвиняешь человека в совершении преступления, я сейчас же требую обвиненного тобой к ответу. А, вот и герцог! – перебил сам себя Людовик, когда Ренэ появился в дверях. – Герцог д'Арк, его высочество герцог Филипп Орлеанский обвиняет вас в нападении на дворянина его свиты,

маркиза де Барда. Что вы можете оказать в свое оправдание?

– Ничего, ваше величество! – спокойно ответил Ренэ.

– Ничего? – повторил король, с явным недоумением глядя на юношу. – Значит, вы... сознаетесь?

– В совершении явно позорного деяния? В том, что я, герцог д'Арк, напал на проезжего как разбойник? Извините меня, ваше величество, да вам, очевидно, благоугодно шутить!

– Ну, так объяснитесь! – с нетерпением и явным неудовольствием сказал король.

– Мне легче всего будет объяснить свою мысль сравнением, ваше величество! Если бы я обвинял его высочество герцога Орлеанского в краже платка из кармана или в нечестной игре, что мог бы сказать в свое оправдание его высочество? Мне кажется – ничего. Даже больше – его высочество, не унижая себя, не мог бы вообще оправдываться! Ведь существуют обвинения, которые настолько нелепы, вздорны и неправдоподобны, что позорят не обвиняемого, а обвинителя!

– Не забывайся, хам! – крикнул бледный от гнева, давно бешено покусывавший губы, Филипп.

– За это слово вы мне ответите как дворянин дворянину! – крикнул Ренэ и ринулся вперед, наполовину обнажая шпагу.

– Тише, герцог! – спокойно сказал Людовик, но это спокойствие тона было таково, что сразу охладило и остановило пылкого гасконца. – Вы забываетесь! В присутствии короля никто не смеет сводить личные счета, а тем более –

обнажать оружие! Но и вы, ваше высочество, забылись! Как могли вы решиться произнести такое оскорбительное слово? Герцог д'Арк принадлежит к старинной французской знати, его родословная лишь немногим отстает от нашей, даже если мы возьмем главную ветвь, то есть дом Капетингов вообще!²⁰ Дед этого юного герцога оказал неоценимые услуги нашему деду, королю Генриху! Ваше высочество! После меня вы – первый дворянин во Франции! Относясь так презрительно к представителю древнего рода, вы унижаете всю французскую знать. Но таким образом вы прежде всего унижаете самого себя! Право, ваше высочество, я не видел бы никакого оправдания вашему поведению, если бы с самого начала не заметил, что вы находитесь в угнетенном состоянии духа. Вы, кажется, жаловались на нездоровье? Будем надеяться, что нездоровье коснулось только тела, а не духа! Ну, так постарайтесь же держать себя в надлежащих границах. Итак, вы продолжаете настаивать, что герцог д'Арк совершил противозаконное нападение на маркиза да Варда?

– Раз дуэли запрещены, – сумрачно, растерянно ответил Филипп, – значит, вызов на дуэль есть противозаконное нападение!

– А, так, значит, там состоялась дуэль! Об этом вы мне не сказали раньше! Но дуэль все-таки – не нападение!

---

²⁰ Основная линия Капетингов, начавшись в 987 г., кончилась в 1328 г. Затем следовали боковые линии: Валуа, Валуа-Орлеан, Валуа-Орлеан-Ангулем и наконец Бурбоны, начавшиеся с Генриха IV и кончившиеся (считая до Революции) Людовиком Шестнадцатым.

– Герцог д'Арк принудил маркиза де Варда драться с ним!

– Простите, ваше высочество, но вы пришли требовать наказания только для герцога, если же дуэль, как я вполне согласен с вами, – преступление, то в этом преступлении повинны и герцог, и маркиз. Значит, вы хотите, чтобы я наказал герцога д'Арка и маркиза де Варда за нарушение королевского запрещения поединков?

– Я вижу, что вашему величеству во что бы то ни стало хочется оправдать герцога, – ответил Филипп, от злости сам плохо понимавший, что говорит.

– Еще раз ставлю на вид вашему высочеству, что вы забываетесь! – строго заметил Людовик.

– Извините, ваше величество, но ведь в самом деле... герцог д'Арк не будет отрицать, что вызвавшей стороной был он, а не маркиз. Значит, главной виновной стороной, вынудившей маркиза переступить закон, был герцог!

– Я не знал, что маркиза де Варда так легко вынудить совершить преступление! Значит, герцог мог вынудить Варда совершить кражу? Нет, как хотите, это – не оправдание для маркиза! А, главное, ваше высочество, вы должны были бы знать, что наш державный отец,²¹ издавая указы против дуэлей, хотел лишь ограничить дворян в их задоре, хотел лишь уменьшить количество глупых, вздорных, необоснованных стычек. Но едва ли вы сами будете отрицать, что бы-

---

²¹ Людовик XIII. В его царствование неоднократно издавались указы против дуэлей.

вают положения, когда вопрос чести иначе, как дуэлью, решить нельзя. Значит, в данном случае вы неправильно подходите к интересующему нас событию. Важно не то, кто кого вызвал на дуэль, а важно, кто своим поведением вызвал необходимость самой дуэли. Ни вас, ни меня там не было. Предоставим же слово одному из участников поединка. Герцог д'Арк, расскажите нам, как и почему произошла дуэль. Но, под страхом тягчайшей кары и моей немилости, приказываю вам дать самый добросовестный отчет о происшедшем, отнюдь не прикрывая себя и не искажая истины!

– В этом мне нет надобности, ваше величество, – ответил Ренэ, – и клянусь, что, если в маркизе де Варде есть хотя капля чести, он дословно подтвердит мой рассказ. Я спокойно ужинал в харчевне. Какой-то нарядный дворянин, которого именовали маркизом, все время подтрунивал над моим костюмом. Я не обращал внимания. Тогда маркиз кинул оскорбительную фразу, обращая лично ко мне. Я встал и попросил маркиза назвать себя, так как не имею привычки разговаривать с незнакомыми. Маркиз ответил мне, что таких оборванцев, как я, бьют палками, но им не представляются. Я подошел к маркизу, назвал себя и прибавил, что раз теперь он знает, кто я, ему будет не трудно взять свои слова обратно, так как ясно, что подобные слова не могут относиться к герцогу д'Арку. Маркиз категорически отказался извиниться, прибавив еще новые оскорбления, и тогда я потребовал, чтобы дело было решено шпагами. Маркиз со-

гласился и просил окружающих быть свидетелями того, как он меня проучит. С первых ударов я заметил, что маркиз совершенно неопытен в искусстве владения шпагой. Убить его мне ничего не стоило бы, но я не убиваю беззащитных. Поэтому я нанес маркизу на память совершенно неопасную рану, которая, однако, достаточно мучительна, чтобы страдания научили его на следующий раз быть не столь заносчивым и более осторожным!

– Знаете что, ваше высочество, – сказал Людовик, – а ведь, поскольку я знаю Варда, этот рассказ очень смахивает на истину! Во всяком случае не может быть и речи о наказании Арка за Варда, если только маркиз не принесет мне прямой жалобы! Вы были введены в заблуждение. Впрочем, если вы настаиваете на суде, то мы подождем выздоровления Варда и тогда допросим обоих вместе. А пока... Благодарю вас, герцог, можете уйти!

Ренэ с поклоном удалился обратно в соседнюю комнату. Филипп тоже поднялся, желая уйти, но Людовик удержал его.

– Нет, Филипп, посиди еще немного! Теперь мне придется поговорить с тобой на другую тему. Скажи пожалуйста, знаешь ли ты, о чем со смехом говорит сегодня весь Париж?

– Откуда мне знать, если я вернулся лишь поздно ночью! – мрачно ответил Филипп.

– События, о которых я говорю, произошли именно глубокой ночью и как раз после твоего возвращения, милый Фи-

липп! – спокойно возразил Людовик. – Так ты не знаешь, что дало богатый материал для шуток парижанам? Ну, так я тебе расскажу! Один высокопоставленный муж решил уличить свою жену в измене. Для этого он прибегнул к старому, уже не раз описанному романистами всех веков и народов, способу: он сделал вид, будто уезжает на охоту, сам же тайно вернулся домой и стал ломиться к жене в спальню, требуя, чтобы она открыла ему дверь. Слыша по разговору мужа, что он отдал чрезмерную дань дарам бога Вакха, и зная, что в таком состоянии – кстати сказать, слишком частом – он бывает непомерно груб, жена, сославшись на то, что она раздета, отказалась впустить его. Тогда хмельной ревнивец собрал друзей и слуг, приказал выломать дверь и... застал жену в обществе фрейлины. Муж пригласил людей, чтобы они стали свидетелями позора жены, им же пришлось стать свидетелями весьма пикантной картины в несколько ином духе: жена градом хлестких пощечин выгнала невежу-мужа вон из своих апартаментов! Что ты скажешь, милый Филипп, относительно этого нелепого, пошлого происшествия?

– Ваше величество! – задыхаясь от бешенства, крикнул Филипп, уже при первых словах короля вскочивший с кресла. – Это – мое личное, семейное дело, которое никого...

– Совершенно верно, ваше высочество: это – ваше семейное дело, но глава семьи – я. Я не могу допустить, чтобы имена членов французской королевской семьи трепались черню с презрением и насмешками, я не могу допустить, чтобы

мой родной брат публично разыгрывал роль пошлого, балаганного шута...

– Ваше величество! – снова крикнул Филипп.

– Молчите, ваше высочество, и слушайте! – с холодной надменностью перебил его Людовик. – Или вы все еще не вытрезвились со вчерашнего дня, что решаетесь перебивать меня? Еще раз повторяю вам: как глава первой дворянской семьи во Франции, я не могу допустить подобное недостойное поведение моих ближайших родственников. Кроме того, как король, я не могу допустить поведение, грозящее прямой опасностью интересам страны. Должно быть, вы изволили забыть, что ваша супруга – сестра английского короля, государя страны, в союзе с которой Франция обретает удовлетворение своих насущнейших нужд? Я знаю, Генриетта – добрая, хорошая и рассудительная женщина. Но всякая другая на ее месте после вчерашнего скандала уехала бы в Англию и потребовала бы развода. Разве Англия простила бы нам оскорбление, нанесенное сестре ее короля? Несчастный! – Людовик тоже встал и, все возвышая голос, осыпал брата молниями искрившихся гневом взглядов. – Если вы носите рога, то это – достойный вас убор! Если Генриетта изменяет вам – вы это заслужили! Что вы такое? Пьяница, грубый солдат, невежда, ошибочно родившийся в благородной и знатной семье! Неужели вы могли хоть на минуту вообразить, что я потерплю подобное безобразие? И вы еще осмелились заявить, что это – ваше личное дело, которое никого

не касается? Французского короля все касается во Франции! Франция – это я! – и с этими последними словами, при которых голос дошел до громового крика, король с такой силой ударил кулаком по маленькому, украшенному инкрустацией, резному столику, что верхняя доска лопнула и с грохотом упала на пол, увлекая за собой хрустальный кувшин с прохладительным питьем.

Этот шум несколько охладил гнев Людовика. Он замолчал и, заложив руки за спину, стал сумрачно ходить взад и вперед по кабинету.

Филипп не осиливался поднять голову и только изредка, украдкой кидал косые, испуганные взгляды.

– По существу вас следовало бы жестоко наказать за такую недостойную выходку, – снова начал король уже значительно успокоившимся тоном. – Но я, ей-богу, не вижу, какое наказание может быть для вас ощутительнее финала вчерашней сцены! Поэтому на этот раз я готов поставить крест на всей истории. Помните только, что в следующий раз вы не отделаетесь так дешево! Но тем не менее на некоторое время вам необходимо уехать из Парижа, потому что скандал получит слишком большую огласку. Пусть сначала улягутся все сплетни и толки! Так вот, щадя ваше самолюбие больше, чем это делаете вы сами, и отнюдь не желая, чтобы ваш отъезд имел вид моей немилости, я придумал для вас ответственное и почетное поручение. Вам известно, что я решил реорганизовать наши пограничные крепости и Во-

бан²² уже приступил к работам на нашей восточной границе. Однако в самое последнее время начинает выясняться, что Испания интригует против нас, и нам надо быть готовыми ко всему. Правда, наши южные крепости всегда были предметом особенного внимания, но... как знать! Так вот первой половиной вашей миссии будет тщательный осмотр пиренейских крепостей. Но одновременно с этим вы исполните еще одно тайное поручение. Дело в следующем. Мы с Кольбером²³ работаем над вопросом об укреплении финансов, и вот этой дельной голове пришла очень удачная мысль. В прежнее время короли удивительно легкомысленно раздавали земли, и этим особенно отличался наш дед, король Генрих. Между тем зачастую на эти земли нет ни малейших документов, а в архивах нет ни малейших убедительных доказательств заслуг пред государством тех, кому эти земли были подарены. Кольбер составил большой список таких сомнительных владельцев. Часть земель должна быть попросту возвращена обратно в казну, часть будет закреплена за вла-

---

²² Севастьян ле Претр, синьор де Вобан, военный инженер и маршал Франции, выбился из бедности лишь благодаря неутомимому труду, талантам и неподкупной честности. Поговорка гласила, что крепость, осажденная Вобаном, падет во что бы то ни стало, а крепость, им укрепленная, будет неприступна. Действительно Вобан успешно провел 53 осады, а реорганизованные и вновь выстроенные им крепости служили могущественным оплотом Франции в войнах, почти непрерывных в царствование Людовика XIV. Он умер 74-х лет в 1707 году. Последние годы он был в немилости.

²³ «Супер-интендант», то есть по-нынешнему, министр финансов, которым Людовик заместил окончательно проворовавшегося Фукэ.

дельцами, но при условии уплаты в казну известной суммы, а часть будет откуплена у теперешних владельцев, но по земельным ценам того времени, когда и земля была дешевле, в деньги дороже. Конечно, ко всему этому надо приступить исподволь и очень осторожно. Прежде всего надо получить точные сведения на местах об имущественном положении владельцев, о состоянии их поместий, о качествах почвы – словом, полную картину значения данного владения как для самого владельца, так и для нас. Поясню вам на примере. У виконта Лулей имеется земля в Гюйене. Сам Лулей никогда там не был, да и не интересуется этим поместьем, потому что оно почти бездоходно. Его управляющий вечно жалуется на бесплодность почвы, на неурожаи и тому подобное. Лулей не имеет тысячи ливров дохода с этого большого имения. Значит, он нисколько не будет горевать, если мы отберем у него эту землю по бездоказательности его прав на владение ею. Но, прежде чем мы приступим к этому, нам важно знать, почему имение бездоходно. Может быть, и в самом деле почва и климатические условия там безнадежно плохи, может быть, там просто ведется не тот род хозяйства, который был бы выгоднее всего, а, может быть, – это вероятнее всего! – управляющий попросту обкрадывает своего господина! В первом случае мы вообще не станем трогать Лулея, потому что к чему мы будем бесполезно возбуждать хотя бы легкое недовольство? Во втором случае мы отберем землю, вознаградим Лулея какой-нибудь безделицей и продадим его

имение в руки непривилегированного лица, причем нашей выгодой будут хотя бы подати.²⁴ В третьем случае мы, может быть, даже сами купим землю у Лулея, но стоимость имения исчислим исходя из доходности, которая в этом случае окажется во много раз ниже настоящей. Вы поняли мою мысль? Так вот: ваша официальная миссия – осмотр южных крепостей, а наряду с этим вы путешествуете якобы для собственного удовольствия и соберете все нужные нам справки. В помощь вам будут командированы два секретаря – один по военной, другой – по финансовой части. Кольбер даст вам список интересующих нас имений и подробную инструкцию; он сегодня же займется с вами, а завтра вы должны отправиться в путь. Я надеюсь, что вы оправдаете возлагаемое мной на вас доверие и с честью выполните это поручение. Пробыть в командировке вам придется месяцев пять-шесть; когда вы вернетесь, все будет забыто, и мы торжественно в радостно встретим успешного исполнителя наших королевских предначертаний! Ну, а теперь ступайте, милый Филипп, и приготовьтесь к своей важной миссии!

Герцог Орлеанский с очень кислой миной откланялся.

---

²⁴ Дворянство давало право не платить никаких податей. Вот почему Кольбер предпринял ревизию дворянских патентов. Одной из его мер было кассирование всех дворянских званий, приобретенных в последние тридцать лет.

VIII

– Ну, а теперь поговорим, о вас, милый герцог, – сказал Людовик, возвращаясь к столу, за которым его поджидали молодые люди, и вновь усаживаясь на прежнее место. – Конечно, герцог д'Арк, ваш герцогский сан будет закреплён за вами. Скажу по правде, не носи вы уже неоспоримого титула маркиза де Тарба, я не так легко согласился бы на признание спорного патента. У нас и без того слишком увеличивается количество привилегированных лиц, от которых государству нет никакой пользы, а одни только убытки. Никаких повинностей эти господа не несут, никакими особыми добродетелями не обладают, а только вечно осаждают нас разными претензиями и домогательствами. Нет, я твердо решил отделаться от этих «дворян вчерашнего дня»! Но к вам это не относится, вы – представитель старинной родовой знати, герцогский сан вполне заслужен вашим дедом, да и вы сами уже дали доказательства своей лояльности и преданности. Однако одним герцогским саном сыт не будешь, а куда вас пристроить, я совершенно не знаю. Для ответственного положения вы слишком молоды, для безответственного – слишком хороши. Послал бы я вас к Вобану, чтобы вы могли усовершенствоваться в технике военного дела у этого замечательного стратега, но, говоря по правде, мне не хотелось бы отпускать вас от себя! Положительно ума не прило-

жу! Гиш, не придумаешь ли ты чего-нибудь?

– Мне кажется, ваше величество, что герцог вполне оказался бы на месте в качестве офицера для особых поручений при особе вашего величества! Такое место было бы очень ответственно в смысле исключительного доверия, которым должен пользоваться занимающий его, но не включает в себе никаких особенных обязанностей, препятствием к успешному выполнению которых служила бы молодость!

– Ты совершению прав, милый Гиш! – воскликнул король. – Клянусь Богом, лучше ничего и придумать нельзя! Ну, так поздравляю вас, герцог д'Арк, с чином лейтенанта моей личной гвардии!

Ренэ, взволнованный до потери способности речи, молча преклонил колени и с жаром поцеловал руку Людовика.

– Конечно, – продолжал, король, – вы будете жить здесь же, во дворце, и я сейчас же распоряжусь, чтобы вам отвели соответствующее помещение. Но прежде всего вам необходимо экипироваться, потому что иначе вы, пожалуй, переколете всех моих придворных, как уложили Барда за насмешку над вашим костюмом! – Людовик шутливо погрозил юноше и продолжал: – Ну, да это легко устроить! Милый Гиш, прикажи пожалуйста, чтобы сюда послали мсье Луи... настоящего! – смеясь, добавил Людовик, вспоминая, как он накануне фигурировал под этим псевдонимом.

Арман вышел из кабинета и передал королевское приказание дежурному пажу.

Вскоре пришел мсье Луи, гардеробмейстер короля. Это был немолодой уже человек, небольшого роста, очень полный, с приветливым, умным лицом. Его манера держать себя сразу обращала на себя внимание тем сочетанием сознания личного достоинства и почтительной вежливости, которое дается только очень тактичным людям. И теперь, поклонившись королю, он как раз удержался в поклоне на золотой середине между надменностью и льстивым искательством.

– Здравствуйте, милый мсье Луи, – сказал ему король. – Вот что, будьте добры, мобилизуйте, пожалуйста, сейчас же всю армию наших поставщиков и снабдите этого молодого человека всем необходимым из платья, белья и обуви. Дело в том, что кошелек этого юного дворянина не гармонирует с его доблестью и личными достоинствами, и насколько велики последние, настолько первый тощ. Но на то и существует король Франции, чтобы восстановить необходимую гармонию между тем и другим! Только, пожалуйста, поторопитесь, мой милый Луи, потому что этот юноша задорен, как истый гасконец, а мои придворные насмешливы, как истые парижане. Этот юноша имеет похвальную привычку отвечать на укол языком уколом шпаги, его костюм, как вы сами видите, может дать широкий простор остроумию придворных, а я вовсе не желаю остаться в один прекрасный день без привычного штата!

– Какого разряда экипировку благоволит приказать сделать ваше величество? – спокойно спросил мсье Луи, как бы

не замечая королевских шуток.

Но такова была уже обычная манера Луи. Он не имел права отвечать королю шуткой на шутку, а потому и не замечал их.

– Ах, да почему я знаю ваши разряды! – с некоторой досадой ответил Людовик. – Молодого человека надо экипировать соответственно его рангу и положению. Он будет состоять лично при мне. Ба, да я ведь совсем забыл, что вы должны знать его немного! По крайней мере вы – единственное лицо, на помощь которого он рассчитывал, отправляясь в Париж, и только совпадение обстоятельств направили его прямо к нам! Можете ли вы себе представить, добрейший мсье Луи, что при первом нашем свидании герцог д'Арк даже принял меня за вас!

– Герцог д'Арк? – воскликнул Луи, и его глаза загорелись радостью. – Приветствую вашу светлость с благополучным прибытием в Париж! – почтительно произнес он затем, отведывая юноше низкий-низкий поклон.

– Ого! – воскликнул несколько озадаченный король. – Я никогда не видел, чтобы добрейший мсье Луи удостоивал кого-нибудь таким почтительным поклоном!

– Ваше величество! – с достоинством ответил Луи. – Я поклонился в данном случае не человеку, не герцогу, а тем необычайным душевным качествам, которые сочетались в этом вот молодом человеке и которые заставляют нас вспоминать о мифических героях седой древности!

– Вот как? – воскликнул Людовик. – Но что же такое сделал этот юноша, что вы так превозносите его?

– Герцог д'Арк совершил ряд подвигов, руководствуясь лишь чувством рыцарского долга и не только не преследуя личной выгоды, но отвергнув даже самое тень ее! Герцог д'Арк выдержал бой с бандой бесчестных наглецов, покусившихся на честь и доброе имя женщины, а ведь эта женщина не была герцогу ни родственницей, ни невестой, ни даже равной ему по происхождению. Впрочем, если вашему величеству угодно, я могу наглядно пояснить сказанное, подробно рассказав всю эту славную историю!

– Боже мой, добрейший мсье Луи! – с конфузливym испугом воскликнул Ренэ. – Как могло прийти вам в голову докучать его величеству какими-то мелкими, ничтожными, мещанскими историями, в которых...

– Тише, герцог, тише! – остановил его король. – Здесь решает только моя воля, и никто не уполномочен излагать ее от моего имени! Это – мещанская история, говорите вы? Ну, что же, я с удовольствием прослушаю ее! Во всяком случае «мещанская история» будет мне приятнее, чем «аристократические», – при этом король улыбнулся в сторону Гиша, лукаво подмигнув ему. – По правде сказать, «аристократические» истории порядком надоели мне. Ну так рассказывайте, милый мсье Луи!

– Вашему величеству из ответов на прежние милостивые расспросы уже известно, что мой отец, Виктор Луи, имел бы

право именоваться виконтом де Перигором, если бы только это право было признано за ним, – начал свой рассказ гардеробмейстер короля. – Но, как я уже рассказывал вашему величеству мой дед, Жорж де Перигор, лишился в эпоху религиозных войн всего – состояния, поместья, бумаг и даже жизни. Напрасно мой отец хлопотал о своем восстановлении в дворянском звании: ему упорно отказывали в признании права на титул, на который не имелось ни тени документов. Наконец отцу посчастливилось оказать важную услугу личного свойства покойнику батюшке вашего величества, королю Людовику Тринадцатому. Король хотел исполнить самую заветную мечту отца, но этому воспротивился кардинал Ришелье. Ведь вместе с титулом надо было вернуть и поместья, отошедшие к короне! И вот король Людовик Тринадцатый возвел отца в дворянское звание, дав ему свое собственное имя в виде фамилии. Таким образом появились дворяне Луи.

В то время как отец хлопотал о возврате наследия предков, его младший брат, Теофил де Перигор, решил примириться со своей судьбой и заняться каким-нибудь честным трудом. Под именем просто Перигор, отбросив «де» и связанную с этой частицей претензию на дворянство, дядя поступил приказчиком в большой марсельский торговый дом, выдвинулся своей честностью и способностью, женился на дочери своего патрона и, умирая, оставил своему сыну Амедю Перигору, большое дело, крупное состояние и лучшую

репутацию. То и другое, и третье мой двоюродный брат поддержал с честью, и немало дворян позавидовало бы доброй славе Амедея Перигора.

Вот как случилось, что два родных брата стали разно именоваться и получили разные звания. Но это не разъединило ни их самих, ни их детей: связь между Луи и Перигорами не порвалась.

После этих необходимых вступительных замечаний я приступаю к самому рассказу. Еще отец Амедея перенес свою главную контору из Марселя в Тарб. Таким образом Перигоры познакомились с владельцами Бретвиля, маркизами де Тарбами, герцогами д'Арками. Конечно, по разности положения в обществе не могло быть даже речи о какой-либо дружбе или даже знакомстве домами между обеими семьями. Нет, Амедей был вообще очень горд и сам не лез туда, где не мог считаться равным. Но папаша теперешнего герцога д'Арка очень уважал Амедея за его честность и достойную жизнь, да и Амедей выделял герцога из всех окрестных дворян. Владельцы Бретвиля жили очень бедно, порою нуждались в самом необходимом, но скорее умерли бы с голода, чем воспользовались бы чужим грошом. Амедей всегда готов был предоставить свой кошелек к услугам владельца Бретвиля и рад был служить ему деловым советом, иногда герцогу приходилось продавать скот, шерсть или урожай винограда.

Я уже сказал, что Амедей пользовался безукоризненной

репутацией. Но нельзя сказать, чтобы его любили. Дворяне негодовали, что какой-то купчишка не считает за честь в любой момент расстаться с трудовыми грошами, чтобы безнадежной ссудой дать этим дворянам возможность кутить и бесчинствовать далее. А горожане обижались, что Амедей не дружит с ними. Действительно, сам человек очень образованный, Амедей чуждался местного буржуазного общества, по большей части очень серого и необразованного. Впрочем, и то сказать, с тех пор, как у Амедея умерла любимая жена, оставив ему маленькую Беатрису, Амедей потерял охоту к общению с людьми.

Из-за этой-то Беатрисы и разыгралась вся эта история. Надо вам сказать, что Беатриса – прехорошенькая девчонка, в которой лучше всяких документов и генеалогий доказывалось аристократическое происхождение Перигоров: порода чувствуется в каждой жилке у этой шельмы! Но вот в том-то и дело, что шельма она ужаснейшая! Семьдесят семь бесов сидят в этой девчонке! Кокетство – ее родная сфера, как вода для рыбы! Конечно, стоило ей достичь шестнадцати лет, как в ухаживателях не оказалось недостатка. Целыми толпами ходили за ней и дворянчики, и горожане. Последние видели в Беатрисе завидную невесту, первые – лакомый кусочек. Беатриса всем кружила голову, всех обнадеживала, всем строила глазки и., всех водила за нос!

Ну, конечно, недаром говорится, что, кто долго играет с огнем, тот неминуемо обожжется. Беатриса уже очень дерз-

ко посмеялась над виконтом де Тремулем и публично натянула ему нос в тот самый момент, когда виконт воображал, что находится на самом пороге осуществления своих страстных грез. Тремуль – не из тех, которые прощают такие шутки. Однажды, когда Амедей был в отъезде по торговым делам, толпа подвыпивших дворянчиков, под предводительством Тремуля, пристала к Беатрисе на улице, стала преследовать ее вплоть до дома, а затем вломилась и в самый дом. Горожане даже не подумали вступить за дочь гордеца, городские власти, имевшие свои счёты с Перигором, тоже сделали вид, будто ничего не знают.

На счастье Беатрисы в этот момент из Бретвиля прибыл герцог Ренэ за покупками. Увидав бесчинства юных негодников, услышав крики Беатрисы и узнав в чем дело, герцог бесстрашно ринулся один на целую толпу вооруженных дворян, убил на месте троих, тяжело ранил пятерых и обратил остальных в бегство. Затем он отправился к властям и дал им суровый урок, обвинив в умышленном непринятии законных мер. При этом герцог Ренэ решительно заявил, что он, в случае повторения чего-либо подобного, обратит внимание королевского наместника, жившего в По, на творящиеся безобразия.

Вмешательство герцога еще более озлобило как Тремуля, так и городских властей. И вот сообща они замыслили злое дело. Однажды, когда герцог д'Арк отправился на охоту по соседству, среди глубокой ночи в дом Перигора вломилась

банда замаскированных негодяев и, схватив Беатрису, увезла ее неведомо куда. Хорошо еще, что старый слуга Амедя – Тибо – не потерялся. Вскочив на лошадь, он сейчас же поскакал в Бретвиль и по счастливой случайности встретился с герцогом, как раз возвращавшимся с неудачной охоты. Герцог сейчас же взял четверых слуг, вооружил их чем мог и понесся прямо к Тремулю, верно угадав коновода новой истории. С этими четырьмя париями герцог вломился в замок Тремуля, воспользовался замешательством и минутой растерянности и отбил Беатрису. Но Тремуль скоро оправился от первого момента растерянности и кинулся вдогонку за герцогом. Видя, что от Тремуля и его присных не ускачешь, герцог решил пока приютить девушку у себя в замке, до которого было очень близко. Так он и сделал. Однако Тремуль тоже не захотел отказаться от своей мести. Он обложил Бретвиль форменной осадой, которую герцогу пришлось выдерживать почти в течение целой недели. Конечно, не будь Бретвиль так неприступен, храбрости герцога оказалось бы недостаточно. Но другой не выдержал бы недели и в более неприступном замке. Кончилась вся эта история очень печально для Тремуля и тарбских властей. Уже в первую ночь осады одному из слуг герцога удалось выбраться из замка и доставить в По наместнику собственноручное письмо герцога с описанием всего происшедшего. Наместник выслал конную стражу, осада была снята, Тремуль арестован, городские власти смещены и наказаны. Старый Тибо доставил Беатрису домой

в объятия уже отчаивавшегося Амедея.

Теперь посудите сами, ваше величество. Беатриса – красивая, кокетливая, пылкая девушка, да еще «какая-то мешаночка», с которыми не принято стесняться. Герцог Ренэ – пылкий юноша. И все-таки Беатриса вернулась в родной дом такой же чистой, какой вышла из него! А ведь не только они провели целую неделю в самой тесной близости, сама Беатриса с обычной решительностью заявила отцу, что геройство герцога так восхитило ее, что стоило бы ему лишь руку протянуть, и он мог бы сделать с ней все, что только захотел бы!

Мало того! Отъезд герцога в Париж был решен еще до этих историй, и Амедей уже давно предложил герцогу дать письмо ко мне, чтобы не очутиться совсем одному в незнакомом Париже. Кроме того, Амедей дал герцогу взаимнообразно необходимую сумму для экипировки и на дорожные расходы. Герцог с большой невыгодой продал то, что мог и вернул Амедею взятые на дорогу деньги, объясняя это тем, что теперь он не хотел бы быть в обязательных отношениях с ним, несмотря на то, что в собственном сознании будет чувствовать, что выступил на защиту оскорбленной девицы лишь во имя рыцарского долга, не руководствуясь ничем иным. Еле-еле Амедею удалось убедить герцога везти хоть письмо ко мне. Но на всякий случай, боясь, что герцог по своей скромности и гордости может и не воспользоваться этим письмом, Амедей сейчас же послал ко мне нарочного с письмом, в котором подробно описал все происшедшее. Герцог ехал очень

медленно, я получил это письмо уже неделю тому назад и с нетерпением ожидал случая увидеть воочию того, кто казался мне по всему каким-то мифическим героем древности, истинным рыцарем без страха и упрека. Теперь вашему величеству конечно понятно, почему я так низко поклонился герцогу. Я кланялся ему не только как дядя спасенной им девушки, но и как человек, скорбящий об угасании добродетели и рыцарских чувств в человечестве и видящий в личности герцога осуществление того, что я всегда считал идеалом французского дворянства!

– Ого! – воскликнул король, с глубоким интересом выслушавший рассказ Луи. – И это-то вы называете, юный герцог, «мелкими, ничтожными, мещанскими историями»? Хотел бы я, чтобы таких «мещанских историй» случалось побольше при моем дворе! Конечно, – король сам засмеялся своей мысли, – я не хочу этим сказать, что бесчинства и насилия над слабыми мне приятны и желательны! Нет, клянусь Богом, я не потерплю таких бесчестных проделок! Но я хотел бы, чтобы все окружающие меня лица были способны, подобно герцогу д'Арку, не щадя живота, выступить на борьбу с насилием и неправдой! Нет, клянусь Богом, я с каждой минутой все больше и больше радуюсь, что судьба послала мне вас, герцог! Ну-с, благодарю вас за ваш рассказ, милейший Луи, а теперь будьте добры и экипируйте мне герцога!

Когда Луи увел Ренэ, король спросил Гиша:

– Ну Арман, что ты думаешь обо всей этой истории?

– Я думаю, государь, что Луи в понятном ослеплении родственными чувствами либо ошибается и прелестная Беатриса вовсе не так обольстительна, либо... герцог д'Арк – самый противоестественный идиот на свете!

– Ну, нет! Луи – очень положительный человек и напрасно расхваливать не стал бы даже племянницу! Хотя, с другой стороны... чем он рискует? Прелестная Беатриса находится достаточно далеко от Парижа, мы ее не увидим...

– Как знать, ваше величество? Стоит только захотеть, и нам не трудно будет проверить, ошибается ли Луи или нет! Я готов поручиться, что Беатриса вскоре пожалует в Париж!

– А что ей тут делать?

– Но помилуйте, ваше величество! Раз наш герцог действительно вел себя так сдержанно, а прелестная Беатриса готова была добровольно сделать все, чего бы он ни пожелал, то она не помирится с результатом, в котором впервые сказался недостаток ее очарования! Помилуй Бог! Кто знает женщин...

– А кому их и не знать, как Арману де Грамону, графу де Гишу!

– ... Тот может быть уверен, что история на этом на кон-

чится.

– И если герцог д'Арк и впредь будет вести себя таким же Иосифом Прекрасным, то... кое-кто сможет попользоваться волнением чувственности, зароненным им в сердце прелестной Беатрисы, не так ли, милый Гиш?

– Может быть, ваше величество, может быть: как знать то, чего не знаешь!

Тем временем гардеробмейстер короля говорил Ренэ Бретвилю:

– Ваша светлость! Я не буду надоедать вам выражениями своей признательности и восхищения. Скажу только одно. Вы молоды, неопытны и совершенно не знаете парижских нравов и придворной жизни. Ну так в виде величайшего для себя одолжения, покорнейше прошу вас в случае малейшего затруднения вспомнить, что на свете существует старый Жорж Эрнст Луи, который готов в любой момент помочь вам своим опытом! Однако не будем больше говорить об этом! Займемся экипировкой вашей светлости! – и старый гардеробмейстер принялся хлопотать над исполнением данного ему королем поручения.

Конец первой части

Часть вторая

I

В грустной задумчивости сидела Луиза де Лавальер у окна своей комнаты в Фонтенебло, куда королевский двор переехал по желанию короля (иначе говоря – Генриетты Английской) с первыми проблесками весеннего тепла.

В первые дни девушка радовалась этому переводу словно козочка, выпущенная на зеленеющее пастбище после долгой зимы. Замок Фонтенебло,²⁵ устроенный Франциском Первым и бывший местом рождения многих королей, почему-то напомнил ей милый, скромный Лавальер. О, конечно позднее, когда цветники засияли всеми цветами радуги, когда по мановению руки волшебника Ленотра²⁶ зазеленевшие боскеты приняли самый причудливый вид, когда забили фонтаны и оделись вьющимися растениями гrotты, беседки и дерновые шатры, Луиза сразу почувствовала, что в Фонтенебло нет главной прелести Лавальера, а именно чарующей простоты, безыскусственной запущенности! Но в первые дни, пока весна еще не раскинула щедрой рукой своих пышных даров,

---

²⁵ Находится приблизительно в пятидесяти верстах от Парижа к юго-востоку.

²⁶ Знаменитый садовый декоратор, которому, между прочим, принадлежит план разбивки версальского парка.

эта разница не бросалась так в глаза, и Луиза с восторгом бегала по парку, полной грудью вдыхая чистый, пряный воздух.

Служба почта не отнимала времени у Луизы, она была в значительной степени предоставлена сама себе. Здесь, в Фонтенебло, празднества следовали за празднествами. Король, страстный ценитель балета и признанный танцор, разучивал уже третий балет, сюжет для которого ему разработала Бенсерад, а музыку написал пленительный Люлли.²⁷ В промежутках между этими празднествами шли деятельные репетиции, на которых были заняты сам король, Генриетта и участвовавшие в балете придворные кавалеры и дамы. Вот это-то и давало Луизе так много свободного времени, которое она с самозабвением отдавала общению с пробуждающейся природой.

Шли дни, и каждое утро приносило новое торжество победоносного шествия весны. Веселыми стаями возвращались из дальних странствований птицы, наполняя парк своим веселым гомоном. Один за другим распустили свои венчики первые весенние цветы – перелески, лютики, анемоны, первоцветы, вероники, анютины глазки, фиалки, колокольчики, барвинки, яснотки. Там, в укромных уголках, стыдливо распустил белую чашечку король весенних цветов – лан-

---

²⁷ Жан Батист Люлли, флорентинец родом, был придворным композитором Людовика XIV. Он считается создателем оперы. Бенсерад – придворный поэт, автор выдающихся сонетов и рондо.

дыш, притаившийся в тени мохнатых корней. Набрякли бутонны гроздей цветущих деревьев. Яблони, каштаны, сирень, белая акация наперебой стали развертывать ароматную прелесть своих кистей. Природа с увлечением и восторгом воздвигала трон для своей юной повелительницы – весны!

Но с каждым днем все более и более рассеивалась беззаботная радостность Луизы де Лавальер, с каждым днем все глубже заползала к ней в сердце непонятная грусть, острая тоска. По ночам она не могла спать, вся охваченная страстной грезой. Днем, забираясь в дальние уголки старого парка, Луиза нередко ломала свои белые, тонкие руки и роняла тихие слезы, рыдая, сама не зная о чем!

Когда же по временам вдали показывалась стройная фигура Ренэ Бретвиля, девушка вся съеживалась, краснела, бледнела, хваталась за сердце и пускалась бежать в противоположную сторону, сознавая, что больше всего на свете ей хотелось бы бежать к Ренэ!

Любила ли она герцога д'Арка? Она сама уже начала задавать себе этот вопрос, но не могла ответить на него. Во всяком случае она понимала, что это была бы самая безрассудная любовь: тут ей не на что было рассчитывать! А если у нее и могли быть прежде какие-нибудь надежды, то теперь, после вчерашнего разговора с Ренэ, стало окончательно ясно, что сердце Ренэ, раскрывшееся навстречу другой, закрыто для нее, Луизы!

А ведь она могла бы рассчитывать на нечто большее со

стороны Ренэ, чем на простую, тихую дружбу! О, в дружеских чувствах у юного герцога недостатка не было! С того времени, как осенью Лавальер оказала Бретвиллю серьезную услугу, вопреки прямому запрещению герцогини, доложив ей о прибывшем гонце, Ренэ стал при всяком удобном случае выражать Луизе свою признательность и восхищение. Лавальер инстинктивно казалось, что не одно только чувство благодарности руководит Бретвилем, что в тоне голоса Ренэ прорываются нотки затаенной страсти, нарождающейся любви. Может быть, так оно и было вначале. Но...

Луиза с горечью вспомнила свой вчерашний разговор с Ренэ. Поздно вечером они засиделись на дерновой скамье. Ренэ был особенно лирически настроен, особенно ласков. Как трепетало сердце Луизы при интимных переливах его голоса, как страстно ждало оно того важного, особенного, что непременно должно было последовать!

И оно последовало, это важное, особенное признание! Грустно покачивая красивой, тонкой головой и понижая голос до полного шепота, Ренэ излил Луизе все страдания, в которые его повергает жестокая, кокетливая игра Христины де ла Тур де Пен. И вышло так, что весь вечер Ренэ говорил только об одной Христине и о своей любви к ней!

Придя к себе в комнату, Луиза, не раздеваясь, легла на кровать и долго плакала. О чем? Она не могла бы суверенностью сказать это. Никакой осязательной, реальной причины для этого не было. Но девушке казалось, что у нее отня-

ли какую-то красивую, хрупкую мечту, развенчали мистический интерес жутко прекрасной сказки!

И вот сегодня Луиза де Лавальер против воли задумалась все о том же признании, которое сделал ей накануне Ренэ. Опять она спрашивала себя: «Неужели я люблю его, если это призвание причиняет мне такую боль?». Но нет, положив руку на сердце, она должна была сознаться, что испытываемое ею – еще не любовь! И Луиза пыталась уверить себя, что она, привязанная к Ренэ чисто братской любовью, страдает за его неподходящий выбор.

Да, теперь, прожив зиму при дворе, Луиза не была уже до такой степени наивной, какой застало ее начало нашего повествования. Многие скрытые стороны человеческой природы и человеческих отношений встали перед ней в неприкрашенной наготе благодаря болтовне подруг и «наглядному обучению», в котором не было недостатка при французском дворе!

Поэтому Луиза понимала, что Христина де ла Тур де Пен – гораздо распущенное, сквернее при всей своей физической чистоте, чем все эти де Пон, Воклюз, Шимероль, Руазель и прочие, и прочие, уже познавшие жизнь и имевшие за собой романическое «прошлое». Но ведь физическая чистота была такой редкостью среди девиц французского двора, что она тем самым казалась чем-то смешным, провинциальным. Таких, как Луиза де Лавальер, было уже очень немного, да и то они слишком быстро «просвещались». Только ведь чистота

девицы де ла Тур основывалась не на провинциальной стыдливости, а на точном расчете. Христина сознательно играла комедию, подлаживаясь под благочестивое направление ума королевы-супруги и смиренно опуская быстрые, пронизательные, опытные глазки, как будто ее смущал всякий мужской взор. Зато наедине девица де ла Тур готова была дойти до последней грани, лишь бы не переступить ее. Христина была развращена мыслью, воображением, душой. Оставаясь холодной телом, она сознательно ловила выгодного мужа, пуская при этом в ход весь свой богатый арсенал природного таланта к кокетству. Вот, когда она выйдет замуж, тогда она разрешит себе все! А пока она только вела свою нечистую игру, спекулируя на разжигаемой мужской чувственности!

И такую-то особу должен был полюбить этот милый, чистый, благородный Ренэ?

В ответ на эту мысль Луиза невольно сделала негодующий жест и вдруг испуганно вскрикнула и отшатнулась от окна: прямо в лицо ей угодил цветок розы, брошенный чьей-то дерзкой рукой в открытое окно.

II

Хотя в парке никого не было видно, Луиза сразу догадалась, кто бросил в нее розой. Да и не надо было обладать особой догадливостью для этого! Кто же, кроме Армана де Грамона, графа де Гиша, позволит себе такую дерзость?

Луиза пренебрежительно передернула плечами и отошла от окна вглубь комнаты. Но раздражение, сразу охватившее ее, сменилось иронической улыбкой, когда она заметила букетик засохших фиалок, небрежно валявшихся на комод. В этом букетике символизировалась вся история ее отношений к Гишу!

Вначале, когда Луиза чувствовала себя одинокой, когда все, начиная с Генриетты Английской и кончая простыми камеристками, относились к «туреннской пастушке» с нескрываемым недоброжелательным высокомерием, она о благодарностью оценила внимательность и любезность Армана. Мало того, она чувствовала к нему нечто большее, почти тот же знойный трепет, который пронизывал ее при поцелуе руки Бретвилем. Но вот именно с тех пор, как на горизонте всплыл последний, отношения Луизы к Гишу значительно изменились, она стала все больше избегать встреч с ним наедине и бывала все холоднее во время вынужденных «тетя-тет'ов», пока наконец не стала почти ненавидеть графа. Правда и то, что Гиш становился все развязнее и смешнее,

от корректного рыцарского ухаживания перешел к настойчивым домогательствам, но... Но – перед самой собой Луиза не могла лицемерить! – переворот в ее отношениях к Гишу произошел больше под влиянием внутренних, а не внешних причин!

Так вот еще тогда, когда Луиза была в дружбе с Арманом, она как-то обмолвилась при нем, что Лавальер преизобиловал фиалками и что эти цветы она любит больше всего. Тогда Гиш с невероятной, хотя и обычной для него дерзостью попросту выкрал из королевских теплиц пучок фиалок, тщательно выращиваемых для самого короля, и преподнес цветы Луизе.

Несколько дней фиалки стояли на туалете Лавальер, источая нежный, но настойчивый аромат. Когда же они стали вянуть, Луиза засушила их, завернула в шелковую тряпочку и бережно спрятала в комод.

Сколько раз, доставая белье и натыкаясь на букетик, Луиза разворачивала засохшие цветы и с нежной лаской осторожно гладила их. Затем... затем засохший букетик завалился в угол, Луиза забыла о нем, и вот сегодня, случайно наткнувшись на фиалки, пренебрежительно выбросила их из ящика как негодный сор. Да! в этом была вся история ее отношений с Гишем!

Но Луизе не хотелось думать о Гише, и ее мысль невольно перескочила с этих засохших фиалок к тем, живым, которые теперь в таком пышном изобилии покрывали тенистые

заросли лавальерских кустов. А после фиалок естественно мысль перешла к очаровательной белоснежной рощице ландышей, обнаруженной Луизой накануне в дальнем углу парка. Вчера она не стала рвать их, потому что беленькие колокольчики еще не вполне распустились, но сегодня цветы, наверное, развернулись в полной своей красе. А вдруг их найдет в сорвет кто-нибудь другой?

Луиза схватила легкий шарф, накинула его на голову и быстро направилась к дверям. По дороге она заметила на полу розу, которой бросил в нее Гиш. Девушке стало жаль нежного, не вполне распустившегося цветка, и, подняв розу с пола, она сунула ее себе за корсаж.

Ландыши оказались на месте, никто их не обнаружил и не порвал. Луиза нарвала пучок крупных ароматных цветов, собрала их в букетик, приколола золотой булавкой к груди и пошла обратно, тихо напевая какую-то меланхолическую песенку.

Вдруг она резко остановилась и на мгновение даже поколебалась, не броситься ли ей бежать: перед ней с обычной иронической улыбкой стоял граф де Гиш. Однако бежать было поздно, некуда, да и слишком глупо. Поэтому Луиза кое-как справилась со своим неприятным волнением и, ответив сухим кивком на преувеличенно почтительный поклон Гиша, хотела пройти мимо.

Но граф Арман остановил ее, сказав:

– Приветствую вас, прекрасная девица! Однако почему вы

спешите пройти мимо меня, словно я – прокаженный или по крайней мере меня искусила бешеная собака?

– Простите, граф, но я тороплюсь, – ледяным тоном ответила Луиза, делая движение, чтобы все-таки пройти дальше. Но Гиш окончательно преградил ей дорогу и воскликнул с нескрываемой насмешкой:

– Торопитесь? Клянусь Ваххом, никто не подумал бы этого, видя, как неторопливо бредете вы по дорожкам!

С самыми робкими, застенчивыми натурами случается, что, будучи загнаны в тупик, они вдруг, неизвестно откуда, набираются храбрости, словно заледеневают в горделивой решимости. Так и с Луизой. Вызывающее поведение Гиша слишком оскорбило ее девичью гордость, и она в упор спросила:

– Что вам нужно и на каком основании вы преследуете меня, граф?

– Ах, вот как! – воскликнул Гиш тоном, беззаботность которого слишком явно прорезывала откровенная злоба. – Вам угодно «схватить быка за рога» и разрубить вопрос откровенным объяснением? Ну, так чего же лучше! Позвольте же и мне попросту спросить вас: что вы имеете против меня и на каком основании вы стали вдруг явно избегать меня, прелестная Луиза де Лавальер?

– Я не давала вам никакого права ставить подобные вопросы, граф де Гиш! – высокомерно кинула Луиза, чувствуя, что вот-вот слезы брызнут из ее глаз. – Потрудитесь пропу-

стить меня!

– Нет! – упрямо воскликнул Арман, снова заступая ей дорогу. – Сначала вы объясните мне, что значит ваше поведение! Впрочем, я и так знаю, кому обязан переменой вашего отношения ко мне! Недаром же вы так подолгу шепчетесь с этим выскочкой, с этим нищим герцогом! Погодите только! Уж я оборву ему уши.

– Не советовала бы вам делать это! – холодно ответила Луиза. – Вы могли бы убедиться, что герцог д'Арк – не из тех, кому можно безнаказанно нанести оскорбление! А, главное, вы пострадали бы совершенно напрасно! Вы очень не наблюдательны, граф, если можете предположить, что герцог станет восстанавливать кого бы то ни было против вас! Для этого у него должно найтись свободное время. Между тем у него едва-едва хватает двадцати четырех часов в сутки, чтобы досыта наговориться о достоинствах, прелести и жестокости прекрасной...

– Девицы де ла Тур де Пен! – оживленно и радостно подхватил Арман. – Ну, вот! Тем более! Конечно, ни для кого не секрет, что вертлявая Христина цепко захватила этого наивного гасконца. Но тогда я уже ровно ничего не понимаю! Почему же со времени появления этого гасконского петуха вы упорно не желаете замечать меня и обращаетесь со мной так, как...

– Как заслуживает ваше недостойное поведение, граф! Будьте добры сказать мне, ведь это вы бросили в меня цвет-

ком сегодня утром?

– Да... но... цветы... Разве тут оскорбление?..

– А теперь вы упорно не даете мне дороги, хотя я категорически просила вас об этом. И после этого вы еще осмеливаетесь требовать от меня каких-то объяснений? Вы обращаетесь со мной, словно я – какая-нибудь горничная или мешаночка, польщенная тем, что высокорожденный граф де Гиш швырнет ей в физиономию подобранную им розу! Повторяю, я не давала вам никакого права обращаться со мной так, требовать от меня отчета и преследовать своими домогательствами. Ваших знаков внимания мне не нужно, ваши «галантные выходки» – для меня оскорбление! Потрудитесь запомнить это и немедленно освободить мне дорогу!

Последние слова Луиза крикнула, задыхаясь от душившего ее гнева.

Но Арман продолжал стоять на том же месте, по-прежнему не желая дать дорогу девушке. Его лицо исказилось гримасой бешеной иронии, глаза засверкали дурным блеском, который невольно внушал недобрые опасения Луизе.

– Вот как! – воскликнул Гиш, раздражаясь сухим, натянутым смешком. – Э, да, как я вижу, лавры девицы де ла Тур не дают вам спать! Только не на таковского напали, милая барышня! Надо было тридцать раз подумать, прежде чем решиться кокетничать с Арманом де Грамоном, графом де Гишем! Я, красавица, не признаю этого сухого кокетства. Каждый должен платить по выданным им обязательствам. Свои-

ми улыбочками, кокетливыми взглядами, рядом раззадоривающих ужимок вы выдали мне известные обязательства, и я во что бы то ни стало потребую платежа по ним! Полно вам! Вы торгуетесь, словно барышник на конском рынке! Точно я не вижу! Не притворяйтесь пожалуйста, красавица! Вот вы высказываете негодование на то, что я кинул в вас цветком, а между тем вы небось поспешили засунуть кинутый мной цветок за корсаж поближе к своему сердцу! Нет, милая моя, обхаживайте кого другого, а граф де Гиш... – Арман вдруг оборвал свою наглую речь, весь как-то съежился и, кинув: «Мы еще поговорим!», – торопливо свернул на боковую дорожку и исчез.

III

В тот момент, когда Арман попрекнул Луизу цветком, сунутым ею за корсаж, она гневливым движением выхватила розу и, схватив ее за длинный стебель, взмахнула ею в воздухе, словно собираясь ударить ею по лицу дерзкого обидчика.

Она сама не сознавала в тот момент, что делает. Весьма возможно, что она была бы способна действительно ударить Армана. Но граф де Гиш вдруг скомкал объяснение, ускользнул прочь, и Луиза так и осталась стоять на дорожке, взволнованная и испуганная происшедшими объяснением.

Девушка чувствовала, что это объяснение затеяно Гишем неспроста. Теперь она уже знала, что за дерзкий похититель девичьего доверия, что за хищный волк крылся под обманчивой шкурой кроткого, вежливого барашка. Луиза сознавала, что так для нее эта история не кончится. Но что же ей делать, как быть? Как оградить себя от домогательств этого господина?

Луиза мысленно осмотрелась вокруг и не заметила никого, кроме Ренэ Бретвиля, способного заступиться за нее. Но у нее не было никаких прав на его заступничество. Вот, если бы она действительно была такой, как эта отвратительная Христина...

У Луизы брызнули слезы, и она невольно с досадой дернула за лепестки розу, которую все еще держала в боевом

положении на взмахе.

– Чем провинилась перед вами эта бедная роза, мадемуазель? – послышался вдруг звучный мужской голос.

Лавальер вздрогнула, вскинула голову и даже отступила в испуге и изумлении на шаг назад: перед ней был сам король Людовик Четырнадцатый.

Этикет требовал немедленного ответа на прямо предложенный вопрос. Но Луиза тщетно искала ответ. Ее мысли сразу рассеялись, скомкались, и слова не шли из судорожно сжавшегося горла.

Но Людовик отнюдь не был расположен считаться в данный момент с этикетом и его требованиями. Он уже некоторое время наблюдал за девушкой, с искренним восхищением следил за ее грациозной, пластической позой воплощенной меланхолии и с удивлением думал при этом, как могло случиться, что он, Людовик, так залюбовавшийся девушкой осенью при ее появлении в покоях герцогини во время «игры в шахматы», совершенно упустил ее из вида в дальнейшем. Почему действительно он ни разу не встретил ее у Генриетты?

Людовик догадливо усмехнулся. Ну конечно – ведь тогда Генриетта откровенно приревновала его к этой славной девушке. Да, Генриетта становилась все более и более невыносимой со своей ревнивой требовательностью! Очевидно, заметив, что Луиза де Лавальер произвела некоторое впечатление на Людовика, герцогиня постаралась не допускать «ту-

реннской пастушки» на дежурства в те минуты, когда сама она оставалась в интимном «наедине» с королем. Нет, эта опека становилась все более досадной! Поэтому, подчиняясь шаловливому капризу школьника, почувствовавшего себя «на воле», Людовик тут же решил как можно лучше использовать эту случайную встречу.

А Луиза все не отвечала.

Не обращая на это внимания, Людовик продолжал:

– Да, розу вы безжалостно треплете, мадемуазель, а вот ландыши бережливо прикололи к своей груди! За что же скромному лесному цветку такое предпочтение перед царицей наших садов? – Людовик подождал некоторое время и затем с оживлением, не лишенным некоторой досадливости, прибавил: – Однако удостойте же меня, прекрасная девица, ответом! Мне хотелось бы знать, чем заслужили скромные ландыши такое завидное отличие?

– Ландыши живо напомнили мне мою прекрасную родину, государь, – слегка дрожащим от волнения голосом ответила Луиза.

Людовик невольно ощутил сильное волнение при звуках этого музыкального, грудного, так шедшего от сердца к сердцу, голоса. Он вспомнил, что и тогда, в первый раз, именно голос заставил его обратить внимание на «пастушку».

– Ваша родина – Туренн, если не ошибаюсь? – спросил он, только чтобы поддержать разговор и снова услышать волнующе переливы этого сочного голоса. – Красивая местность!

Значит, та тоска, о которой так красноречиво только что говорила вся ваша поза, была вызвана воспоминаниями о родине, или, может быть, также и о «милом», оставшемся на родине?

Луиза подняла на короля взгляд томных глаз. Она сама не могла понять, откуда вдруг в ней взялся этот шаловливый задор, вызвавший у нее быстрый, совершенно необдуманый ответ.

– Ваше величество, – ответила она, низко, церемонно приседая, – неужели вы не знаете, что грустят обыкновенно те девушки, у которых нет милого? Те, у которых он есть, бывают по большей части веселее!

Людовик улыбаясь посмотрел на шаловливо склонившуюся перед ним фигуру молодой девушки, что-то хотел сказать, однако неизвестно почему поперхнулся и, кивнув головой, прошел дальше.

Отпущенная этим кивком, Луиза кинулась в первую боковую аллею, которая попала на ее пути. Она даже не обратила внимания, что следует совершенно не тому направлению, по которому должна была идти. Но она испытывала слишком странное ощущение, чтобы разбирать дорогу. Вся ее меланхолия, вся грусть, вся тоска сразу как-то рассеялись. Правда, Луизе немного хотелось плакать, но только немного; улыбка сама собой набегала на ее лицо.

– Король! – словно в бреду оказалась она, не зная сама почему упиваясь звуком этого слова. – Король! – повторила

она, плавной, эластичной походкой поднимаясь на высокий горбатый мостик, перекинутый через ручеек, и засмеялась. — Его величество, король Людовик Четырнадцатый!

Завороженная особым магическим смыслом произносимых ею слов, Луиза даже остановилась на мостике и широко распростерла рука вперед, словно стараясь поймать ускользающую мечту. Но тут же она со смехом спохватилась и быстро пошла дальше. Ее тоски словно не бывало! Непонятная тихая мечтательность всецело овладела ее сердцем, и она продолжала быстро идти вперед, по неверному направлению, пока чей-то хриплый, задыхающийся окрик заставил ее остановиться и обернуться.

IV

– Ваше величество! ваше величество! Какое несчастье! – слышался возглас.

Людовик вздрогнул, оторвался от созерцания фигуры Луизы де Лавальер, быстро удалявшейся по боковой аллее, и обернулся: перед ним был взволнованный, запыхавшийся от быстрого бега Бенсерад.

– Несчастье? – переспросила он. – Где и в чем?

– Виконтесса де Марманд вывихнула себе ногу!

– Искренне сожалею, но... какое мне до этого дело?

– Ваше величество! Да ведь виконтесса должна была исполнять роль нимфы лесов в сегодняшнем балете!

– В «Четырех временах года»? Неприятно. Однако разве ее нельзя заменить?

– Но, ваше величество, кем же? Не извольте забывать, что нимфа лесов танцует с лучшим танцором, какой когда-либо служил Терпсихоре!²⁸ Между тем все придворные девицы, которые только обладают хоть малейшей грацией, уже привлечены к нашему празднику, и я решительно не знаю, откуда мы возьмем достойную партнершу вашему величеству!

Людовик обернулся и мечтательно посмотрел вдоль дорожки, по которой исчезла легкая, грациозная фигурка Луизы де Лавальер. Но вот она, исчезнув за поворотом, снова

---

²⁸ Муза танцев и пения.

показалась на высоком горбатом мостике, и ее тонкий профиль вырисовался удивительно изящным силуэтом на фоне ярко-зеленой листвы. Вот девушка остановилась, широко простерла руки вперед, замерла на мгновение в пластической позе, словно ожившая мраморная богиня...

– Смотри туда, Бенсерад! – сказал Людовик, взяв поэта за рукав и показывая рукою на мостик. – Посмотри и скажи, чем эта девушка – не воплощенная нимфа лесов?

– Божественно! Изумительно! Какая пластика! – восторженно воскликнула Бенсерад. – Как же могло случиться, что я до сих пор не замечал этой девушки?

– Вот о том же самом спрашивал себя и я сам! – ответил король. – Но теперь мы оба наверстаем потерянное, не так ли, мой милый? Ну, так беги за очаровательной нимфой и верни ее сюда! Мы немедленно покончим с волнующим нас вопросом!

Бенсерад кинулся вдогонку за Луизой де Лавальер, а Людовик, не отрывая взора от фигурки сбежавшей с мостика девушки, прошептал:

– Милейшей виконтессе де Марманд я сделаю хорошенький подарок! Она не могла бы более своевременно свихнуть себе ногу!

Существует известная картина Горация Берне. На дерновой скамье в тени развесистых деревьев живописной группой расположились четыре молоденькие девушки, поза которых свидетельствует о том, что они обмениваются интим-

ными, сокровенными признаниями. Девушки уверены, что их никто не слышит. Но – увы! – сбоку, скрываясь в густой листве, притаились два дворянина в нарядных костюмах семнадцатого века. Один из них обнажил голову; другой, оставшийся в шляпе, повелительным движением призывает своему спутнику не нарушать тишины и не выдавать их присутствия.

Эта картина называется «Людовик Четырнадцатый подслушивает признание Луизы де Лавальер».

Да, сама не зная как, Луиза выдала подругам тайну своего сердца – именно тайну, потому что сорвавшееся признание было до этого времени тайной даже для нее самой. И надо было случиться так, чтобы это признание тут же было подхвачено самим Людовиком.

Было это так. Луиза, почти экспромтом танцевавшая в этот вечер в балете «Четыре времени года», сразу расположила к себе тех, кто до сих пор не замечал ее, наивной и скромной «туреннской пастушки». Обе королевы – супруга и мать – осведомились, кто такая эта бесконечно грациозная девушка, от которой так и дышало чистотой и невинностью. Сам король, к вящей досаде «модам» (то есть Генриетты Английской), осыпал дебютантку восторженными похвалами. Вся золотая молодежь двора густой толпой окружила после спектакля Луизу, наперерыв выражая ей свое восхищение. А граф Арман де Гиш, тоже танцевавший в балете, с отличающей его наглостью шептал Луизе страстные признания во

время самых танцев.

После балета Генриетта, полная ревнивой тоски и злобы, поспешила увести Людовика вглубь парка. В эту ночь граф де Сент-Эньян, главный заправила королевских развлечений, придавал парку феерический вид. То тут, то там загадочным блеском искрились цветные фонарики; скрипачи, спрятанные в темной зелени боскетов, тихо и нежно наигрывали томные мелодии; на скорую руку воздвигнутые, убранные зеленью павильоны манили на отдых, приветливо приглашали освежиться от жаркой духоты этой сладострастной ночи стаканом вина, всевозможные сорта которого искрились в хрустальных кувшинах.

И на Людовика, и на Генриетту как сама ночь, так и сказочная рамка, приданная ей Эньяном, произвели глубокое впечатление. Но не одинаково было действие ночи на обоих. Генриетту с непреодолимой силой тянуло к королю, к его мощным объятиям, к его страстным поцелуям. Людовик же страдал какой-то тайной неудовлетворенностью, непонятной тоской, и во тьме ночи тихим сиянием светился ему благородный, нежный профиль пышной белокурой головки. И когда Генриетта, заманив Людовика в укромный уголок, вся трепеща от страсти, прижалась к нему страстным объятием, ему нужно было собрать всю силу воли, чтобы не оттолкнуть своей подруги. Нет, в эту знойную ночь близость Генриетты только отталкивала Людовика, вселяла в него ему самому непонятное отвращение.

В конце концов, сославшись на усталость и головную боль, король сдал Генриетту на руки подвернувшегося Гиша, а сам скользнул вглубь парка. На одной из аллей он встретил Сент-Эньяна и, взяв его подруку, пошел с ним дальше, выражая ему свою благодарность за отличное устройство празднества.

Однако мечтательное настроение Людовика скоро дало себя знать и тут. После двух-трех фраз благодарности он замолчал и тихо повел Сент-Эньяна дальше. Звук нежных скрипок заглушал еле слышный скрип их шагов. Вдруг, совсем близко, за купой густой зелени, Людовик услышал звук женских голосов, среди которых один сладкой болью поразил его своей милой, хорошо знакомой переливчатостью.

Сделав Эньяну предостерегающий знак, Людовик вместе с графом осторожно подобрался к деревьям, за которыми притаились девушки, и стал прислушиваться. Это Луиза до Лавальер обсуждала с подругами сегодняшнее празднество.

Много лестного пришлось услышать Луизе от подруг по поводу выказанного ею хореографического таланта, и эти похвалы были тем ценнее, что они высказывались женщинами, у которых, не в пример мужчинам, личное, физическое обаяние танцовщицы не могло заслонить какие-либо дефекты. Затем от Луизы девушки перешли к суждениям относительно искусства других партнеров.

Большинство с восторгом говорило об изяществе и грации Армана де Гиша, который был восхитителен в пируэтах и поклонах. Наконец де Шимероль воскликнула:

– Однако наша Луиза по-видимому вовсе не склонна принять участие в прославлении графа Армана. Посмотрите только, с каким отвращением покачивает головой наша скромница каждый раз, когда мы выражаем свой восторг и упоминаем его имя!

– Я не могу судить об искусстве, проявленном сегодня графом, – тихо ответила Луиза. – Чтобы судить, надо наблюдать издали, а вблизи теряешь истинную мерку. Кроме того, мне граф де Гиш неприятен как человек, чтобы я могла восхищаться его искусством. Это несправедливо, я понимаю сама, но ничего не могу поделать!

– Господи, да что же можно оказать против Гиша? – с искренним недоумением воскликнула де Пон. – Он – очаровательный кавалер, красивый мужчина, истинный рыцарь, готовый идти в огонь и воду за одну улыбку дамы.

– Рыцарь! – с горечью повторила Луиза. – Разве рыцари преследовали когда-нибудь женщин? Разве рыцари служат своим дурным инстинктам, а не идеям добра и справедливости? Но бог с ним, я не хочу его судить! Я хотела бы только прибавить одно, как можно восхищаться кем бы то ни было из танцующих, если на сцене находится сам король Людовик?

Было что-то знойное, опаляющее в тоне, которым Луиза произнесла последние слова, и Людовик, подслушивавший за деревьями, даже вздрогнул, пораженный странным оттенком слов девушки.

– О, об этом никто не говорит! – хором воскликнули остальные. – Разве может кто-нибудь сравнивать всех остальных танцоров с его величеством?

– Да, а вот представьте себе, я совершенно лишена дара восхищаться искусством его величества! – отозвалась д'Артиньи. – У меня примешивается такое же личное чувство, как и у Луизы по отношению к графу де Гишу! Конечно, я не хочу сравнивать его величества с Гишем как человека! Боже мой, разве мне могло бы прийти это в голову! Король – добр, великодушен и рыцарствен. Но... при взгляде на него я невольно вспоминаю о своем женихе.

В объяснение последних слов Артиньи необходимо вспомнить, что еще осенью король, по соглашению с Генриеттой, выбрал д'Артиньи для отвода глаз обеим королевам – матери и супруге – и стал подчеркивать при всем дворе свою любезность к фрейлине Генриетты, стал оказывать ей всевозможные знаки внимания. В результате при дворе стали перешептываться, что король «охаживает» девицу д'Артиньи.

Сама д'Артиньи, уже значительно освоившаяся с растлевающей атмосферой придворных нравов, в ином случае отнеслась бы довольно спокойно к королевскому ухаживанию. Она ведь понимала, что противостоять королю невозможно, что это было бы к тому же слишком глупо: кто способен добровольно отказаться от такой «чести»?

Но у девушки был жених, кавалер де Гранпрэ. Он держал-

ся в этом отношении несколько иных, старомодных взглядов и решительно заявил невесте, что никогда не женится на отставной королевской фаворитке и что момент, когда, король перейдет от прелиминарных ухаживаний к непосредственным действиям, будет последним, связывающим их.

Д'Артиньи искренне любила жениха, а странная манера короля, истинных мотивов поведения которого она не знала, внушала ей мало надежды на то, что его ухаживание – что-нибудь большее, чем простой каприз. Поэтому и цветы, и разные ювелирные безделушки, которыми вдруг ни с того ни с сего награждал король д'Артиньи, вызывали в ней лишь чувство испуга. Вот это-то и имела д'Артиньи в виду когда заметила, что личные чувства мешают ей видеть в короле-танцоре только искусного танцора.

Но опять, как и заявление Луизы де Лавальер по поводу Гиша, слова д'Артиньи не встретили сочувствия у подруг. Они принялись смеяться над «глупостью» девушки, которая, получая подарки от самого короля, может при этом думать о ком бы то ни было. И каково было изумление д'Артиньи, когда даже Луиза де Лавальер отнеслась с явным несочувствием к ее страхам.

– Луиза! И ты, ты можешь так говорить? – воскликнула она. – Ты, которая еще недавно находила даже меня слишком распушенной, слишком легкомысленной?

– Ах! – в порыве неудержимой, пылкой откровенности простонала Луиза. – Я знаю, что это грешно, скверно, но

быть любимой самим королем Людовиком, получать от него знаки внимания, видеть его светлую улыбку! Нет, тут я уже ни о ком и ни о чем не могла бы думать больше! Разве найдется во всей Франции более благородный человек, более обаятельный мужчина, чем король Людовик Четырнадцатый? Разве найдется в мире другой, который более него стоил бы любви, обожанья, поклонения?

Подхваченный страстной волной, налетевшей на него из этих слов, Людовик невольно сделал шаг вперед, и под его ногами хрустнула какая-то ветка.

– Боже мой! Нас подслушали! – крикнули девицы и кинулись бежать прочь, словно стая испугнутых птиц.

V

Была королевская охота. Звонко трубили рожки охотников, веселым колокольчатым звоном заливались собаки, псари лихо щелкали арапниками. Но у короля Людовика было как-то смутно и таинственно на душе. Словно вещая гроза заполонила сердце и ум, словно влекло к себе преддверье неведомой, важной тайны!

Отдаваясь охватившей его задумчивости, молодой король отбился от блестящей, шумливой свиты и свернул на глухую лесную тропу. И вдруг, словно по мановению волшебного жезла, сразу изменилось все – пейзаж, время, звуки. Было яркое утро – и стал вечер, обогранный полутьмой заката. Был хорошо известный реденький лес – и вдруг стал неведомый густой бор с высокими, неведомыми экзотическими деревьями, а веселый охотничий гомон сразу сменился мистической тишиной, таинственность которой время от времени прорезывали тихие, странные голоса, звучавшие тоской, лаской и призывом. И тропинки не стало. Король Людовик шел по густому ковру невиданных прежде цветов. Со сладострастной улыбкой бархатистыми венчиками тянулись к нему роскошные цветы, но он равнодушно топтал их, лишь время от времени срывая какой-нибудь особенно яркий цветик, чтобы, равнодушно повертев его в руках, тут же беззаботно бросить на землю. И шел король по этому коврику

цветов, шел, топтал, срывал и бросал.

Вдруг его равнодушный, пресыщенный взор оживился и засверкал. Из-под низко свесившейся ветки придорожного куста белела трогательно-нежная кисть ландыша. Казалось, будто тихое сияние исходит от крупных белоснежных чашечек цветка, и это сияние было ароматом, глубоко проникшим в самое сердце короля. Смущенный, взволнованный Людовик нерешительно остановился около цветка. Ландыш манил короля, его неудержимо тянуло сорвать этот нежный, скромный цветочек, и в то же время – было жалко.

«Сорвать и... бросить потом? – думал Людовик, объятый ему самому непонятным волнением. – Сорвать, а потом... цветик завянет... завянет, такой трогательный в своей наивной чистоте, такой волнующий своей ароматной свежестью?»

Но он растет у самой дороги! – набежала вдруг новая мысль. – Где порука, что идущий за мной пощадит его? И, если другой все равно безжалостной рукой сорвет этот ландыш, почему же мне не упиться ароматом его юности?»

Словно в ответ на эту мысль из-за короля протянулась чья-то рука. Людовик сразу узнал эту руку и, даже не видя стоящего позади, понял, что это – Арман де Гиш. Дерзость графа заставила Людовика окаменеть от ярости. А рука все ближе и ближе тянулась к ландышу.

В гневе и скорби Людовик бросился вперед, оттолкнул ненавистную руку и сам потянулся за цветком. Вдруг из-за куста показалась тонкая, гибкая фигура Генриетты Англий-

ской. Герцогиня гневно погрозила королю кулаком и с ненавистью занесла ногу над испуганно пригнувшимся ландышем, чтобы растоптать скромный цветочек. Король стремительно кинулся на Генриетту и... сильно стукнулся лбом о резной выступ колонки, поддерживавшей балдахин его царственного ложа!

В первый момент король Людовик с испуганным изумлением озирался по комнате. Сильный удар и резкий, насильственный переход к действительности оглушили его, и он не мог отдать себе отчет в происходящем. Почему так ярко светит солнце, если только что была кровавая тьма багряного заката? И куда вдруг девались лес, цветы, Гиш и Генриетта?

Людовик с недоумением потер ушибленный лоб и вдруг весело, молодо расхохотался. Но его смех тут же оборвался. Король потянулся, лениво откинулся на подушки и, закрыв глаза, вновь отдался мучительно-сладким, смутным думам, навеявшим этот причудливый сон.

Лежа с закрытыми глазами, Людовик ясно припоминал звуки обольстительного девичьего голоса, который накануне с глубоким волнением, с подкупающей сердечностью говорил о великом счастье быть любимой королем Людовиком. Юный монарх уже не раз слышал признания, срывавшиеся с женских уст, но нередко при этом ему приходило в голову: «А что, если бы меня постигла судьба брата Карла?»²⁹ Что, если

---

²⁹ Второго Английского. Здесь имеется в виду тот период времени в жизни Карла, когда, после ареста и казни короля-отца, ему приходилось спасаться от

бы и я вдруг потерял трон и отчизну, что, если бы мне пришлось вдруг, словно затравленному зверю, спастись в лесных дебрях, почти без друзей, без опоры, без средств? Повторили ли бы свое признание эти уста и не слетело ли бы все мое обаяние вместе с саном и короной?».

Да, обычно нежные уста шептали свои признания королю, не мужчине! А эта «туреньская пастушка» видела в короле просто «Людовика», и только «Людовику», а не «его величеству королю» несло ее сердце первый трепет пробудившейся страсти!

Но неужели же он, Людовик, пройдет мимо этой девушки?

Король вызвал в своей памяти нежный облик Луизы Де Лавальер и опять, как уже не раз, содрогнулся от прилива чувства мощного влечения к ней! И в то же время ему было словно жаль коснуться этой чистой девушки – точно так же, как в причудливом сне он вдруг в раздумье остановился около ландыша.

Однако воспоминанье о только что виденном сне заставило вспомнить также и продолжение последнего. Отчетливо встала перед глазами Людовика рука Армана де Гиша, хищно тянувшаяся за скромным цветочком. Да, этот присяжный сердцеед не пощадит, не остановится перед наивной чистотой, не даст связать свою чувственность сентиментальными размышлениями.

преследования повстанцев и опасаться не только за судьбу короны, но и за собственную жизнь.

И опять, как во сне, Людовик подумал:

«Да, она растет при дороге и всякий прохожий может сорвать цвет ее чистоты! Разве мало приезжало ко двору вот таких же чистых, наивных, бесконечно трогательных в своем целомудренном неведении? А что делала с ними жизнь? Да и где такому ребенку как Луиза, выдержать натиск опытного, наглого, не разбирающегося в средствах достижения щеголя! Но, если это так, почему же я должен открыть, уступить дорогу Гишу и присным его? Разве я так уже богат сердцем, разве вокруг меня так много женщин, готовых подарить свое сердце не ради денег и славы, а только из глубокой ответной симпатии ко мне самому?».

Уступить Луизу де Лавальер Гишу или кому-либо другому? От одной этой мысли вся кровь отлила у Людовика от сердца, и он вскочил бледный и задыхающийся. Нет, этого он не мог допустить, этого он просто не пережил бы – это он чувствовал ясно и неуклонно!

Но все же как же так, без размышлений, без оглядки, сорвать такой нежный, чистый, прекрасный в своей хрупкости цветок?

Людовик чувствовал, что его голова слишком переполнена разнородными мыслями, что его мозг слишком напряжен и что, лежа в постели, он все равно ничего не решит. Короля мощно потянуло в парк, к свежести листвы и цветов, еще осыпанных брызгами росы в этот ранний час. Крикнув Лапорта и приказав ему подать одеваться, Людовик поспешно

занялся своим утренним туалетом.

VI

В парке было дивно хорошо в это чудное весеннее утро, и Людовик невольно пожалел, что редко пользуется ранними часами прохлады и тишины. В замке все еще спали, утомленные празднествами истекшей ночи, и удивительно хорошо было чувствовать себя вне явно услужливых и восторженных, но втайне пытливых и хищных взглядов придворных.

Однако что это? Там, в дальней аллее, на скамейке белело чье-то платье!

У Людовика быстро-быстро забилося сердце. Вдруг это – Луиза? Стараясь делать как можно меньше шума, король стал осторожно подвигаться к скамье.

Шагах в двадцати Людовик с разочарованьем увидел, что ошибся: на скамейке, в позе глубокой, скорбной задумчивости, сидела д'Артиньи. В первый момент король хотел повернуть обратно, но тут же ему вспомнилось, с каким отчаяньем говорила вечером своим подругам девушка о знаках внимания короля. Людовику захотелось успокоить д'Артиньи, и он с лукавой усмешкой на устах стал с прежней осторожностью приближаться к скамейке.

– Мадемуазель! – тихо произнес он, незаметно подобравшись к самой скамье.

Девушка вздрогнула, вскочила с величайшим смущением

увидела короля и так растерялась, что даже забыла отвесить установленный церемонный реверанс.

– Бога ради успокойтесь, мадемуазель! – весело продолжал Людовик. – В эту минуту я менее всего хотел бы уподобиться в ваших прекрасных глазках страшному чудовищу, неожиданно набрасывающемуся из лесной чащи на беззаботного путника. О, я окликнул вас для того, чтобы утешить и ободрить, а уж никак не тревожить еще более! Ведь причина вашей тревоги стала мне хорошо известна со вчерашнего вечера! Дело идет о... тягостных знаках внимания и ревнивом женихе, не так ли?

– Ваше величество, это были вы! – в ужасе воскликнула девушка, в отчаянье закрывая лицо руками. – Боже мой! Мои неосторожные слова... Бога ради... Я не подумала...

– Да успокойтесь же, успокойтесь! – с настойчивой лаской повторил Людовик. – Вам не в чем извиняться, это уже скорее надлежит сделать мне! Пожалуйста, сядьте и выслушайте меня, вы увидите, что вам решительно нечего бояться! Да сядьте же, – настойчиво повторил он, присаживаясь на скамью и видя, что растерявшаяся девушка не трогается с места.

Д'Артиньи после долгих колебаний наконец заняла кончик скамьи.

– Я должен предупредить вас, что этот разговор необходимо сохранить в полной, строжайшей тайне! – начал Людовик. – Конечно, своему жениху вы можете передать суть этого разговора, но и то с известными ограничениями, которые

подскажет вам чувство такта, и под строжайшим секретом. Затем я должен повиниться перед вами. Конечно, я понимаю, что с вами была разыграна не очень-то деликатная комедия. Но что поделаешь иной раз? Мне и одной известной вам особе надо было отвлечь ревнивые подозрения в сторону. Вот причина моего внимания к вам! Но, даю вам свое королевское слово, я ни на минуту не думал, что это причинит вам столько беспокойства и неприятностей. Надеюсь, вы не очень сердитесь на меня за это?

– Ваше величество... помилуйте... – пролепетала, д'Артиньи. – Разве я смею судить вас?

– Ну, так докажите, что вы действительно не сердитесь! – весело продолжал король. – Дело в том, что я слышал вчера не только ваши сетования, но и еще одно признание, которое произвело на меня глубокое, неотразимое впечатление. Насколько я заметил, вы дружны с мадемуазель де Лавальер. Ну, так скажите мне, скажите хотя бы ради того, кого вы любите и кем любимы взаимно: могу ли я положиться на эти слова, как на выражение действительного чувства, проснувшегося в юной груди, или это было лишь случайным настроением?

– Ваше величество, – ответила д'Артиньи, – до сих пор Луиза никогда никому из нас не высказывала своих чувств. Правда, мы уже не раз поддразнивали ее, что она смотрит на ваше величество влюбленными взором каждый раз, когда за ней никто не следит. Однако мы сами не придавали

этому серьезного значения. Но то, что она оказала вчера... Нет, ваше величество, это не могло быть случайным настроением! Луиза слишком стыдлива, скромна и нежна, чувство, овладевшее ею, должно было действительно переполнить ее сердце, чтобы излиться в таком откровенном признании.

– О, благодарю вас, благодарю за эти чудные слова надежды – восторженно воскликнул король, вскакивая со скамейки. – Поверьте, мадемуазель, я не останусь в долгу перед вами! За все – и за причиненное вам беспокойство, и за эту радостную весть – я сумею отблагодарить вас. Теперь вы можете не беспокоиться больше о ревности жениха. Я сумею лично успокоить его относительно этого, и ваша свадьба состоится в ближайшем будущем. Я сам поведу вас к венцу. Еще, еще раз благодарю!

Людовик поспешно удалился взволнованным шагом. В своем радостном возбуждении он не обратил внимания на то, что д'Артинья, по-видимому, вовсе не казалась обрадованной сообщенной ей вестью. Нет, бледная, с бессильно опущенными руками, с поникшей головой, она так и осталась стоять на месте, словно пришибленная страшной вестью, а ее губы в то же время еле слышно шептали:

– В скором времени... в скором времени состоится моя свадьба. Боже, научи и поддержи меня! Что же я скажу ему после венца? У меня была надежда, что можно будет свалить вину за старый грех на короля.

Я объяснила бы это просто королевской шалостью, капри-

зом, которому не противятся. К такой ошибке Анри не стал бы ревновать меня, простил бы мне то, что считал бы вынужденным грехом. А теперь сам король успокоит его. Что же я скажу Анри? Я не переживу этого, не переживу!

Король уже давно скрылся из вида, а д'Артиньи все стояла на прежнем месте, и ее губы что-то беззвучно шептали.

Вдруг она испуганно вскрикнула и отшатнулась: чья-то нежная рука шаловливо легла на ее плечо.

– Господь с тобою, Полина! – послышался веселый голосок Мари де Руазель. – Как можно так пугаться? Но ты вообще на себя непохожа, на тебе лица нет! Что случилось?

После этого Мари нежно обвила Полину за талию, притянула к себе и ласково усадила с собой на скамейку.

«Руазель – парижанка, – пронеслось в голове д'Артиньи. – Она многое испытала, все знает, сумеет найти выход! Не сказать ли ей? Все равно я не могу таить свою беду в душе! Я должна буду искать где-нибудь совета и помощи».

– Мари, – глухим голосом произнесла она, и ее запавшие глаза с тоскою и надеждой уставились на задорное личико подруги. – Ты как-то рассказывала, что одна девушка... – Полина замялась, страшась выговорить то, что было у нее на языке.

– Господи, да чего ты мнешься? – воскликнула парижанка, весело рассмеявшись. – Разве существует такая вещь, которую не могла бы сказать одна подруга другой? К сожалению, я не могу даже облегчить тебе признание, потому что

рассказывала вам всем слишком много забавных историй и не знаю, какую ты имеешь в виду!

– Насколько помнится, имя этой девушки было Жаклина... Лелонг или Леблон...

– Ах, история Жаклины Лэглон! Ну да! Жаклина весело провела свою молодость, не отказывая себе ни в чем, а когда пришла пора выходить замуж, то при помощи некоей опытной старушки сумела скрыть все грехи прошлого.

– Но разве это возможно?

– Господи, да почему же... Эге! – воскликнула вдруг Мари, перебивая сама себя; затем она взяла Полину за плечи, повернула ее лицом к себе и, с сочувствием заглянув в ее смущенные глазки, тихо произнесла: – Вот оно в чем дело! Ты сама в таком же положении?

Вместо ответа д'Артиньи еще ниже поникла головой, и из ее глаз брызнули слезы.

– Ну, чего плакать, дурочка? – ободрительно сказала Мари. – Вот еще велика беда! Немного откровенности с твоей стороны, и я укажу тебе отличный выход! Когда это случилось?

– Около двух лет тому назад. Негодяй, которого я никогда не любила, которого глубоко ненавижу, воспользовался моей неопытностью и доверчивостью! И вот теперь я должна выйти замуж за хорошего человека и... не могу! Ведь Анри бесконечно ревнив и не отличается той снисходительностью, которая ныне в моде! Если я откровенно признаюсь ему в

грехе прошлого, он отвернется от меня, и тогда... О, мои родители! Нет, тогда мне останется только покончить с собой!

– Фу, что за смертоносная чушь! – с негодованием воскликнула Мари Руазель. – Топиться или травиться из-за мужчин, из-за этих коварных, лживых, вероломных созданий? Нет, Полина, ты просто унижаешь пол, к которому имеешь честь принадлежать! Да к такому насильственному решению вопроса нет ни малейшей необходимости. Слыхала ли ты о существовании такой знахарки, по имени Екатерина Вуазен?

– Не... нет... не помню...

– Ну так я дам тебе ее адрес – она живет в Вильнев-сюр-Гравуа. Это один из самых отвратительных углов Парижа, но тут уже нечего разбирать! Ну так стоит тебе запастись несколькими золотыми, и Вуазен устроит все что угодно! Вообще-то к ней не очень приятно обращаться; несмотря на доброе, располагающее лицо, эта старуха – ужасная злодейка. Говорят, что она специально занимается приготовлением и продажей ядов. Кроме того, не будь у этой негодяйка могущественных покровителей, ей давно пришлось бы предстать перед судом в качестве обвиняемой в поставке младенцев для черных месс...³⁰

---

³⁰ При Людовике XIV, в связи с начавшимся разложением нравов, свирепствовала эпидемически ужасающая преступность. Отравление было самой обыденной, заурядной вещью. Достаточно вспомнить хотя бы процесс маркизы Бренвилье, отравлявшей просто из любви к искусству. Впрочем об этом читатель может найти подробнее в романе «Опасные пути», изд. А. А. Каспари. Екатерина

– Боже, какой ужас! – воскликнула Полина, содрогаясь.

– Да, мерзость порядочная! – хладнокровно согласилась Мари. – Я большая охотница до всяких пикантных приключений, но в такой гадости не согласилась бы принять участие ни за что на свете. Нет, пусть я буду немножко в разладе с... моралью, зато с Небом я не рискну порвать хорошие отношения.

– И у такой женщины я должна искать помощи!

– А не все ли тебе равно? Если ты тонешь, будешь ли ты рассуждать, чиста ила грязна протягиваемая тебе рука спасения? Ведь ты пойдешь к бабушке Вуазен не за ядом, не за младенцами. Ты идешь по такому делу, которое никого не касается, кроме тебя самой! Милая Полина, не погибать же тебе из-за смешной брезгливости!

Д'Артиньи молчала, погружившись в глубокую задумчивость. Она сознавала справедливость замечаний Мари, однако ее ужасала мысль об одной возможности вступить в непосредственное общение с такой страшной злодейкой, как «добрая» бабушка Вуазен. Но что же было делать ей иначе? И Полина внутренне сознавала, что ей придется побороть

Вуазен (точнее: Монвуазен), о которой здесь упоминается, впоследствии поплатилась сожжением живой (1680 г.), как соучастница Бренвилле. Кроме отравлений, в то время свирепствовали также так называемые черные мессы. Это были литургии, служившиеся сатане, причем алтарем являлось обнаженное тело женщины, а в жертву сатане приносилась кровь, добывавшаяся из перерезанного горла младенцев. Самое ужасное то, что в этом кошунстве принимало участие католическое духовенство, от простых священников до епископов.

свою брезгливость и все-таки обратиться за помощью к этой «доброй бабушке»!

VII

– «Луиза – слишком стыдлива, скромна и нежна»! – с чувством повторил слова д'Артиньи король Людовик, вернувшись к себе в комнату. – И я еще колебался, я еще раздумывал над тем, остановиться ли мне около ароматного цветка, который сам тянется ко мне своей нетронутой юностью?

Король рассмеялся, как бы сам недоумевая над собой, а затем, решительно воскликнув: «Долой колебанья!», энергично позвонил и приказал позвать Ренэ Бретвиля.

Через минутку юный герцог вошел в королевский кабинет и остановился у порога в почтительной, выжидательной позе.

– Милый герцог, – ласково сказал король, – у меня имеется для вас поручение, хотя и несложное, но деликатного свойства, требующее молчаливости и скромности. Потрудитесь, не привлекая внимания других, повидаться с Луизой де Лавальер и сказать ей, что я жду ее через час в оранжерее.

Лицо Ренэ смертельно побледнело, его глаза загорелись бешеным огнем. В первый момент юноша даже отступил на шаг назад и ухватился за эфес шпаги, но тут же, несмотря на охватившее его волнение, сообразил, где и пред кем находится, снова опустил руку и замер в позе гневливой, оскорбленной растерянности.

– Герцог д'Арк! – резким, повелительным тоном произнес

Людовик, встав с места и подходя вплотную к юноше. – Приказываю вам ответить мне по рыцарской чести и совести: вы любите Луизу де Лавальер?

– Я глубоко уважаю и люблю это кроткое, чистое создание, но в моем чувстве к ней нет и следа малейшей чувственности! – твердо ответил Ренэ, не опуская глаз перед пытливым взглядом короля.

– Так, значит, это – не ревность! – пробормотал король. – Что же это? – он задумался; вдруг хмурые морщины на его лбу разгладились. – Понимаю! – произнес он, улыбаясь, и отвернулся. После этого он молча прошелся несколько раз по комнате, затем снова подошел к Ренэ и сказал: – Герцог д'Арк, за какую ежемесячную сумму вы согласились бы держать свечу в то время, когда богатый купец отходит ко сну?

– Ваше величество! – задыхаясь крикнул Ренэ. – Моя жизнь принадлежит королю, но честь – только мне самому!

– Никто не покушается на вашу честь! – холодно возразил король. – Потрудитесь ответить на мой вопрос!

– Вашему величеству и без того известно, что я не стал бы служить какому-нибудь мещанинишке или даже дворянину ни за какие миллионы на свете!

– Так-с! Ну, а когда я, когда король идет ко сну, то свечу ему держит один из первых сановников государства, если бы я поручил вам держать свечу мне, то вы были бы польщены и считали бы себя превознесенным выше меры! Герцог д'Арк! Известно ли вам, что, когда английский король встает ото

сна, ему надевает чулки первый лорд королевства? Известно ж вам, что германскому императору в торжественных процессиях поддерживает стремя особа, саном не ниже великого герцога? Известно ли вам, что в Испании только гранд смеет дотронуться до особы королевской крови, а дворянину такое – хотя бы случайное – прикосновение будет стоить головы! – Король помолчал, как бы собираясь с мыслями, и затем продолжал: – Ну, поняли ли вы теперь, что я хотел сказать своим вопросом о свече? Поняли ли вы теперь, что свои отношения к королю смешно и нелепо сравнивать с отношениями к другим? Разве король – такой же человек, как и все? Воплощая в себе Бога на земле, исполняя Его миссию, будучи Им венчан на царство, может ли король быть измерен той же меркой, что и другие, обыкновенные люди? Вы почувствовали себя оскорбленным тем, что вам поручают вызвать девицу на свидание. Да разве вы устраиваете свидание какому-либо богатому купцу? Друг мой, быть камердинером, слугой вообще – мало чести! Но камердинер, служащий французскому королю, должен иметь за собой очень длинный ряд предков, чтобы удостоиться получения такого почетного поста! Если вы будете устраивать за деньги свидание богатому купцу, то будете низким и грязным сводником. Устраивая свидание французскому королю, вы только исполняете свой рыцарский долг! И мне приходится растолковывать это вам, герцогу д'Арку, уже не раз высказывавшему совершенно такие же мысли, вам, которого я отличил

именно за светлый ум и рыцарскую лояльность?

– Ваше величество, я был не прав! – с трудом произнес Ренэ, смущенно поникая головой.

Но король, казалось, не слышал этих слов. Глубокий лирический порыв вдруг охватил его, и Людовик, словно говоря с самим собой, с грустью продолжал:

– Но, если король – не такой же человек, как все, он все же – только человек. Разве мы, короли, не знаем голода и жажды? Разве мы не нуждаемся в дружбе? Разве великая богиня любви не царит так же полновластно над нашими августейшими сердцами, как над сердцем простого пахаря? Увы, все эти чувства ощущаются нам еще острее, еще властнее! Созданные путем долгого и тщательного подбора лучших родов, мы отличаемся такой утонченностью чувств, которой не знают дети случайных браков, дети низов! Но как отвечаю нам на эту потребность к высокому? Вокруг трона кишат и роятся лезть, коварство, измена и предательство, нашей дружбой дорожат потому лишь, что она оплачивается, нас любят лишь за блеск королевского венца. Долгие годы бредем мы в полном нравственном одиночестве, никому не доверяя, ни с кем не делись сокровенной частью души, не отдыхая ни в чьих объятиях, искренности которых можно довериться. А когда наконец король находит человека, на которого можно положиться в самой священной и самой интимной части жизни, тогда оказывается, что наша королевская дружба тягостна, что наши поручения – позорны, что, вкла-

дывая в руки надежного человека нашу тайну, свою святую, нашу... любовь, мы... оскорбляем рыцарскую честь друга! Бедные короли! Одинокие короли! Жалкие, бессильные короли!

– О, простите меня, простите, государь! – воскликнул Ренэ, забывая всякий этикет, а затем, бросившись на колени перед Людовиком и осыпая его руки поцелуями, сквозь слезы продолжал: – Я был не прав! Простите меня, мой государь, простите!

– Ну так встань, милый Ренэ, и передай Луизе де Лавальер мое приглашение! – сказал в ответ король, ласково положив руку на голову юноши и бесконечно радуя его интимностью тона. – Пойми, что в этом поручении – знак высшего доверия! Король легко найдет человека, которому можно доверить государственную печать или жезл главнокомандующего, но тех, кому можно доверить тайну своего сердца – мало, а ты – из их числа! Ну, ступай, сын мой, ступай!

Король ласково провел по голове юноши, и тот весело вскочил, чтобы исполнить королевское поручение.

Людовик некоторое время смотрел вслед исчезнувшему, а затем тихо произнес:

– По-видимому мальчик пошел в деда! – тут король улыбнулся, вспомнив забавную историю Крепина Бретвиля, рассказанную ему некогда юношей. – Это не очень-то удобно. Зато у него золотое сердце. – Король снова задумался, но мысль о предстоявшем свидании с Луизой сразу разогнала

все прочие думы, и, поддаваясь припадку шаловливости, от которой в его детстве сильно страдал старый, верный дядька-слуга, он с громким хохотом крикнул: – Лапорт! Старый дурачина! Где ты провалился? Иди сюда, одеваться надо! Лапорт, где ты, черт возьми?

– Да иду, иду! – ворчливо пробурчал Лапорт, показываясь в дверях. – Эх, ваше величество, ваше величество! И когда только вы уgomонитесь! Уж большой выросли, королем стали, а все еще балуетесь, словно пятилетний принц! Беда!

VIII

Когда король вошел в пустынную оранжерею, Луиза уже была там. Бледная, смущенная, растерянная, девушка забилась в уголок у большой пальмы и стояла, обеими руками стискивая сердце, в трепетном биении готовое выскочить из груди.

При виде Лавальер Людовик вдруг потерял свою победоносную уверенность. Опять эта девушка до реальности остро напомнила ему нежный ландыш сна, и опять ему показалось невозможно бурным натиском страсти сорвать этот душистый цветок чистоты и невинности!

– Мадемуазель! – произнес король и сам удивился, как робко и неуверенно звучал теперь его обычно властный голос.

Луиза вздрогнула, вскинула взор, сейчас же опустила его и попыталась сделать что-то вроде реверанса, однако он все не удался ей в этом приливе полного смущения.

– Оставьте это! – все тем же дрожащим голосом продолжал король. – Разве вы не видите, не чувствуете, что я пришел к вам не как король, требующий условных знаков почтения, а как робкий проситель, с трепетом стучащийся в ваше сердечко, надеясь найти там ответное эхо? О, Луиза!.. О, милая, милая девушка! Как глубоко, как властно заполонила ты все мои думы, все мои мечты, стремящиеся лишь к

одной тебе!

Лавальер смертельно побледнела и пошатнулась. На одно мгновение ее взор с безграничным испугом скользнул по лицу Людовика, как бы желая удостовериться, что это – он, что это ей не привиделось. Дрожащие губы долго не могли выговорить ни слова; наконец Луиза задыхаясь произнесла:

– Ваше величество... я не понимаю... Я – честная девушка... Чем я заслужила?... Тут ошибка...

– Ошибка? – с горечью повторил Людовик. – Неужели то пламенное признание в любви, которое вчера я невольно подслушал из-за кустов, было ошибкой?

– Вы? – с ужасом крикнула Лавальер и вдруг закрыла лицо руками. – О, какой позор! – с отчаянием прошептала она затем.

– Разве в любви может быть позор? – ласковым, проникновенным голосом сказал Людовик, подходя к девушке и нежно отнимая от ее лица тонкие, бледные пальцы, сквозь которые жемчужными каплями пробивались слезы. – Любовь – высшее богато, величайшее счастье, Луиза!

– Государь... – начала Лавальер, стараясь как-нибудь побороть одолевавшее ее волнение.

Но Людовик не дал ей договорить, перебив горячим призывом:

– Нет, дорогая, не называй меня так! Разве как государь пришел я к тебе? Забудь о моем сане и, если твои уста не лгали вчера, называй меня просто по имени!

– Нет, мои уста не лгали вчера, о нет! – тихо произнесла Луиза. – К чему стала бы я отрицать то, что все равно может увидеть всякий? Да, я глубоко, беззаветно, бесповоротно полюбила вас, но моя любовь – не благо, не счастье, а источник бесконечных мучений. «Забудем ваш сан», говорите вы? Хорошо, забудем о нем. О, я придаю очень мало значения сану и, будь вы хотя бы простым пастушком, с восторгом удалилась бы с вами под сень прохладных дубрав, чтобы там полной чашей пить блаженство разделенной любви! Да, удалилась бы, если бы... Ах, боже мой! Можно забыть о том, что вы – король, но можно ли забыть, что вы связаны на жизнь и смерть с другой? Значит, в такой любви не может быть счастья. Ах, зачем я дала волю своему сердцу, зачем с самого начала не вырвала из него преступной любви!

– Преступной, Луиза?

– Да, преступной, государь! Разве мою любовь может когда-нибудь благословить церковь? Разве могу я стать для вас чем-нибудь, кроме простой игрушки страстей? Но я не могу стать такой игрушкой, не могу для этого я слишком люблю вас! О! – Луиза пошатнулась и с невыразимой страстью крикнула: – Для чего я так полюбила вас!

– Луиза, дорогая! – воскликнул Людовик и, упав на колени перед девушкой, покрыл ее руки бурными поцелуями.

– Государь! Бога ради! – воскликнула Лавальер. – Вас могут увидеть! Вы предо мной на коленях!

– Пусть видит весь свет! – с пафосом воскликнул король. –

Такой любви, как моя, нечего стыдиться, ее может видеть весь свет! Дорогая моя! Я хотел успокоить тебя! Поверь, я не питаю никаких себялюбивых намерений, не ищу сейчас ничего от твоей любви! Я хотел только услышать из твоих дорогих уст то признание, которое мне пришлось услышать вчера, хотел лишь убедиться, что не ошибся и что ты действительно любишь меня! В такой любви нет ничего преступного, в ней нет греха! Будущее покажет, что мы можем ждать от нашей любви, а пока...

– Государь... – тихо перебила его девушка.

– Скажи «Луи»! – с мольбой произнес король.

– Луи! – послушно повторила девушка, и это имя получило неизъяснимое очарование в ее робких устах. – Я не могу и в будущем обещать вам...

– Скажи «тебе»! – снова перебил ее Людовик.

– Не могу обещать... тебе... и в будущем иную любовь, кроме братской, иных отношений, кроме чистых и безгрешных! А сейчас умоляю отпустить меня, сегодня я дежурная при ее высочестве.

Луиза вдруг вспомнила, что было связано для короля с Генриеттой, и в порыве глухого отчаянья закрыла лицо руками.

– Об этом не думай, с этим будет кончено навсегда! – тихо сказал король, поняв, что заставило девушку вдруг съежиться в остром порыве ревнивой скорби.

– О, если бы это было так! – с восторгом воскликнула Лу-

иза. – Я была бы счастлива и за себя, и... за вас! Но умоляю пустить меня, меня могут хватиться.

– Скажи, когда мы опять увидимся наедине? – с мольбой произнес король.

– Но... не знаю... Боже мой!

– Хорошо! Я сам назначу время и пришлю к тебе Бретвиля! О, дорогая моя! – король широко раскрыл объятия и хотел заключить в них Луизу, но девушка так стыдливо-испуганно съежилась, словно робкая мимоза, что король ограничился почтительным поцелуем дрожащей руки и взволнованно удалился из оранжереи.

IX

Некоторое время Луиза в сладком оцепенении постояла на прежнем месте. Случившееся было слишком неожиданно и значительно, и девушка не могла охватить его своим смущенным, растерянным разумом. Король, сам король Людовик любит ее, скромную туреньскую провинциалку? Тот самый король, к которому с робкой, безнадежной мечтой устремлялось ее сердце? О, от этого одного можно было помешаться с радости!

Луиза забыла о Генриетте, о своем дежурстве и все стояла в томном забытьи. Вдруг чей-то язвительный смешок, слышавшийся сверху, заставил девушку пробудиться от своих грез. Она испуганно оглянулась, но никого в оранжерее не было. Или ей это просто показалось? Но – нет! – на вершине большой соседней пальмы послышался шелест листьев, и вдруг по гладкому стволу дерева, скользя, опустился какой-то человек. Луиза испуганно вскрикнула – перед ней был граф де Гиш.

– Так вот что значит перемена в вашем отношении ко мне! – небрежно кинул Арман, стараясь подавить злобную гримасу дергавшую его губы. – Ну конечно, где мне соперничать с его величеством! Я ведь – только граф! А вам, притворная недотрога, требуется по меньшей мере король? Да, искусно вы провели всех нас своей напускной скромно-

стью! Скажите пожалуйста! «Не могу обещать тебе в будущем иную любовь, кроме самой братской, чистой и безгрешной!» – прогнусавил он манерным, напыщенным тоном. – Ай да пастушка! Знает, чем разжечь его величество! – и Гиш захохотал язвительным смехом, каждый звук которого был оскорбительнее пощечины.

У самых застенчивых, робких натур бывают моменты, когда они способны проявить несвойственную им твердость и решительность. Оскорбленная словами Гиша в самом чувствительном месте души, Луиза вспыхнула и со сверкающим от гнева взором крикнула:

– Запрещаю вам говорить со мной в таком тоне! Вы забываетесь! Дорогу! – повелительно прибавила она, когда Гиш в ответ на ее окрик с самым дерзким видом стал перед ней.

Но требование пропустить ее не произвело на графа ни малейшего впечатления.

– Успеете! – дерзко ответил он. – Прежде всего нам надо договориться! Не один король вздыхает по вас; мне тоже ваши прелести не дают покоя. В ваших интересах не отталкивать меня так. Не забудьте, что вы вздумали рубить дерево не по себе. Добровольно вам не уступят такой крупной поживы, как король. Хотите, чтобы я помог вам не только завоевать этот роскошный приз, но и удержать его? Тогда не играйте со мной долее в «кошки-мышки»! Поверьте, я не ревнив и не буду мешать вам проводить время с королем, лишь бы на мою долю что-нибудь оставалось! Ну, согласны? – спросил

он, принимая молчаливое негодование девушки за раздумье над его предложением. – В таком случае один поцелуй в задаток! – и с этими словами самоуверенный сердцеед потянулся губами к окаменевшей от негодования Лавальер.

Но близость этого наглого, самодовольно улыбавшегося лица пробудила Луизу из ее оцепенения. Поддаваясь приступу безудержной ярости, она высоко подняла руку и изо всей силы ударила Гиша по лицу.

Неожиданность этого жеста невольно заставила графа отступить с дороги, однако уже в следующий момент он рванулся вперед, чтобы кинуться на девушку и отомстить за обиду. Но Луиза стрелой бросилась к выходу и была уже у самой двери. Все равно ее не догнать! Поэтому Гиш ограничился тем, что яростно крикнул беглянке вдогонку:

– Потаскушка! Грязная развратница! погоди, ты еще попомнишь у меня эту выходку!

Оскорбительные ругательства заставили Луизу только схватиться за голову и еще ускорить бег. Так добежала она до покоев герцогини. По счастью, никто не встретился Луизе – Генриетта еще спала, фрейлины большей частью еще возились со своим туалетом. Благодаря этому Луиза, не замеченная никем, вбежала к себе в комнату.

Здесь она первым делом заперлась на ключ и кинулась на кровать. Рыдания сжимали горло девушке, но слез не было, а в голове ударами молота стучали страшные слова: «Потаскушка, развратница»!

Да, что ни говори король, а ее любовь была преступной! Все, все будут смотреть на нее глазами Гиша, со всех сторон, во всех устах будет она читать страшное слово «потаскушка»! И от этой мысли Луиза де Лавальер готова была начать биться головой о стену. Будь у нее под рукой яд или оружие, она не пережила бы этих ужасных минут!

* * *

Гиш подождал в оранжерее несколько минут, заставляя себя сначала хоть немного успокоиться. Затем он прошел в свои комнаты, разделся догола и приказал лакею принести холодной воды и окатить его. Это было обычным средством Гиша привести себя в нормальный вид и заставить мысли проясниться. Действительно после пяти ведер ледяной воды голова Армана заработала спокойнее и яснее. После бани он выпил кубок крепкого вина и почувствовал себя почти совсем хорошо. Затем, полежав намного в постели, он оделся, приказал подать себе верховую лошадь, и, уехав кататься, провел в седле часа три.

В течение этого времени он напряжению думал о том, как отомстить Луизе и обезопасить себя от последствий этой мести. Он был уверен, что жаловаться на его дерзкое обращение Луиза не пойдет, как и не станет рассказывать Людовику о сделанном ее предложении. Гиш все-таки считал Лавальер неприятно чистой, его обвинения были плодом лишь рев-

нивого гнева. Пожалуй, эта дурочка и в самом деле влюбилась в короля! Но тогда, по мнению Гиша, она должна была бы отделаться какой-нибудь шуткой, а не идти на открытый, сознательный разрыв, не пускать рук в ход. Это требовало отмщения, и Гиш дал себе слово отомстить!

«Но как?» – думал он.

Конечно, проще всего было пойти к Генриетте и рассказать ей о всем виденном и слышанном. Но вот вопрос: удержится ли Генриетта от сообщения королю относительно того, кто рассказал ей обо всем этом? Ведь, если нет, тогда ему придется уехать из Парижа, если только вдобавок не познакомиться с Бастилией. А ни того, ни другого графу отнюдь не хотелось.

Затем возникал еще вопрос: достаточно ли будет ревнивой злобы Генриетты Английской, чтобы стереть соперницу с лица земли? Ведь Людовик никому не позволяет вести себя на поводу! А вдруг скандал, который неизбежно устроит Генриетта королю, заставит того пойти на открытый разрыв с ней и официально приблизит к себе Лавальер? Вдруг месть приведет лишь к торжеству этой дерзкой, гордой девчонки?

Гиш прикинул и так, и сяк и наконец выработал ряд мстительных планов. Конечно Генриетте все-таки надо рассказать обо всем, это – единственное правильное начало, а затем... Ну, у Гиша не было недостатка в планах, как в этих планах не было недостатка в яде, кинжале и интриге!

Тем не менее граф решил не насиловать событий и об-

лечь донос герцогине в форму случайности. Эта случайность представилась ему около шести часов, когда, проходя мимо замка, он заметил Генриетту, стоявшую у открытого окна и нетерпеливо помахивавшую хлыстиком.

Увидев графа, Генриетта знаком позвала его к себе и взволнованно заговорила, когда граф вошел в комнату:

– Гиш, не объясните ли хоть вы мне, что это может значить? Еще вчера мы сговорились с его величеством отправиться сегодня в пять часов кататься, теперь же уже около шести, я целый час жду одетая, а короля нет, и его нигде не могут найти. Вы не видали его сегодня?

– Видел, ваше высочество, хотя и при несколько странных обстоятельствах, – посмеиваясь, ответил Арман. – Вот уж поистине можно сказать, что мне впервые пришлось смотреть на короля Людовика «сверху вниз»!

– Сверху вниз? – удивленно переспросила Генриетта. – Каким же это образом?

– С ветвей дерева, ваше высочество! – ответил Гиш и, сменив ироническую улыбку на выражение смущения и тревоги, опасливо прошептал: – Ваше высочество, мне придется сделать вам сейчас очень важное сообщение. Но оно очень взволнует и огорчит вас, поэтому умоляю ваше высочество собраться с силами. Кроме того, еще более умоляю не выдавать, что эти сведения ваше высочество получили через меня, потому что...

– Я никогда не выдаю тех, кто верно служит мне! – нетер-

пеливо отрезала Генриетта. – Ну, говорите! Без предисловий и обиняков!

– Сегодня утром мне удалось случайно услышать, как одной из фрейлин передавали приглашение короля явиться на свидание в оранжерею. Из простой шалости я решил подслушать, в чем там будет дело. Поэтому я забрался в оранжерею за четверть часа до свидания, взлез на высокую пальму и оттуда все видел и слышал. Оказалось, что девушка признавалась королю в любви и умоляла его бросить связь с... с...

– Со мной! – отчеканила Генриетта. – Дальше? Что король?

– Бго величество охотно и горячо пошел навстречу желаниям этой хитрой особы.

– Вот как?! – Генриетта до крови прикусила губу, но ни одним движением не выдала своего волнения, о силе которого можно было судить по бледности ее лица и особой металлическости звука голоса. – Кто эта девушка?

– Луиза де Лавальер, ваше высочество!

Генриетта не выдержала и хрипло, яростно застонала. Она еще более побледнела, и Гиш испугался, думая, что герцогиня вот-вот упадет в обморок. Но она поборола свою слабость и слегка дрожащим голосом спросила:

– Скажите мне точно, когда это было?

– Около десяти часов, ваше высочество.

– В какой оранжерее?

– В главной, ваше высочество!

– Хорошо! – Генриетта прошла несколько раз по комнате и затем сказала: – Уйдите, Гиш, чтобы вам не быть замешанным во все последующее!

Гиш ушел. Тогда Генриетта вышла из своей комнаты и проследовала на балкон, где среди фрейлин и придворных виднелась белокурая головка Луизы.

– Лавальер! – громко и повелительно крикнула герцогиня, останавливаясь на середине веранды.

Девушка торопливо подошла к своей повелительнице.

– Что вы делали в главной оранжерее сегодня около десяти часов утра?

Луиза побледнела как смерть. Ее глаза с испуганной мольбой вскинулись на герцогиню, обвели всех присутствующих, которые с удивлением смотрели на происходившую сцену, и опустили долу.

– Я жду ответа! – крикнула герцогиня.

Губы девушки пошевелились, но с них не сорвалось ни одною звука.

– Ну так если вы не хотите сказать, то я отвечу за вас! – отчеканивая каждое слово, крикнула Генриетта. – Вы были там на любовном свидании! Вы навязывались мужчине, который не хотел вас знать, потому что, хотя вы и разыгрываете из себя скромницу и невинность, вы – мерзкая распутница, вы – развратная тварь, которой не место здесь, при дворе...

– Ваше высочество! – стоном вырвалось у девушки.

– Молчите и слушайте! Вы забываетесь! С кем вы говори-

те? Даю вам срок до завтрашнего утра, чтобы бесследно исчезнуть отсюда. Если завтрашнее утро застанет вас здесь, я прикажу выгнать вас палками, затравить собаками! А вашим родителям я напишу особо и поблагодарю за рекомендации такой развратной особы Ну, а теперь – вон!

Повинуясь повелительному жесту герцогини, Луиза механически, словно лунатик, сошла с террасы.

Сходя в сад, она услышала, как герцогиня все тем же громким, отчетливыми голосом произнесла:

– Де Пон, позаботьтесь, чтобы завтра утром хорошенько проветрили комнаты этой мерзкой особы! Пусть воздух очистится там от ее тлетворного дыхания!

X

Все это было слишком для одного человека, да еще такого хрупкого, слабого, нежного, как Луиза де Лавальер.

Впрочем, так бывает и с крупными дозами яда, что прием их не производит столь губительного действия, как умеренная доза. Так и тяжесть того, что пришлось в краткий срок перенести Луизе, была слишком велика и только оглушила, но не сломила ее.

Луиза сама удивлялась тому спокойствию, с которым она обсуждала случившееся. Впрочем, она знала, что этого спокойствия хватит ненадолго, и тогда... О, в таком случае надо было как можно лучше использовать эти минуты, обдумать – как быть!

«Что делать? Боже мой, что делать? – с тоской думала девушка. – Вернуться домой я не могу!»

Тут всю ее передернула лихорадочная дрожь. Ведь герцогиня обещала написать обо всем матери и отчиму! Бедная мать! Она не переживет такого горя, такого позора!

От этой мысли все закружилось в голове несчастной. В полубезумии она обвела взором комнату, словно отыскивая крепкий гвоздь, на котором могло бы успокоиться ее истерзанное существо. Но взор упал на Распятие, и это дало новый толчок мыслям девушки, просветило и успокоило их Христос! Как не подумала она о Нем в минуту отчаянья и скор-

би? Кто же, кроме Него, мог помочь ей в беде?

Ведь случившееся – наказание за грех прелюбодеяния! Ведь церковь запрещает не только дурные поступки, но и дурные мысли. Ведь сказал же Христос, что всякий, взглянувши на постороннего человека с желанием, уже любодействует с ним в сердце своем! А разве в ее сердце не было преступного желания ласк Людовика? Да, она прегрешила перед законом Христа и лишь у Христа может найти прибежище от последствий прегрешения! Часах в трех езды отсюда, около Доннмари, имеется монастырь кармелиток! Туда обратится она с мольбой и постригом искупит свою вину перед Богом!

Девушка, значительно успокоенная, вышла из комнаты. В коридоре она встретила старичка Жака, лакея, относившегося к ней с особенной симпатией. Теперь старичок с грустью и испугом посмотрел на девушку.

– Жак, – сказала Луиза, – мне нужно уехать отсюда сейчас же! Мне дорога каждая минута! Не можете ли вы найти мне лошадей? Мне нужно в Доннмари! Я хорошо заплачу!

– У меня как раз гостит брат из Доннмари, он собрался ехать домой, лошади покормлены и запряжены. Если хотите, он отвезет вас. Только вот экипаж не очень-то удобный...

– Ах, это мне все равно! – воскликнула девушка. – Спасибо, милый Жак! Пожалуйста распорядитесь, чтобы лошадей подали, а я тем временем переоденусь и напишу письмо, которое попрошу вас отдать герцогине!

Через четверть часа Луиза уже сидела в деревенской ко-

лымаге, которая быстро уносила ее по направлению к последней пристани!

* * *

Около девяти часов Луиза подъехала к ограде монастыря. Сначала мать-привратница, ссылаясь на поздний час и усталость настоятельницы, не хотела впускать гостью, но Луиза ответила на это таким взрывом отчаяния, что старушка сжалась и на свою ответственность доложила аббатисе о приезде.

Настоятельница приняла девушку в строгом, холодном приемном зале.

– Что вам угодно, сударыня? – строго спросила она.

Вместо ответа Луиза упала на колени: рыдания не давали ей выговорить ни слова. Строгое лицо настоятельницы смягчилось. Она ласково подняла девушку с пола и постаралась успокоить ее. Тогда Луиза изложила свою просьбу: она хотела постричься, сейчас же, немедленно!

– Но это невозможно, это противоречит каноническим правилам, дитя мое! Сначала нужен срок для испытания, который будет зависеть от вашего поведения и который я могу сократить, сразу же принять вас так...

– Но даже через три дня может быть поздно! Тогда мне придется наложить на себя руки! – крикнула Луиза, и в ее голосе чувствовалось столько муки, столько отчаянья, что на-

стоятельница окончательно расчувствовалась.

– Вот что, дитя мое, – сказала она, подумав немного, – в иных случаях я могу своей властью упростить формальности. Но для этого я должна знать, что побуждает вас пойти на такой шаг! Мне нужно ваше чистосердечное признание! Пойдемте в садик, там вы все расскажете мне!

Они прошли в садик, разбитый на холме, с которого открывался вид на пустынную дорогу. Вокруг все дышало таким миром, таким покоем, что Луиза немного успокоилась и рассказала аббатисе свою историю.

Короля она не назвала. Она просто сказала, что полюбила женатого человека, который к несчастью также полюбил ее. Этот человек очень знатен и могуществен; он способен начать искать ее и вырвать из монастыря, раз ее не будут связывать обеты. А тогда ей придется наложить на себя руки, потому что она не может жить в грехе и позоре, не может хотя бы ради матери, для которой это будет смертельным ударом.

Аббатиса выслушала девушку и затем ответила взволнованным, слегка дрожащим голосом:

– Да, вы правы, дитя мое! В вашем положении иного исхода нет! Оставайтесь эту ночь в монастыре, сосредоточьте свои мысли в молитве, обратите их к Богу, и если завтра утром вы подтвердите мне твердость и неизменность своего решения, то завтра же после литургии над вами будет произведен чин пострижения! Но во всяком случае...

Тут настоятельница замолчала, так как ее внимание при-

влекла черная точка, быстро мчавшаяся по дороге, поднимающая облако пыли.

Луиза тоже заметила эту точку. Ее сердце забилося испуганным предчувствием.

Точка всю росла, уже можно было разглядеть открытый экипаж, запряженный четверкой огневых коней. На кучере, ликерах и лакеях виднелись цвета короля. Экипаж подъехал к воротам. Вскоре послышался испуганный вскрик привратницы:

– Его величество король!

XI

Отличаясь превосходной памятью, король Людовик отнюдь не забыл, как то думала Генриетта, о назначенной на пять часов совместной прогулке верхом. Даже наоборот, когда на замковых часах колокол звонко отбил четыре удара, Людовик оторвался от чтения доклада главного интенданта и, со скучающим видом откидываясь на спинку кресла, недовольно произнес:

– Уже четыре... В пять надо ехать кататься с Генриеттой! Какая тоска!

Он оглянул комнату, и от одной мысли, что придется опять выносить близость и ласки этой женщины, ему показалось, что солнце не так уже радостно светит с безоблачного неба, не так уже сладко пахнут цветы ближних куртин.

Людовик невольно задумался над тем, как быстро совершалась в нем эта перемена. О да, скрывать нечего, охлаждение к Генриетте началось в его сердце много раньше... еще с осени, пожалуй! Уж очень требовательна была герцогиня в любви! Людовик не закрывал глаз и не скрывал от себя, что на особенную верность возлюбленной он положиться не мог. В том, что в часы скуки жена брата развлекалась обществом других мужчин, что иных она дарила реальными знаками внимания, Людовик нисколько не сомневался. Но, допуская по отношению к себе самое широкое толкование сво-

боды, Генриетта отрицала за своим возлюбленным малейшее право на такую. Кроме того, она сгорала жаждой власти, неизменно требовала своего участия в политических делах, возводя интригу в перл дипломатического искусства. Все это делало ее чрезвычайно неудобной, а ее любовь – порой просто тягостной. Но все-таки... да, Людовик не мог внутренне не признать, что вплоть до вчерашнего вечера близость Генриетты волновала его, давала минуты острого блаженства.

Почему же то, что еще вчера манило и волновало его, сегодня стало казаться невыносимым, тягостным, назойливым? Неужели лишь потому, что вчера вечером он услышал наивное признание, произнесенное сочным, звучным девичьим голосом, а сегодня, заглянув в томные глазки стыдливой обладательницы этого голоса, он прочитал в их взоре самоотреченное обожанье? Может быть, и потому... Но не все ли равно, почему? Важно то, что надо ехать кататься, тогда как этого безумно не хочется. А надо, надо, надо...

И вдруг мозг Людовика прорезала самая простая мысль, которая до того времени почему-то не приходила ему в голову:

«А почему именно надо?»

И стоило этому вопросу возникнуть в голове, как Людовик сразу почувствовал громадное облегчение.

«Действительно, почему именно надо? – подумал он. – А если я не хочу? Почему, ради чего я должен насиловать свою волю? Ведь так или иначе, а мне придется не сегодня-завтра

порвать с Генриеттой. Ну так для чего я буду сегодня насилловать себя, притворяться, разыгрывать нежно влюбленного?»

Король сразу повеселел. Но надо было обезопасить себя от попыток Генриетты заставить его насильно исполнить данное вчера обещанье. Ввиду этого Людовик вызвал Лапорта и строго-настрого приказал ему не пропускать никого в апартаменты короля, говоря всем, что его величества нет и неизвестно, где он находится.

В начале шестого часа явился первый посланец от Генриетты, около шести – второй и третий подряд. Все они вернулись к герцогине ни с чем, и Людовик уже считал себя окончательно избавленным от домогательств Генриетты, как вдруг – это было в начале седьмого часа – до его слуха донесся звук визгливого старческого тенорка Лапорта, видимо старавшегося кому-то преградить доступ в королевский кабинет.

Вся кровь хлынула в голову Людовика. Думая, что человек, пытавшийся насильно проникнуть в королевские апартаменты, принадлежит к числу лиц свиты герцогини, он решил раз и навсегда отучить дерзкого от подобной фривольности. Но еще из соседней с приемной комнаты Людовик различил, голос Ренэ, настойчиво требовавший, чтобы Лапорт пропустил его.

Король тут же подумал, что герцог д'Арк не принадлежит к числу лиц, способных легкомысленно и без основательной причины рискнуть на такой шаг. Очевидно, сучилось что-

нибудь из ряда вон выходящее! Поэтому, быстро распахнув дверь приемной, Людовик спросил:

– Ренэ, что случилось?

– Ваше величество, – дрожащим от волнения голосом ответил юноша, – случилось нечто такое, о чем я считаю необходимым довести до вашего сведения!

– Считаете?

Вместо ответа Ренэ покосился на Лапорта. Король понял и лаконичным движением пригласил Ренэ войти в соседнюю комнату.

– Ну? – отрывисто спросил он его там.

– Ваше величество, – чуть не плача, произнес Ренэ, – очевидно ее высочеству герцогине Орлеанской стало известно о свидании, происходившем сегодня утром в оранжерее. По крайней мере, ее высочество только что при всем придворном обществе осыпала девицу де Лавальер бранью и тяжелыми оскорблениями, откровенно назвала ее самой низкой распутницей и приказала до утра выехать вон отсюда. Де Лавальер не стала ждать утра, и я сам видел, как она только что выехала в крестьянской повозке. Я окликнул ее, но она не слышала. Вообще ее вид внушает серьезные опасения, как бы она не наложила на...

Но король уже не слушал далее. Не заботясь о своем внешнем виде, не надевая шляпы, он кинулся вон, направляясь к покоям Генриетты Английской.

Герцогиня все еще находилась на веранде среди придвор-

ного общества, когда на ступеньках показался Людовик. Гели бы Генриетта не была так взволнована, то заметила бы, что вид короля не предвещает ничего доброго. Но она еще не успела переварить в душе сообщение Гиша, в ней все еще дрожали мстительным гневом каждая жилка, каждый фибр души. Поэтому, увидев короля, она воскликнула самым язвительным тоном, на какой только была способна:

– Ваше величество, вы – у меня? Могла ли я ждать такой чести! После всего того, что я узнала сегодня, я никоим образом не ожидала, что вы снизойдете посетить меня в моих...

– Французский король – везде у себя во Франции, особенно в лично принадлежащем ему поместье, – холодно оборвал герцогиню Людовик. – Мне кажется, вы забыли об этом, ваше высочество, как забыли и о том, что так не встречают французского короля и что к нему не обращаются с вопросом, словно к дворцовому лакею, а ждут, пока он сам обратится с вопросом!

Все это было сказано холодным тоном, и каждое слово этой отповеди было услышано всеми собравшимися на веранде.

Среди придворных пробежал явный трепет смущенья. Присутствовать при таком разговоре было далеко не безопасно. Недаром старинная поговорка гласила, что господа дерутся, а у холопов трещат затылки! Кто их знает! В конце концов король помирится с герцогиней, но последняя непре-

менно сорвет злобу на невольных свидетелях ее унижения! Однако положение придворных было тем и плохо, что не в их власти было изменить его. От короля не отвернешься с таким видом, будто занят своим разговором с соседом, без его разрешения не уйдешь прочь.

Впрочем, испытание было скоро окончено. Король повелительным жестом пригласил герцогиню последовать за ним в комнаты и первый прошел в дверь. Генриетта последовала за ним. Тогда придворные поспешили поскорее разбежаться в разные стороны: может быть, ее высочество не вспомнит, кто именно был при этом разговоре!

Войдя в комнату, король остановился, скрестил руки на груди и пылающим от гнева взором впился в Генриетту.

– Где девица де Лавальер? – спросил он наконец.

Этот вопрос стряхнул с Генриетты то смущение, в которое ее повергла неожиданная отповедь короля. Прежняя злоба с удесyтеренной силой вспыхнула в ней.

– Как? – крикнула она. – И ты еще решаешься спрашивать меня об этом? Ты решаешься назвать в моем присутствии это имя? Да понимаешь ли ты...

– Ваше высочество, еще раз повторяю вам, вы за-бы-ва-е-тесь! – произнеси Людовик, отчеканивая каждое слово. – Гще раз спрашиваю вас и требую ответа: что вы...

Он остановился, так как увидел через оставшуюся не закрытой дверь во внутренний коридор, что по последнему идет придворный лакей, неся на подносе какое-то письмо.

Лакей растерянно остановился у порога, затем, повинувшись повелительному окрику герцогини, с глубоким поклоном подал ей письмо и раболепно удалился, пятясь назад.

Герцогиня порывисто вскрыла письмо, пробежала его глазами, нервно рассмеялась и сказала, задыхаясь и заикаясь от волнения:

– Эта особа оказалась умнее и лучше, чем я ожидала! Она быстро сообразила, к чему может повести ее такое дерзкое легкомыслие... Ваша... Луиза... завтра...

Король одним прыжком очутился около Генриетты, вырвал у нее письмо и прочел:

«Ваше Высочество! Я взвесила обвинение, брошенное мне Вашим Высочеством, и наедине сама с собой вполне оценила как тяжесть своего греха, так и справедливость Вашего порицания. Но, быть может, Вы, Ваше Высочество, в глубине своего милосердия согласитесь, что враг человеческий слишком силен и что трудно в моем возрасте заранее рассмотреть все его ухищрения. Быть может, в неизреченной милости своей Вы согласитесь, что другие не должны страдать за мои грехи. Ваше Высочество! Если Вы исполните свою угрозу и сообщите правду о моем поведении моим родителям, это убьет их, в особенности матушку! Умоляю Ваше Высочество пощадить их! Я же решила отдать всю свою последующую жизнь Богу и завтра надеюсь уже быть монахиней, так как, наверное, монастырь кармелиток в Доннмари не оттолкнет моей скорбной души. Ваше Высочество! До конца дней мо-

их я буду молить Бога за Вас! Только пощадите мою бедную, милую матушку! Пока еще слуга Ваша Луиза де Лавальер, а завтра, надеюсь, – раба Божья сестра Луиза де ла Мизерикорд».

Быстро прочтя это письмо, Людовик кинул уничтожающий взгляд на Генриетту, подбежал к окну и крикнул первому попавшемуся придворному:

– Эй, Сен-Леон, прикажите немедленно запрячь в коляску четверку самых быстрых лошадей! Чтобы через две минуты лошади были поданы!

Крикнув это, Людовик, кинулся к выходу. Но у дверей он остановился, снова вернулся к пораженной, остолбеневшей Генриетте и сказал ей:

– Ваше высочество! Благоволите выслушать меня и взвесить каждое слово! Через несколько часов я вернусь сюда вместе с обиженной вами девушкой. К этому времени ей должны быть отведены удобные апартаменты с отдельным ходом и специальным штатом прислуги. Вместе с ней будет жить... ну хотя бы д'Артиньи, которая будет состоять при ней в качестве... *dame d'honneur*.³¹ Однако помните следующее: я не потерплю не только малейшей обиды, нанесенной этой бесконечно милой девушке, которую вы так жестоко выбросили вон, но сумею жестоко взыскать с вас за каждый косой взгляд, кинутый на нее. Она находится под моим покровительством, вы знаете меня и можете понять, что

---

³¹ Фрейлины, статс-дамы, почетной компаньонки (*фр.*).

это значит! Конечно, нечего говорить, что до поры до времени девица де Лавальер будет официально числиться в вашем придворном штате. Если вы в точности исполните мое распоряжение, то я найду в себе силы примириться с вами и простить вам эту бесчестную выходку. Если же нет... берегитесь, Генриетта, вы меня знаете! Людовик повернулся к выходу.

– Луи! – крикнула герцогиня, и в этом крике было столько горя, столько искреннего отчаянья, что Людовик был невольно тронут.

– Милая Генриетта, – сказал он, поворачиваясь к молодой женщине, – лучше будет, если вы забудете это интимное обращение, для которого – увы! – прошло время! А что прошло, то не возвращается, Генриетта, не возвращается никогда!

С этими словами король окончательно повернулся к выходу и ушел, даже не заметив, что герцогиня без стона и крика упала на пол в глубочайшем обмороке.

XII

При дворе вести распространяются очень быстро, и порой просто не можешь понять, каким образом в кратчайший срок становятся известными самые сокровенные детали! Не прошло и пяти минут с тех пор как король взошел на веранду к герцогине, а уже во всех углах замка придворные шептались о происшедшем и комментировали его во всех направлениях. При этом было известно не только то, что сказал король вслух при всех, но и то, куда и зачем скрылась Луиза. Надо ли удивляться, что экипаж, поданный королю по его приказанию, сразу помчался по дороге к Доннамари, хотя король в своем волнении забыл сказать кучеру, куда надо ехать.

Огневые кони неслись молнией, и одно лье быстро следовало на другим. Вскоре показались серые стены и башенки монастыря кармелиток. Вот кучер лихо осадил лошадей, и экипаж остановился у монастырских ворот.

Послышался испуганный вскрик матери-привратницы. Весь монастырь всполошился. Услыхала этот крик и аббатиса. Теперь она сразу поняла все, что осталось недоговоренным в исповеди Луизы. Так вот каков был «знатный синьор», любовь к которому кинула девушку в самоотреченность монастырского послушания!

Настоятельница с удивлением и нежностью посмотрела на Луизу и тут же вздохнула. Ведь «синьор» оказался знатнее

и могущественнее, чем можно было себе представить. Да, королю Франции не сопротивляются!

Аббатиса вздохнула еще раз и с грустью подумала, что светская власть все более и более порабощает власть духовную. Ведь по церковным заветам и старым, до сих пор еще не отмененным, привилегиям она могла бы скрыть беглянку у себя, не выдавать ее королю, власть которого должна бы кончатся за этими стенами. Но не все шло в мире так, как должно было бы идти. Сопротивление было невозможно. И, вздохнув в третий раз, настоятельница поспешила навстречу земному богу Франции.

Король шел по аллее главного хода, милостиво отвечая на приветствия выбежавших навстречу ему монахинь.

– Здравствуйте, сестры, здравствуйте, да сохранит вас Господь! – милостиво говорил он, кланяясь на обе стороны. – Надеюсь, что мать-настоятельница еще не легла спать в утомлении подвигами молитвы и трудами управления. Но, даже если это и так, все-таки... А, вот и она сама, – воскликнул он, увидев величественную фигуру аббатиссы. – Приветствую вас, святая мать, и поручаю себя вашим святым молитвам, – произнес он, обращаясь к настоятельнице. – Извиняюсь от глубины души, что тревожу вас в такой поздний час. Но у меня случилось несчастье! Из нашего замка упорхнула птичка, которая вообразила, будто она должна сменить свой пестрый наряд на серое одеянье монашенки! Правда, мою пташку спугнули злые люди. Но все-таки это – ошибка!

Птичка принадлежит нам, миру, ей пока еще нечего делать в этих стенах, и я надеюсь, что вы отдадите мне ее! Я же не оставлю монастыря своей монаршей милостью, и богатый вклад будет моей благодарностью за возврат беглянки!

Небрежный тон короля, та легкость, с которой он прямо подошел к торгу, думая пожертвованием купить помощь настоятельницы его нечистым планам, возмутили ее гордость. Она происходила из древнего аристократического рода, имела громадные связи в Риме, а страдания, кинувшие ее тридцать лет тому назад под защиту клобука, закалили ее волю. Поэтому, плотно поджав губы и окидывая короля твердым, укоризненным взглядом, аббатисса ни слова не промолвила в ответ на его шутовское обращение.

Людовик подождал немного, затем нетерпеливо топнул ногой и произнес:

– Ну-с, святая мать? Я жду ответа!

– Но я еще не слыхала вопроса, ваше величество, – холодно ответила аббатисса, – или по крайней мере не поняла его.

– Извиняюсь, если был не точен в выражениях! – насмешливо возразил король. – Хорошо, поставлю вопрос прямо: у вас находится девица Луиза де Лавальер?

– Да, ваше величество, назвавшаяся этим именем девушка только что добровольно обратилась к святой защите нашей обители! – ответила настоятельница, подчеркивая снова «добровольно» и «к защите».

– Отлично! – сказал король, не обращая внимания на

сакраментальность тона настоятельницы. – В таком случае будьте добры указать мне, где я могу найти эту девушку!

– Ваше величество, – собирая всю свою твердость, произнесла настоятельница, – осмелюсь почтительнейше указать, что стародавние привилегии нашего монастыря и разъяснения, неоднократно дававшиеся по этому поводу в буллах святого отца...

– Ах, да оставьте в покое свои привилегии и святого отца! – нетерпеливо крикнул король. – Ни те, ни другой не имеют ни малейшего отношения к этой девушке!

– Ваше величество, вы находитесь в заблуждении! – твердо возразила настоятельница, гордость которой была возмущена еще более. – Привилегии дают нам право не выдавать прибегающих к нашей защите никакой светской власти.

– Что такое? – крикнул король. – Да знаете ли вы, что стоит мне захотеть, и через несколько часов ваш монастырь со всеми своими привилегиями будет наводнен солдатами, которые сумеют найти девушку, куда бы вы ни запрятали ее!

– Посвятившие себя Богу должны быть во всякий час готовы к насилию и гонениям, – ответила настоятельница. – Этого ли убоюсь я, поступая по праву и долгу?

Король весь загорелся гневом, и неизвестно, чем окончилась бы эта сцена, если бы в этот момент из-за настоятельницы не показалась стройная фигура Луизы. Девушка услышала гневные окрики короля и поспешила на помощь настоятельнице.

– Луиза! – восторженно крикнул Людовик, увидев девушку. – Жестокая! Злая! Как могла ты нанести мне такой удар! Но я поспел вовремя; я не дам тебе поддаться минуте скорби и отчаяния! Пойдем со мною! Все будет хорошо! – и он, кинувшись к девушке, хотел взять ее за руку.

Однако Луиза быстрым движением отступила назад и сказала взволнованным, но твердым голосом:

– Нет, не подходите ко мне, государь! Я уже не принадлежу миру! Я дала обеты Богу, и завтра эти обеты плотным затвором лягут между мной и соблазнами света!

– Никогда! – крикнул король. – Неужели ты воображаешь, что я допущу тебя необдуманно совершить такой шаг? Если мать-настоятельница во всей своей святости не захотела разъяснить тебе ошибочность твоего намерения, то я тебе скажу: ты идешь против религии, против ее требований! Да, Луиза, церковь не допускает, чтобы такой важный обет был дан в минуту душевной горечи, в момент острого отчаяния. Только долго и здраво обдумав, только испытав себя длительным искусом, может человек принять ангельский чин! Я знаю, тебя глубоко и незаслуженно обидели, я понимаю, какое отчаянье должно было вселиться в твою нежную, стыдливую душу! Но больше ты никогда не услышишь таких слов, какие кинула тебе сегодня разгневанная женщина, за это ручаюсь тебе я, король! Нет, Луиза, я не оставляю тебя!.. Неволей или волей, ты должна будешь последовать за мной!

– Почему же вы непременно хотите погубить мою душу,

государь? – тихо ответила Луиза. – Я не создана для жизни в позоре, я не в состоянии буду долго выдержать в скверне и муках раскаяния. Для меня нет выбора; только две дороги открыты мне: пострижение или самоубийство. Неужели вы захотите, государь, сознательно толкнуть меня на смертный грех лишения себя жизни?

– Но о какой скверне, о каком грехе говоришь ты, Луиза? – горячо воскликнул король. – Разве я не сказал тебе, что никогда не потребую от тебя того, что ты не захочешь дать мне добровольно? Разве не принял я твоих условий, когда ты предложила мне лишь чистую братскую любовь? И это – грех, говоришь ты? – Людовик замолчал, пламенным взором впиваясь в лицо девушки, и затем, забывая, что они – не одни, забывая обо всем на свете, продолжал: – Пожалей меня, моя Луиза!.. Я ведь – так одинок! Как я буду без тебя? Ах, зачем ты встретила на моем пути, зачем блеснула на меня своим кротким, лучезарным светом? Легче было бы мне никогда не знать тебя, чем страдать так, как сейчас! Жестокая! Ты думаешь лишь о себе, а я?

Проникновенный тон этих простых, сердечных слов поразил Луизу в самое сердце. Она задрожала всем телом и закрыла лицо руками.

Между тем король продолжал:

– Ты говоришь о грехе, о скверне... А между тем твоя близость спасает меня от греха и скверны, твое отдаление – вновь ввергает власти дьявола. Ты знаешь, в каком грехе

жил я до сих пор. И вот я порвал сегодня эту преступную связь, потому что, заглянув в твои глаза хоть раз, уже не мог продолжать прошлое. Та женщина давала мне все наслаждения страсти, ты заранее обещала мне лишь братскую, чистую любовь. И ради твоей дружбы я порвал с первой! Благодаря твоему влиянию я сразу стал чище и лучше. И вот, подумай! Если ты все-таки оттолкнешь меня, дьявольский соблазн вновь овладеет мной, так как никто столь не подвержен обольщениям сатаны, как человек, дошедший до предела отчаянья. Спасая свою душу, ты погубишь мою! Луиза, я не буду принуждать тебя, не употреблю силы, но, если в тебе найдется хотя искорка святого чувства ко мне, ты изменишь свое жестокое решение и вернешься со мной!

Король взором, полным страстной надежды и тревоги, впился в фигуру Луизы, с трепетом ожидая ее ответа.

Но Луиза продолжала стоять в той же позе. Сквозь пальцы рук, которые она судорожно прижимала к лицу, струились обильные слезы, а тело вздрагивало от конвульсивных рыданий.

Король подождал немного. Прошло несколько секунд в бесконечно томительной паузе. Затем он безнадежно махнул рукой, скорбная тень скользнула по его красивому лицу, и он тихо произнес:

– Ну, что же!.. Значит, не судьба. В таком случае прощай, Луиза, спасай свою душу и помолись когда-нибудь за меня, душу которого ты сама обрекаешь тлену и гибели.

Он поник головой и хотел уже повернуться, чтобы направиться к выходу. Но в этот миг Луиза с громким рыданием упала на колени перед настоятельницей и рыдая воскликнула:

– О, святая мать, простите меня! Боюсь, что вы будете обо мне очень дурного мнения, но я... не могу! Все равно, если после этих слов, после этой мольбы я и надену на голову клобук, то через час начну биться ею о стену, пока не кончу невыносимых страданий! Я не могу оставить его. О, простите меня, простите, но я... не могу остаться у вас!

Что-то словно подхватило бесстрастную аббатису. Она дрожащими руками приподняла с земли рыдавшую девушку, приникла к ее лбу сухими, бледными губами и сказала взволнованным голосом:

– Ну, что же! Ступай опять туда, куда влечет тебя твоя судьба! Как знать, может быть, ты нужна Богу именно там, а не здесь! Может быть, Господь судил тебе стать защитницей униженных и оскорбленных! Господь с тобой, бедная птичка! Ступай!

Настоятельница слегка подтолкнула девушку к Людовику. Король подхватил в свои объятия Луизу и почти снес ее в экипаж. Через минуту защелкали бичи, кони рванулись, и экипаж быстро понесся обратной дорогой.

Аббатисса быстрым шагом направилась в садик, взобралась на холм и стала смотреть вслед удалявшемуся экипажу. Когда же и коляска, и лошади скрылись во мгле вечернего

мрака, она широко распростерла руки, как бы благословляя беглянку, и ее губы прошептали:

– Да спасет тебя Бог, прекрасное дитя мое!

Затем она опустилась на колени и стала горячо молиться, отбивая земные поклоны прямо в пыль садовой дорожки.

XIII

У герцогини Орлеанской был один из ее любимых интимных вечеров. Приглашен был только тесный кружок друзей, в том числе и сам король Людовик. Из фрейлин герцогини присутствовали лишь Лавальер и д'Артиньи. Что касается первой, то Генриетта не без внутренней борьбы допустила «незадачливую монашку», как она называла теперь Луизу, на этот вечер. Но... инструкции короля Людовика были слишком категоричны и определены, преступить их герцогиня не могла. Кроме того, она твердо верила, что «каприз» короля скоро пройдет и Людовик еще вернется к ней, Генриетте. Поэтому идти наперекор Людовику было бы просто неумно, и герцогиня, хотя и со вздохом, подчинилась необходимости терпеть весь вечер возле себя ненавистную соперницу.

Основным отличием этих вечеров бывала непринужденность тона: каждый делал что хотел, не стесняясь никакими требованиями этикета. Часть гостей расположилась около ваз с фруктами, иные предпочитали бутылки вина, третьи парочками щебетали о любви в уголках за трельяжами, а за двумя столами расположились любители шахматной игры. Генриетта играла с Гишем, король Людовик – с Луизой де Лавальер.

«Незадачливая монашка» очень любила шахматную игру,

прекрасно играла в нее и могла явиться серьезной противницей даже такому первоклассному игроку, как король. Вокруг их столика кольцом стояли любопытствующие, с интересом следившие за оживленной партией. Был как раз очень напряженный момент. Король сделал замысловатый ход, и со стороны казалось, что положение его партнерши совершенно безнадежно. Но Луиза, подумав довольно долго, беззаботно двинула пешкой, затем переставила слона, и вдруг тишину прорезал ей веселый, звучный голос:

– Шах королеве, государь! Шах королеве!

– Гм... – шепнул виконт де Решикур Сэнт-Эньяну. – А ведь здесь как будто и на самом деле будет «шах королеве»!

– Нет! – с тонкой улыбкой ответил Сэнт-Эньян, подхватывая налету кинутый ему намек. – Шах королеве был там, – он слегка кивнул подбородком в сторону Генриетты, – а здесь королеве грозит полный мат!